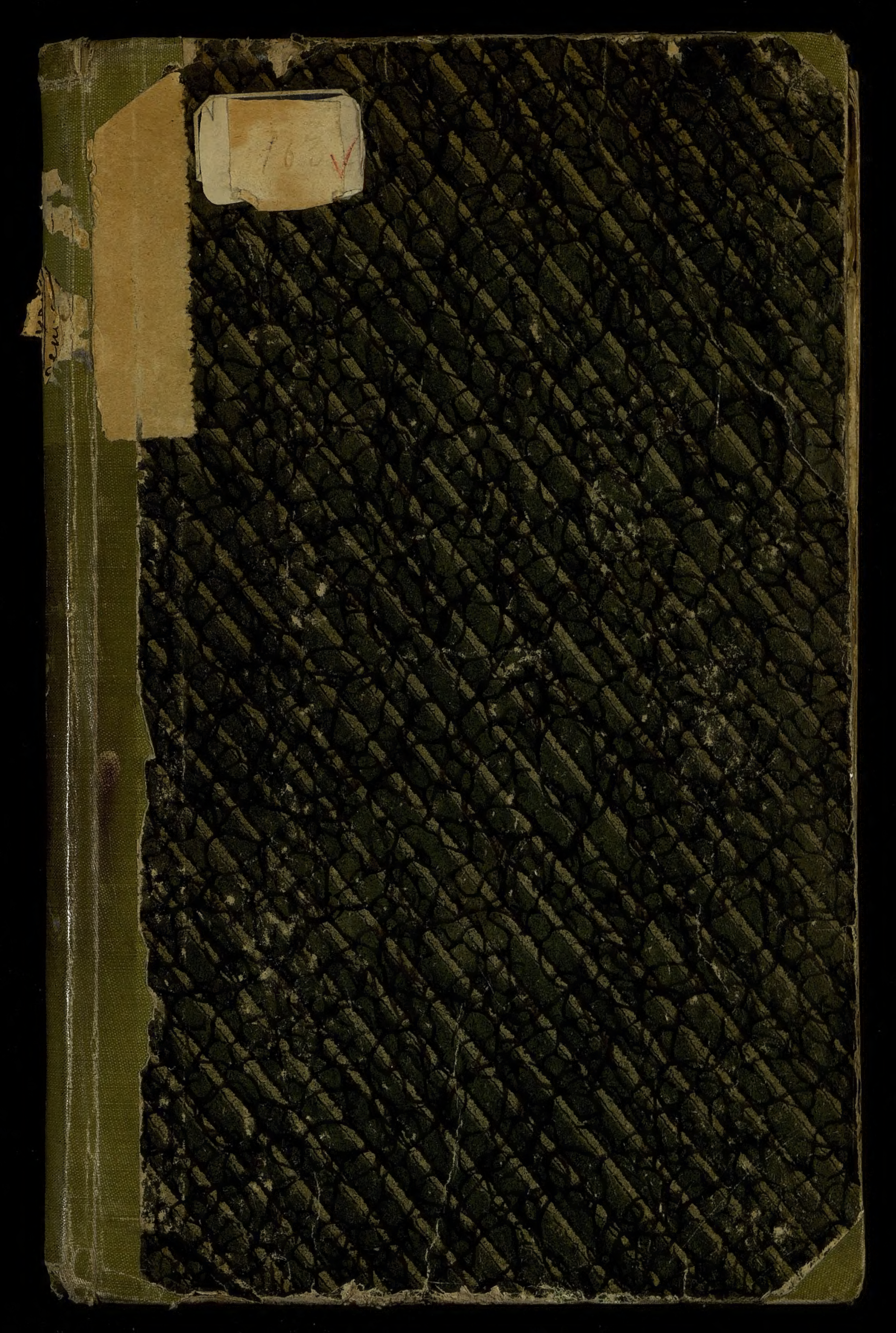
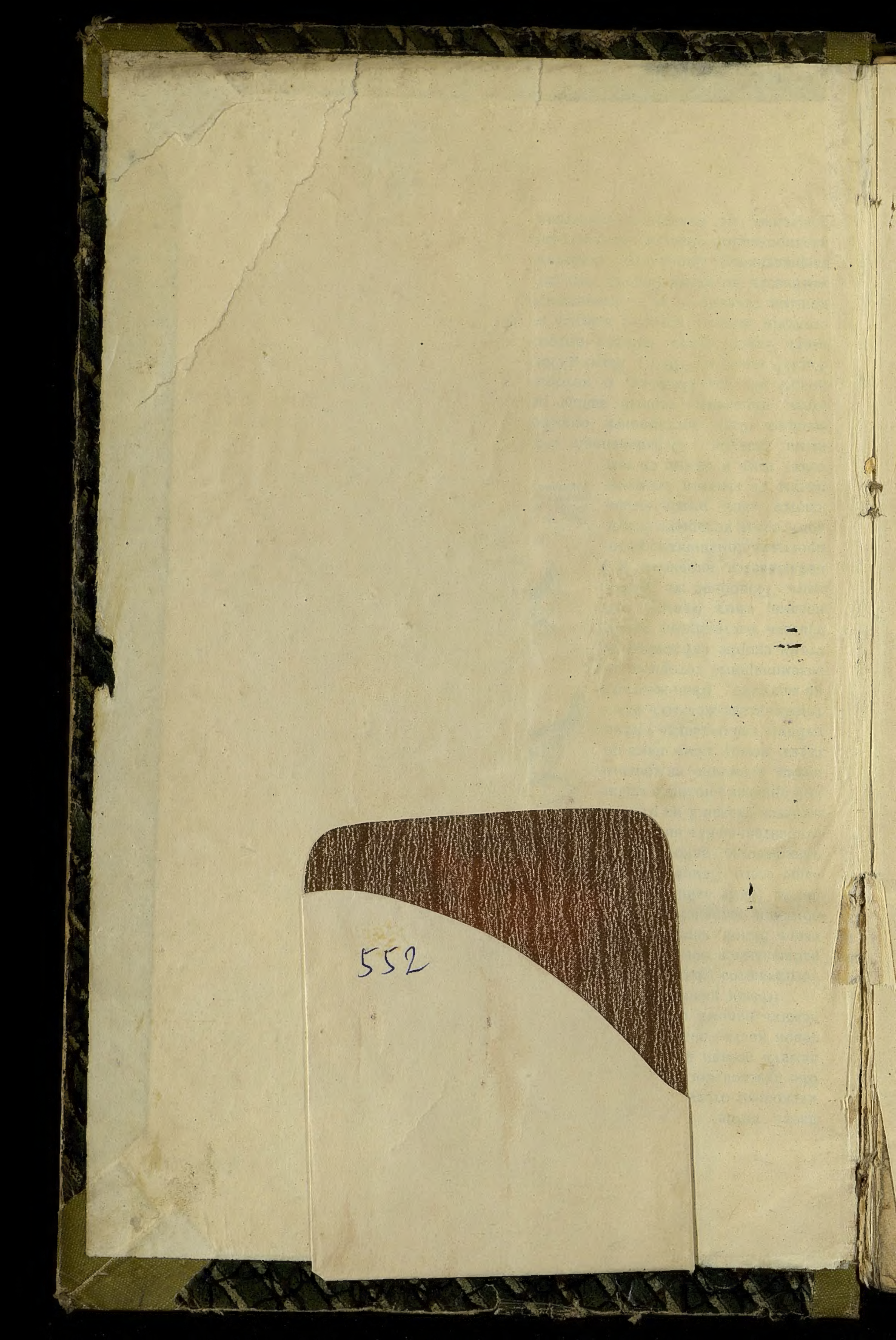
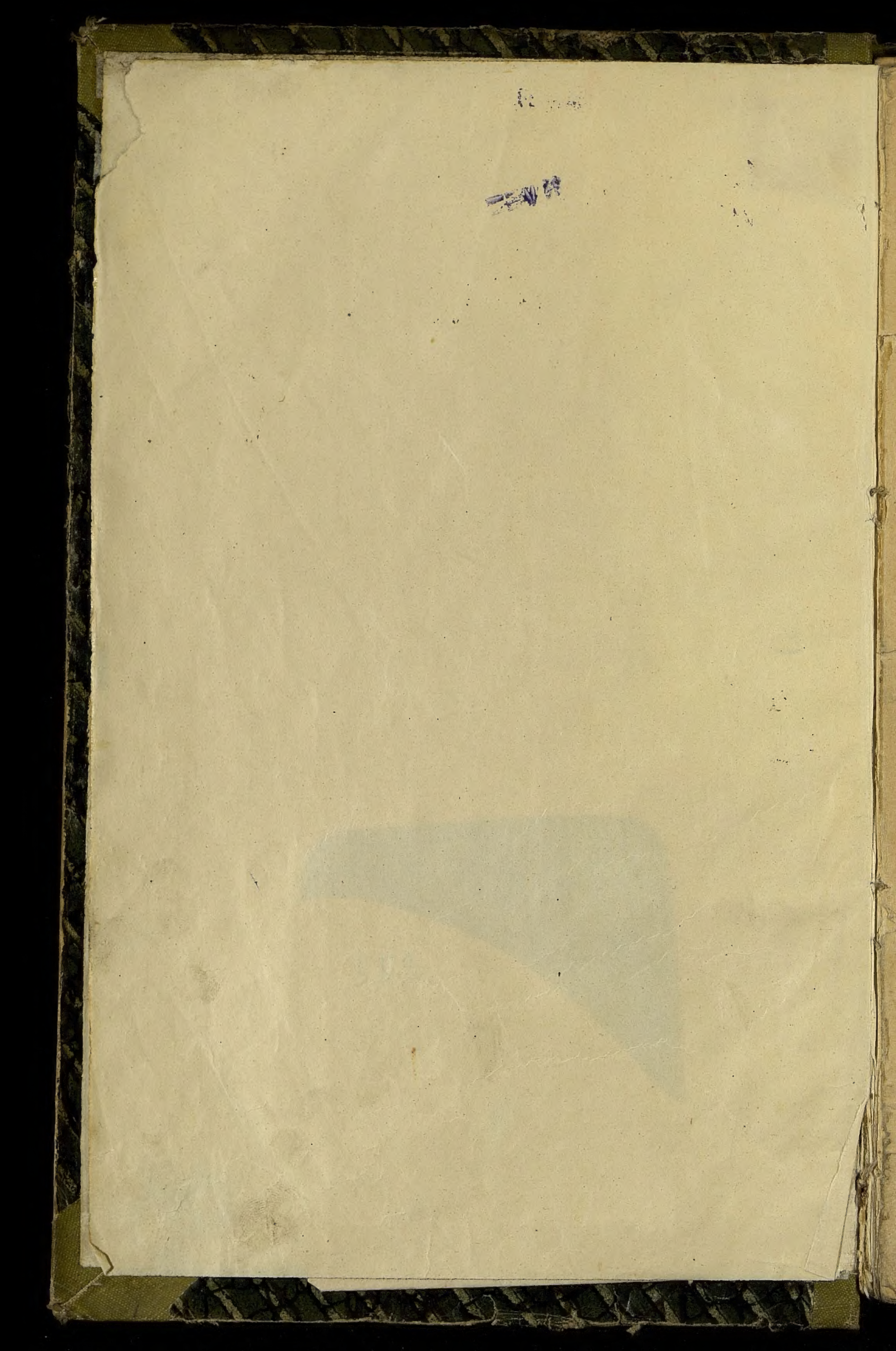
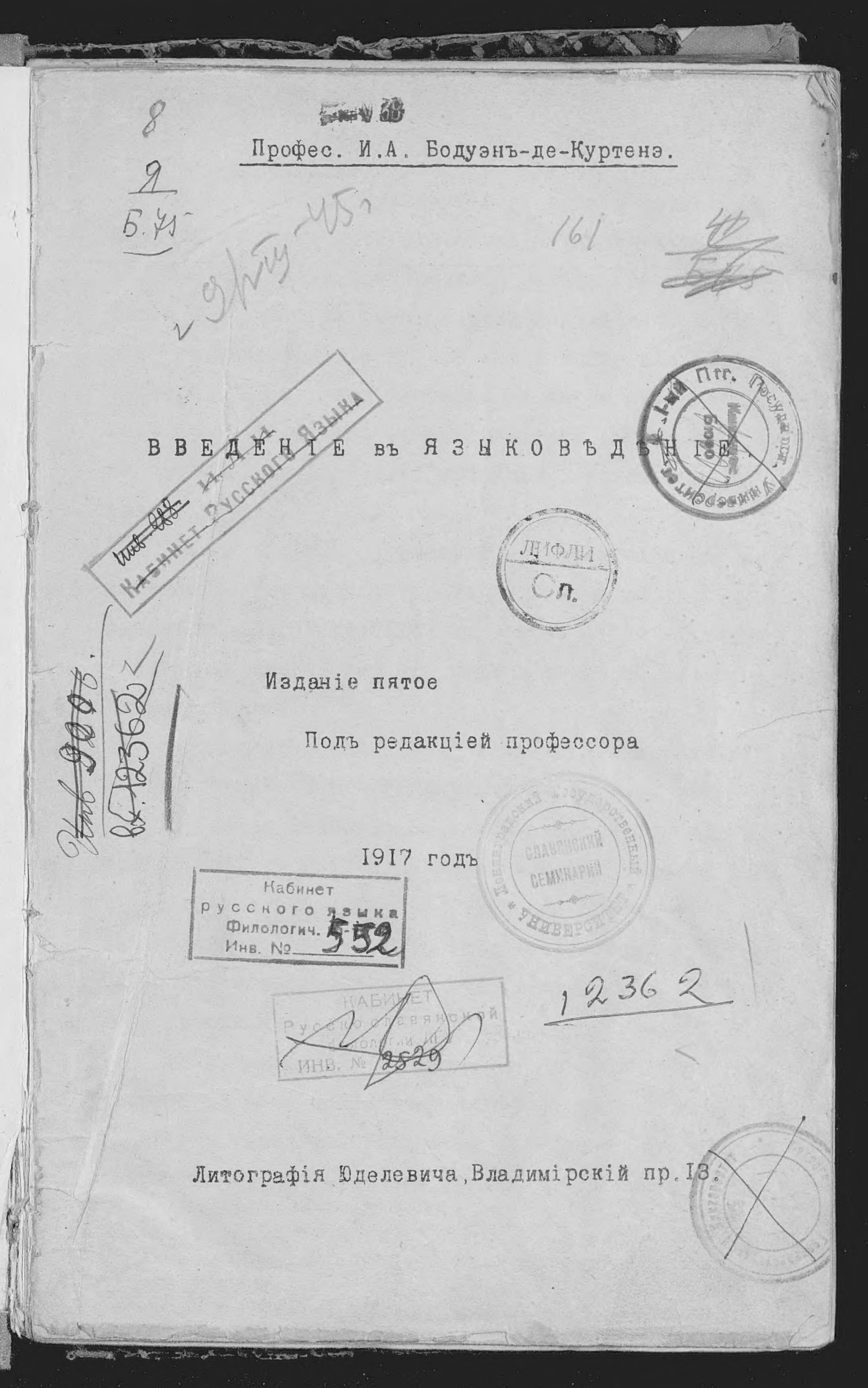

552

Профес. И.А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

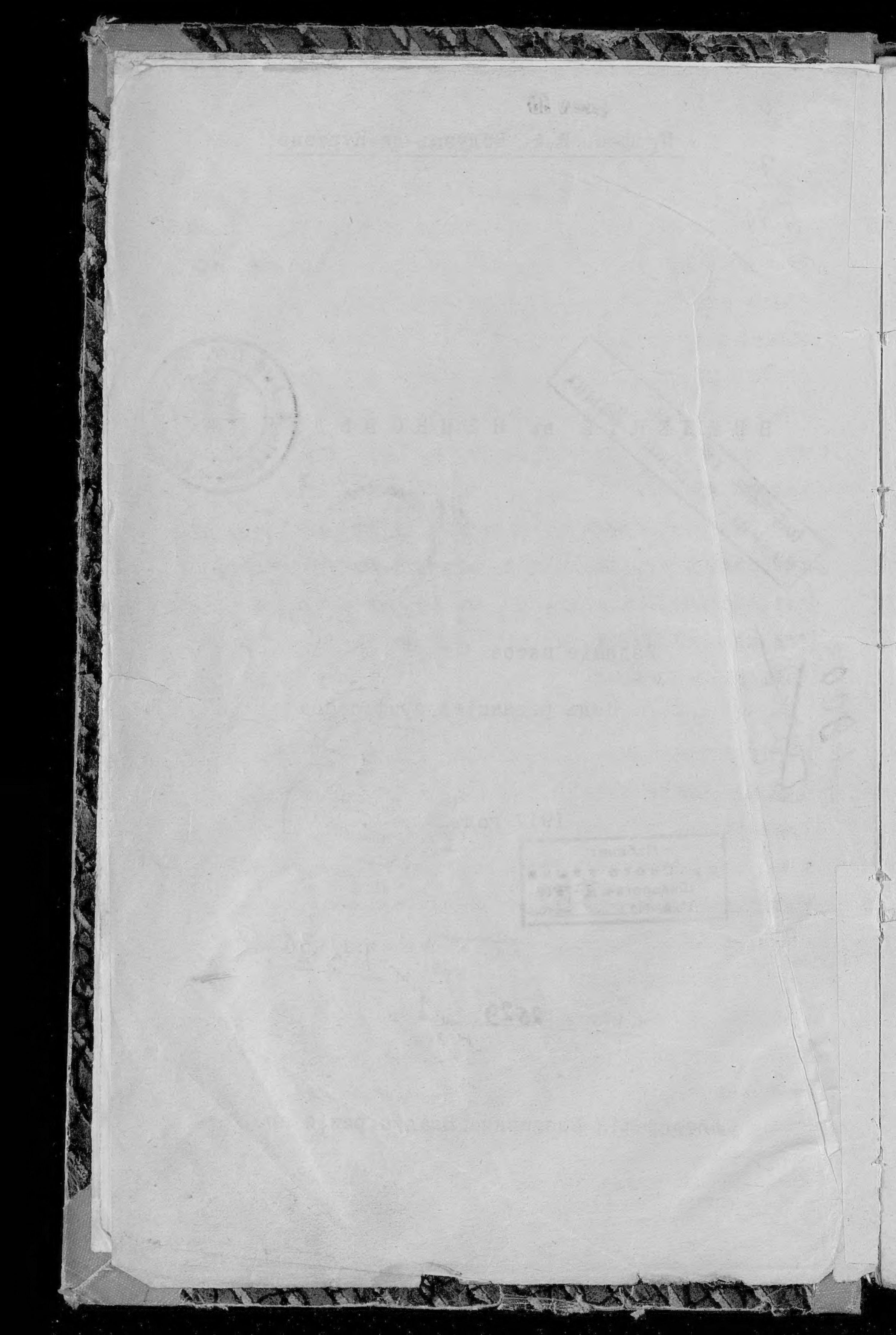
ВВЕДЕНІЕ въ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Изданіе пятое

Подъ редакціей профессора

1917 годъ

Литографія Юделевича, Владимірскій пр. 13.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

§ I. Произнося „введеніе въ языковѣдѣніе", мы не представляемъ себѣ при этомъ языковѣдѣніе какимъ то зданіемъ, куда приглашаются посѣтители для обозрѣнія того, что въ этомъ зданіи помѣщается. „Введеніе" въ языковѣдѣніе имѣетъ здѣсь болѣе или менѣе такое значеніе, какъ введеніе въ какую либо книгу, какъ предварительное ознакомленіе съ общими началами, легшими въ основаніе или данной книги, или же данной науки.

Мы не вводимъ слушателей или читателей въ языковѣдѣніе, но, наоборотъ, вводимъ языковѣдѣніе, т.е. лингвистическое мышленіе, въ головы этихъ слушателей или читателей, мы его тамъ насаждаемъ, мы его тамъ разводимъ.

Но человѣческій мозгъ, какъ носитель психики, не представляетъ изъ себя такой абсолютной tabula rasa, какою являются съ одной стороны фонографъ, граммофонъ, съ другой же стороны бумага, доска или т.п., на которыхъ пишутъ. Только то можетъ быть дѣйствительно введено въ человѣческую психику достойнымъ ея образомъ, что усваивается ею продуманно и самостоятельно.

Не всѣ носители человѣческихъ головъ и содержащихся въ нихъ психическихъ міровъ смотрятъ на себя такимъ образомъ. Нѣкоторые отожествляютъ себя съ граммофонами, фонографами, бумагой, доской или т.п.

Литографія Юделевича, Владимірскій 13.

Такъ смотрятъ на себя, напр., тѣ, кто, приготовляясь къ экзаменамъ, ограничивается такъ наз. зубрежкой, т.е. механическимъ страдательнымъ заучиваніемъ курсовъ и конспектовъ, безъ надлежащаго пониманія.

Сознательный человѣкъ, заслуживающій этого названія, долженъ ко всему, имъ усваиваемому, относиться сознательно, т.е. и слушать лекціи и читать книги съ пониманіемъ и критически. Онъ долженъ помнить, что человѣческая голова не есть tabula rasa, на которую можно наносить все, что угодно, безъ ея активнаго участія. Въ человѣческой головѣ, какъ въ таковой, хранятся зародыши всѣхъ знаній. Задача же учителя состоитъ въ томъ, чтобы помогать этимъ зародышамъ развиваться и укрѣпляться, въ томъ, чтобы помогать рождаться мыслямъ самостоятельнымъ.

§ 2. Слѣдовательно, и мнѣ приходится не моихъ слушателей вводить въ языковѣдѣніе, а напротивъ того, языковѣдѣніе /точнѣе, лингвистическое или языковѣдное мышленіе/ вводить въ головы слушателей, т.е. способствовать образованію ассоціацій и сцѣпленій понятій, относящихся къ научному мышленію о предметахъ изъ области рѣчи человѣческой и изъ области науки, называемой языковѣдѣніемъ.

Но чтобы вводить что либо, надо прежде всего имѣть свободное мѣсто, свободное помѣщеніе для вновь вводимаго. А имѣется ли такое свободное помѣщеніе въ головахъ людей, прошедшихъ черезъ сред-

нюю школу и выдержавшихъ испытанiе на аттестатъ зрѣлости? Не исковерканы ли и не разрушены ли въ этихъ головахъ зародыши здравыхъ мыслей о человѣческомъ языкѣ?

Къ сожалѣнiю, благодаря своеобразному усердiю среднихъ школъ, головы ихъ признанныхъ „зрѣлыми" воспитанниковъ засорены по части языковѣдѣнiя такимъ якобы научнымъ хламомъ, что прежде, чѣмъ вводить въ эти головы „здравую научную пищу", приходится первымъ долгомъ произвести ихъ основательную очистку и дезинфекцiю отъ всего этого сора, накопившагося въ нихъ въ теченiе восьми-лѣтняго школьнаго обученiя.

§ 3. Этого можно хоть отчасти достигнуть посредствомъ критики нѣкоторыхъ ученiй и положенiй, прививаемыхъ школьной молодежи съ помощью учебниковъ, не только одобряемыхъ, но и усердно рекомендуемыхъ и даже навязываемыхъ разными „учеными комитетами".

Сюда относятся какъ учебники грамматики „отечественнаго," въ данномъ случаѣ русскаго /съ прибавленiемъ церковно-славянскаго/, такъ и грамматическiя пособiя по изученiю такъ называемыхъ „новыхъ языковъ" такъ и, наконецъ, грамматики „древнихъ" языковъ, изученiе которыхъ, по мнѣнiю такъ называемыхъ „знатоковъ дѣла", служитъ будто бы лучшей „гимнастикой ума" и лучшей подготовкой къ научнымъ занятiямъ.

Всѣ эти учебники, да не только учебники, но и многiя сочиненiя, претендующiя на научность, насаждаютъ въ головахъ путаницу и смѣшенiе понятiй.

Къ сожалѣнiю, я могу удѣлить только немного вре-

мени разбору положеній учебниковъ, населяющихъ въ головахъ учениковъ смѣшеніе понятій и внушающихъ имъ своею безсмысленностью отвращеніе къ языковѣдѣнію. Кромѣ того, я ограничусь только учебниками русскаго языка, оставляя въ сторонѣ учебники „новыхъ"языковъ и отличающіеся „классическими" нелѣпостями учебники „классическихъ" языковъ.

Глава I.

Изъ русскихъ „грамматикъ", изъ „грамматикъ русскаго языка.

§ 4. Грамматики всякаго такъ наз. „отечественнаго" языка, въ данномъ случаѣ русскаго, должны бы служить самымъ подходящимъ введеніемъ въ языковѣдѣніе. Вѣдь онѣ пользуются готовымъ матеріаломъ,существующимъ въ своей цѣльности и полнотѣ въ головахъ учениковъ. Поэтому ихъ задача могла бы быть крайне благодарной и благотворной. Онѣ должны бы только озарять свѣтомъ сознанія существующія въ безсознательномъ и полусознательномъ состояніи ассоціаціи языковыхъ представленій и черезъ ихъ надлежащее освѣщеніе и умѣлое сопоставленіе помогать носителямъ этого живого матеріала дѣлать самимъ требуемые научные выводы.

Но не тутъ то было. На существующій живой, готовый матеріалъ никто не обращаетъ вниманія. Живой языкъ самъ по себѣ, а обученіе грамматическимъ тонкостямъ само по себѣ. Вмѣсто того, чтобы пріучаться относиться сознательно къ собственному, давно усвоен-

ному языку, ученики должны зазубривать безсмысленныя опредѣленія и положенія, чуждыя всякой связи съ живымъ матеріаломъ и, стало-быть, психически мертвыя. Куда ни заглянешь въ такой одобренный и даже рекомендуемый учебникъ отечественнаго языка, вездѣ натыкаешься на отсутствіе психической жизненности и логическаго смысла.÷/

Возьмемъ хоть бы слѣдующія опредѣленія:

I.

§ 5. „Слова состоятъ изъ звуковъ: такъ, напримѣръ, въ словѣ в-о-д-а четыре звука".

На первый взглядъ это положеніе кажется безвреднымъ и невиннымъ, а между тѣмъ оно содержитъ въ себѣ цѣлую массу несоотвѣтствій реальнымъ фактическимъ отношеніямъ. И вотъ почему:

I/ Сама постановка произвольна. Откуда эти „слова"? Развѣ только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимаго. А здѣсь очевидно идетъ рѣчь объ одномъ только произносимомъ и слышимомъ. Ибо только къ слышимому можно примѣнять понятіе звука.

Произносимое и слышимое можетъ состоять изъ звуковъ и ихъ сочетаній. И при этомъ все равно, „понимаемъ" ли мы произносимое и слышимое какъ настоящія предложенія и слова, т.е. ассоціируемъ ли съ произносимымъ и слышимымъ другія имѣющіяся въ

÷/ Я не называю именъ; но скажу только, что даже учебники, составляемые профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, насаждаютъ въ головахъ учащихся такую же путаницу, какъ и всѣ остальные.

языковомъ мышленіи представленія, или же ограничиваемся однимъ только восприниманіемъ произносимаго и слышимаго.

При такомъ отношеніи къ слышимому можно произвольно сокращать или увеличивать число „звуковъ" даннаго „слова", объединяя ихъ въ одно произносимое цѣлое свойственнымъ данному языку /точнѣе, произношенію/ построеніемъ со стороны акцента или ударяемости, и все таки будутъ получаться „слова". Напр., не только вода /вода/, но тоже водáсъ, водáн, водáт, водáр, водáка, водáкла, водáрт, водáскис, водáтыр, водáкорак..., твода́, увода́, овода́, тывода́, совода́..., ода́, да, а..., вод, во... Затѣмъ возможны „слова", „состоящія изъ звуковъ", въ родѣ пули́кара /пу́ликара, пулика́ра, пуликара́/, молови́лика /мо́ловилика, моло́вилика, моловили́ка, моловилика́/, сима́охи́ха /си́манохиха.../, пурикалами́н /пу́рикаламин../ Вѣдь все это „слова", „состоящія изъ звуковъ"./Ср. Б-де-К.Зад.39/.

Но и тутъ такъ только для слушающаго; для произносящаго прибавляются движенія органовъ произношенія, т.е. элементы, или составныя части мускульныхъ движеній и мускульнаго /двигательнаго/ чувства.

Пойдемъ дальше. Развѣ это есть настоящій составъ, настоящее существованіе даже хотя бы только произносимаго и слышимаго? Что дѣлаетъ возможнымъ произношеніе и слышаніе? Только безпрерывность существованія въ отдѣльныхъ индивидахъ, т.е. въ от-

дѣльныхъ носителяхъ даннаго языковаго мышленія /языковой церебраціи/ представленій мускульныхъ работъ, контролируемыхъ мускульнымъ /двигательнымъ/ чувствомъ,и представленій звуковыхъ, акустическихъ впечатлѣній, вызываемыхъ этими мускульными работами, являющимися причиною акустическихъ колебаній въ окружающей насъ воздушной и вообще упругой средѣ.

§ 6. 2/ Такъ со стороны произношенія и слышанія, единственной для того, кому чуждо пониманіе значенія словъ. Но вѣдь въ полномъ языковомъ мышленіи есть другая сторона, сторона болѣе важная, безъ которой нѣтъ ни словъ, ни предложеній, ни языковаго общенія, ни рѣчи человѣческой вообще. Это сторона значенія и расчленяемости съ этой именно точки зрѣнія.

Для такъ наз. непонимающаго русскаго языка произносимый и слышимый или только представляемый произносимымъ и слышимымъ комплексъ звуковыхъ единицъ вода́ имѣетъ вполнѣ одинаковую цѣнность съ комплексомъ ода́, да, а, вод, во..., вода́н, вода́т, вода́ки, вода́кла, вода́тахъ..., свода́, твода́, тывода́, совода́ и т.д.

Всѣ эти „слова" состоятъ изъ „звуковъ"въ смыслѣ выше приведеннаго опредѣленія.

Для „понимающаго" же русскій языкъ слова состоятъ изъ дальше недѣлимыхъ знаменательныхъ частей. Съ этой точки зрѣнія вода есть слово: но другіе выше поименованные звуковые комплексы являются для русскаго пониманія лишенными смысла. Это не то,что

наборъ словъ, а просто наборъ слоговъ и звуковъ, точнѣе слоговыхъ и звуковыхъ впечатлѣній, въ связи съ вызывающими эти впечатлѣнія мускульными работами.

Почему же это такъ? Почему вода есть слово, а остальные звуковые комплексы не могутъ быть названы словами?

А вотъ потому, что съ понимаемымъ словомъ вода ассоціируется представленіе извѣстнаго значенія, т.е. извѣстное внѣязыковое представленіе, да кромѣ того представленіе извѣстнаго опредѣленнаго морфологическаго построенія слова. /Здѣсь примѣняются понятія изъ области семасіологіи и морфологіи языка/.

Это станетъ яснымъ, если мы сопоставимъ слѣдующія слова, ассоціируя съ ними общее, объединяющее представленіе языковаго общенія въ русской племенной, языковой средѣ:

Вод-а, вод-к-а, вод-оч-к-а, водиц-а /водь-ыц-а/.., вод-а, вод-н-ый, водян-ой /водь-ан-ой/, водянистый /водь-ань-ыст-ый/...; вод-а, вод-н-ый, над-вод-н-ый, под-вод-н-ый, раз-вод-ни-ть /раз-вод-нь-ы-ть/, раз-вод-неніе /раз-вод-нь-энь-ый-э/, на-вод-ни-ть /на-вод-нь-ы-ть/, на-вод-ня-ть /на-вод-нь-а-ть/, на-вод-неніе /на-вод-нь-энь-ый-э/...; вод-а, вод-ы, вод-ою, вод-ам, вод-ах, вод-ами, вод, вод-ы, вод-у, вод ѣ /водь-э/...; водиц-а /водь-ыц-а/, водиц-ы /водь-ыц-ы/..; без-вод-ы, с-вод-ы, из-вод-ы, в-вод-у, на-вод-у, в-водѣ /в-водь-э/, на-водѣ /на-водь-э/, за-вод-ой..; вод-о-ем /вод-о-йом/, вод-о-с-точ-н-ый, вод-о-снабж-

еніе /вод-о-снабж-энь-ый-э/, вод-о-про-вод, водян-к-а /водь-ан-к-а/...; вод-о-лаз ныр-н-у-л под-вод-у...÷/

Состоятъ ли всѣ эти слова, какъ слова, изъ звуковъ? Нѣтъ, они, правда, какъ могущія быть произносимыми, состоятъ изъ рядовъ звуковыхъ представленій,

÷/ Прямая отвѣсная черта указываетъ здѣсь не удареніе, не акцентъ, а только дѣлимость слова на морфологическіе элементы или „морфемы". Благодаря своеобразному отношенію между русскимъ письмомъ и русскимъ произносительно-слуховымъ языкомъ, раздѣленіе въ родѣ вод-ѣ, вод-иц-а, на-вод-н-я-ть... наводитъ на ложное представленіе о дѣлимости произносимыхъ и слышимыхъ словъ. Слѣдовательно, мы изображаемъ эту дѣлимость въ видѣ водѣ, водица, на-вод-ня-ть..., указывая этимъ, что изъ цѣлой группы произносительно-слуховыхъ элементовъ, ассоціируемыхъ съ представленіемъ буквъ ѣ, и, я... одинъ изъ элементовъ /именно „мягкость" предшествующей согласной/ входитъ въ составъ предшествующаго морфологическаго элемента, а всѣ остальные /представленіе слогообразованія, представленіе извѣстнаго уклада полости рта/ - въ составъ слѣдующей гласной, какъ составной части слѣдующаго морфологическаго элемента. Граница между морфологическими элементами произносительно - слухового языка приходится здѣсь въ писанно-зрительномъ языкѣ на недѣлимое представленіе буквъ ѣ, и, я, ю, е... и, собственно говоря, тоже всѣхъ остальныхъ буквъ гласныхъ: вода, воды, водой....
См. Б.-де-К. Отн. §§ 90-100.

но, какъ живыя, знаменательныя слова, они состоятъ изъ ряда морфемъ или же изъ основъ и сочетаемыхъ съ ними морфемъ /суфиксовъ, окончаній/, - смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы взглянемъ на ихъ составъ.

§ 7. Итакъ, вмѣсто безсмысленнаго положенія „слова состоятъ изъ звуковъ" слѣдуетъ сказать:

1/ произносимое состоитъ изъ ряда мускульныхъ работъ и вызываемыхъ этими работами мускульныхъ двигательныхъ ощущеній.

2/ Слышимое состоитъ изъ ряда звуковыхъ впечатлѣній и обусловливаемыхъ этими впечатлѣніями возбужденій въ психическомъ центрѣ.

3/ Представляемое произносимымъ состоитъ изъ ряда произносительныхъ представленій.

4/ Представляемое слышимымъ состоитъ изъ ряда акустическихъ, слуховыхъ представленій.

5/ Понимаемое предложеніе является, съ одной стороны, рядомъ представляемаго произносимымъ и слышимымъ, съ другой же стороны оно распадается на понимаемыя слова.

6/ Понимаемыя слова, все равно, какъ части ли предложенія, или же совершенно независимо отъ предложенія, съ одной стороны являются тоже безпрерывнымъ рядомъ представляемаго произносимымъ и слышимымъ, съ другой же стороны они состоятъ изъ морфологически и семасіологически недѣлимыхъ единицъ, которыя мы называемъ морфемами.

§ 8. Въ связи съ понятіемъ „морфемы" мы долж-

ны установить понятіе звуковой единицы языка.

Что такое звукъ языка?

Звукъ языка, какъ его дѣйствительный элементъ, есть чистѣйшая фикція, ученое измышленіе, возникшее благодаря смѣшенію понятій и постановкѣ мгновенно появляющагося, преходящаго вмѣсто постоянно существующаго.

Существуетъ и безпрерывно продолжается въ индивидуальной психикѣ представленіе звуковой единицы, называемой обыкновенно „звукомъ языка". Произнесеніе звука, сопряженныя съ этимъ мускульныя ощущенія, равно какъ и являющееся результатомъ произнесенія акустическое впечатлѣніе есть не что иное, какъ знакъ того, что въ нашей психикѣ существуетъ соотвѣтствующее звуковое представленіе.

Это постоянно въ нашей психикѣ существующее представленіе „звука", т.е. одновременнаго сложнаго комплекса произносительныхъ работъ и получаемыхъ отъ этого впечатлѣній, мы будемъ называть фонемою.

II.

§ 9. Займемся теперь другимъ положеніемъ учебниковъ русскаго языка.

„Знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквой".

I/ Допустимо ли подобное опредѣленіе?

„Звукъ изображается". - Изображается вѣдь то, что предполагается существующимъ. Существуетъ ли звукъ вообще и „звукъ" языка въ особенности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится въ томъ, что только что было сказано по поводу термина „фонема" /§ 8/. Не „звукъ" существуетъ, а фонема, какъ его психическій источникъ, возникшій путемъ цѣлаго ряда однородныхъ акустическихъ впечатлѣній.

2/ Затѣмъ сказано, что „звукъ изображается". Можно ли такъ сказать?

Изображается вѣдь оптически то, чему свойственны очертанія или что представляется имѣющимъ очертанія.

Изображается акустически то, что дѣйствуетъ на слухъ или что предполагается дѣйствующимъ на слухъ.

Можно „изображать символически", на основаніи ассоціаціи по сходству. Это „изображеніе" можетъ быть или прямымъ, непосредственнымъ, или же „переноснымъ", „метафорическимъ". Метафорически изображаются степени, градусы, война, смерт, округленность, законченность, безконечность и т.п.

Изображеніе, хотя бы и и далеко не совершенное, само по себѣ наводитъ на представленіе предмета, т.е. того представленія, съ которымъ оно /изображеніе, точнѣе, представленіе изображенія/ ассоціируется по извѣстному сходству: Такъ напр., „изображенія" свиней:

Въ дурномъ расположеніи духа.

Въ хорошемъ расположеніи духа.

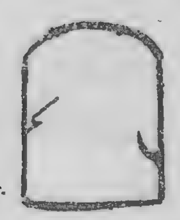

„Торжествующая."

Другія изображенія:

Кошка.

Собака.

Ворота, солдатъ и собака /штыкъ вм. солдата, хвостъ вм. собаки/.

§ IO. Извѣстное сходство имѣется тоже при „буквахъ" идеографическаго характера. Такое же историческое начало и нашихъ „буквъ", напр.

∀ A быкъ, корова, aleph, alfa.

При нашихъ же нынѣ существующихъ буквахъ можно говорить не объ „изображенiи", а въ крайнемъ случаѣ объ обозначенiи, - на подобiе цифръ, алгебраическихъ знаковъ и т.п. Здѣсь имѣютъ мѣсто чисто случайныя, исторически объясняемыя и объяснимыя ассоцiацiи /совпаденiя/ или же произвольныя „условныя" примѣненiя.

Почему, напр., извѣстную графическую роль играютъ „буквы": въ русскомъ письмѣ: о е а б в....., въ латинскомъ: a i b c...?

Почему съ представленiемъ буквы или съ графемою c связаны /ассоцiированы/ различныя фонетическiя, произносительно-слуховыя представленiя въ языковомъ мышленiи: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, западно-славянскомъ, италiанскомъ, французскомъ, англiйскомъ?

Обратимъ тоже вниманiе на ассоцiацiонныя связи графемъ: ƒ въ языковомъ мышленiи западно-славян-

скомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, французскомъ,англійскомъ; у въ языковомъ мышленіи русскомъ, западно-славянскомъ, скандинавскомъ /шведскомъ, датскомъ/ й финскомъ, англійскомъ......; т въ языковомъ мышленіи русскомъ, латинскомъ.

Во всякомъ случаѣ, если что либо при этомъ изображается съ помощью буквы, такъ это графема, т.е. психически существующее представленіе буквы.

§ II. 3/. Затѣмъ, можно ли говорить „знакъ"? „Знакъ, которымъ звукъ изображается".

Знакъ это то же, что мѣтка, отличительный, произвольно нанесенный или хотя бы только произвольно отмѣченный признакъ. Примѣнимо ли здѣсь это понятіе? Нѣтъ; буквы не есть вовсе мѣтки, не есть вовсе знаки звуковъ.

Это ложное опредѣленіе обязано своимъ происхожденіемъ смѣшенію понятій, безкритичному перенесенію въ психическую область понятій, почерпнутыхъ изъ области внѣшняго міра.

Такъ что же это такое? На этотъ вопросъ отвѣтимъ другимъ вопросомъ:

Что нужно для того, чтобы „звукъ" языка былъ „звукомъ" языка?

Нужно, чтобы онъ былъ преходящимъ, мимолетнымъ знакомъ извѣстнаго произносительно-слухового представленія, т.е. фонемы. Нужна ассоціація съ общимъ представленіемъ принадлежности къ произносимому и воспринимаемому слухомъ въ области извѣстнаго человѣческаго языка /точнѣе, извѣстнаго человѣческаго

языковаго мышленія и междучеловѣческаго общенія/ или же въ области рѣчи человѣческой вообще.

Что нужно для того, чтобы „буква" была „буквой"?

Нужна наличность двухъ сторонъ междучеловѣческаго общенія: стороны центробѣжной /центрифугальной/ и стороны центростремительной /центрипетальной/:

а/ Написаніе /начертаніе/ буквы при условіи ассоціаціи съ фонетическими /произносительно-слуховыми/ и вообще съ языковыми представленіями.

б/ Восприниманіе человѣкомъ, подготовленнымъ къ этому надлежащимъ образомъ.

Если извѣстное начертаніе было сдѣлано зря, безсмысленно, если это просто каракули, въ родѣ, напр., [каракули], то нѣтъ перваго условія. Это начертаніе такъ себѣ, не преднамѣренное съ точки зрѣнія ассоціаціи съ произносительно-слуховыми представленіями.

Правда, замѣчающій и „читающій" можетъ воспринимать такія начертанія, какъ „буквы", но это будетъ самообманъ, въ родѣ извѣстной анимизаціи всѣхъ замѣчаемыхъ очертаній: на деревьяхъ, на обояхъ, на потолкѣ, на полу, на стеклахъ, покрытыхъ инеемъ. При наличности извѣстныхъ извилинъ, щелей, вообще кривыхъ линій и т.п., мы видимъ человѣческія физіономіи и фигуры, если же не человѣческія, то животныхъ, если не фигуры животныхъ, то растеній /вообще нѣчто живое, организованное, объединенное/.

§ I2. Тутъ то и кроется начало миѳовъ оптическаго происхожденія. На подобіе того, какъ происходитъ

Литографія Юделевича, Владимірскій I3

анимизація небесныхъ свѣтилъ и созвѣздій, какъ тучи становятся горами или же коровами, облачка же барашками, какъ „ходятъ по небу бычки" и т.п., точно также названія изъ области алфавитнаго /азбучнаго/ міра переносятся на очертанія частей земного шара или же человѣческаго тѣла: „Дельта" „Delta" / рѣки Нила /Δ/. Ноги, сходящіяся колѣнками и снизу расходящіяся /X/, получили у нѣмцевъ названіе „X /иксъ/ Beine", ноги же расходящіяся дугами въ колѣнкахъ и сходящіяся пятками: /Ω/ - „O Beine".

Затѣмъ, при непониманіи, при частичной или же полной безграмотности нѣтъ возможности „существованія" буквъ. И тутъ отмѣчаемъ разныя степени недопустимости буквъ:

а/ Для человѣка, никогда не видѣвшаго письма, не можетъ быть рѣчи о буквахъ.

б/ Иначе, для видѣвшаго, но не „изучившаго" грамоты.

в/ Знающіе извѣстную письменность, видя другую, примѣняютъ смутную ассоціацію съ представленіемъ письма вообще.

§ 13. Возвращаясь къ ложному положенію, что „знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквою", и вникая въ суть этого вопроса, спрашиваемъ:

Какъ происходитъ этотъ процессъ предполагаемой живой связи „звука" съ „буквой"? Что при этомъ дѣйствительно существуетъ, какъ реальность?

Существуютъ въ индивидуальныхъ мозгахъ, въ инди-

видуальныхъ психикахъ:

графемы, т.е. графическія, писанно-зрительныя представленія, и

фонемы, т.е. фонетическія, произносительно-слуховыя представленія.

Да кромѣ того, существуютъ /т.е. хранятся въ психической кладовой, оживаютъ и происходятъ/ ассоціаціи /психическія сочетанія, психическія сцѣпленія/ фонемъ съ графемами.

§ 14. Но станемъ на точку зрѣнія автора учебника и допустимъ, что опредѣленіе „знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквой", вѣрно. Но вѣрно ли оно даже съ этой точки зрѣнія, даже при столь грубомъ и мало сознательномъ пониманіи?

Съ грѣхомъ пополамъ /но только съ грѣхомъ пополамъ/ оно примѣнимо къ самымъ простымъ случаямъ, въ родѣ: вода /вода́, хотя ср. съ одной стороны „вода́", съ другой же „во́да"/, сама́ /ср. „сома́" и „са́ма"/, тако́й /„токо́й" и „та́кой"/...

Это опредѣленіе имѣетъ, кажется, въ виду не одно только русское языковое мышленіе въ области связи письма съ произносительно-слуховымъ языкомъ, а вообще письменность у всѣхъ народовъ земного шара. Провѣримъ же его на другихъ, не-русскихъ, письменностяхъ.

Можно ли сказать про польскія буквы и сочетанія буквъ ch, cz, rz, i, h, про нѣмецкія: ch, sch, tsch, trommeln....., что въ этихъ графическихъ сочетаніяхъ каждой изъ „буквъ" свойственно „обозна-

чать" одинъ особый „звукъ"?

Тѣмъ паче французскія: ai, ch, ou; aient, aux eau caux, saint, sans sent cent, conte comte compte ver vert vers verre mer maire mere

англійскія: ch, sh, enough, knife, knight, ...

§ 15. Но оставимъ „буквы" другихъ письменностей и вернемся къ русскимъ „буквамъ".

Разсмотримъ эти буквы: 1/ въ написаніи цѣльныхъ словъ, 2/ въ отдѣльности.

1/ Въ написаніи цѣльныхъ словъ, ибо вѣдь „буквы" имѣютъ смыслъ только какъ части подобнаго цѣлаго.

Въ словахъ вода и воду „обозначаетъ" ли „буква О одинъ и тотъ же звукъ? Написанія подать, потомъ даютъ ли точное представленіе о звуковомъ составѣ соотвѣтствующаго произносительно-слухового цѣлаго? По́дать и пода́ть, пото́мъ и по́томъ.

Въ словахъ: теплится, теплый, оттепель „означаетъ" ли „буква" е одинъ и тотъ же звукъ?

Въ словахъ тѣнь и день „обозначаются" ли „буквами" ѣ и е два различныхъ „звука"?

Въ словахъ ногой и нагой, колоть, колесо и калачъ обозначаютъ ли буквы о и а два различныхъ „звука"?

Какъ смотрѣть на связь „буквъ" ти и ть сло́ва тиснуть съ соотвѣтствующими имъ „звуками"?

2/ Отдѣльныя буквы.

Что мы представляемъ себѣ, видя изображеніе графемъ /начертанія русскихъ буквъ/ m̄ /т/, д, с, з...; о, а, ы...; ъ, ь; щ; я, ю, ѣ, е...?

Какъ сложились здѣсь объективныя графически-фонетическія ассоціаціи, существующія независимо отъ всѣхъ теоретическихъ соображеній, на основаніи всей совокупности случаевъ ихъ употребленія?

При этомъ необходимо принимать въ соображеніе первоначальное „крещеніе" буквы, первоначальный актъ названія буквы, являющійся чрезвычайно важнымъ моментомъ въ образованіи ассоціаціи между представленіемъ этой буквы или графемою и соотвѣтствующими ей группами произносительно-слуховыхъ элементовъ.

§ I6. Итакъ, вмѣсто невѣрнаго положенія „знакъ, которымъ звукъ обозначается на письмѣ, называется буквою" мы подставимъ слѣдующія:

I/ Графическія представленія или графемы обнаруживаются и изображаются, съ одной стороны, соотвѣтственными движеніями руки или же другихъ органовъ человѣческаго организма и его продолженій во внѣшнемъ мірѣ, съ другой же стороны, буквами и другими письменными знаками.

2/ Элементами графическаго изображенія во всемъ его разнообразіи являются: а/ отдѣльныя движенія руки, или же другихъ рабочихъ органовъ и орудій, б/ извѣстныя очертанія /фигуры/ буквъ и знаковъ, ихъ относительная величина, ихъ разстояніе и т.д.

Въ психическомъ мірѣ всему этому соотвѣтствуетъ постоянно существующія представленія.

3/ Произносительныя представленія изображаются соотвѣтственными работами произносительнаго аппарата, результатомъ которыхъ являются ряды звуковыхъ впечатлѣ-

ній.

4/ Элементами произносительнаго изображенія являются: а/ отдѣльныя движенія органовъ рѣчи, какъ частей произносительнаго аппарата, б/ отдѣльныя акустическія свойства производимыхъ этими движеніями звуковъ.

5/ Возможность существованія графическихъ представленій обусловливается ихъ ассоціацией съ представленіями изъ міра произносительнаго и вообще языкового Существованіе же произносительныхъ и вообще языковыхъ представленій вовсе не зависитъ отъ ихъ ассоціации съ представленіями графическими; но они могутъ ассоціироваться съ этими представленіями. Это различіе объясняется исторіей возникновенія и передачи языка и письма, какъ во всемъ человѣчествѣ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, такъ и въ индивидѣ. Въ исторіи какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего человѣчества, со стороны языковаго общенія, произносительно-слуховое возникло само по себѣ, самостоятельно, явилось первымъ; возникновеніе-же графическаго /писанно-зрительнаго/ было обусловлено предшествовавшимъ ему развитіемъ и упроченіемъ произносительно-слуховаго. Языкъ есть признакъ рода человѣческаго вообще, письмо же - болѣе позднее изобрѣтеніе и пріобрѣтеніе.

III.

§ 17. Перейдемъ къ новому положенію, заимствованному изъ учебниковъ русскаго языка. Вотъ что тамъ

находимъ по части простѣйшихъ фонетическихъ /произносительно-слуховыхъ/ элементовъ этого языка:

„Звуки дѣлятся на гласныя и согласныя" послѣ чего поставлены въ двухъ группахъ обыкновенныя буквы русскаго алфавита:

„Гласные" - де: а, е /ѣ/, э, и /і/, о, у, ы, ю, я

„Согласные": б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф /ѳ/ х, ц, ч, ш, щ.

Здѣсь очевидно шиворотъ на выворотъ.

Составители учебниковъ и другіе авторы исходятъ изъ книгъ, вмѣсто того, чтобы исходить изъ жизни; исходятъ изъ заученнаго, вмѣсто того, чтобы исходить изъ усвоеннаго безъ школьнаго обученія

Грубые логическіе промахи и ошибки, проистекающіе изъ смѣшенія понятій

1/ е /ѣ/, и /і/. ф /ѳ/.

Различіе буквъ, различіе графемъ навязывается области фонетическихъ представленій, навязывается міру звуковъ, міру фонемъ

Графемы	Фонемы	
е ѣ	ȷe, e	/гласныя е и и съ
и і	ȷi, i	„мягкостью" предшествующей согласной./
ф ѳ	f	

2/ г; е (ȷe, ȷo - o).

Единичность графическая переносится въ область произносительную; между тѣмъ какъ въ этой послѣдней имѣется двойственность и даже тройственность соотвѣтствующихъ представленій:

графемы	фонемы
г	g, ɣ, (v)
е	je ('e), jo ('o)

3/ щ; е, ѣ, ю, ю, я, и /і/.

Простота, неразложимость графическая навязываются области фонетической, гдѣ ей соотвѣтствуетъ сложность, составъ изъ двухъ единицъ въ порядкѣ временной послѣдовательности:

графемы	фонемы
щ	šč или šš
е	je, jo
ѣ	je, [jo]
ю	ju

§ 18. 4/ а э у о ы
я е,ѣ ю е/ѣ/ и/і/.

Излишекъ произносительно-слуховыхъ свойствъ, представленіе котораго ассоціируется съ представленіемъ буквы /съ графемою/, навязывается самой же области произносительно-слухового, фонетическаго.

Съ графемами, изображенія которыхъ стоятъ здѣсь въ первомъ ряду, ассоціируется, кромѣ представленія извѣстнаго слогообразующаго /гласнаго, сонанта/, еще представленіе отсутствія передъ нимъ среднеязычнаго сближенія /j, '/; съ графемами же, изображенія которыхъ поставлены здѣсь во второмъ ряду, ассоціируется, кромѣ представленія извѣстнаго слогообразующаго, еще представленіе наличности передъ ними средне-язычнаго сближенія.

/Исключеніе составляютъ сочетанія съ ц,ж,ш,ч.ш/.

5/ б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф/θ/, х; ж, ц, ш, щ.

Недостатокъ произносительныхъ свойствъ, представленіе котораго ассоціируется съ представленіемъ буквъ отъ б до х , навязывается самой же области произносительнаго, фонетическаго.

Ни однимъ словомъ не указано ни на отсутствіе параллелизма рядовъ графемъ съ рядами фонемъ, ни на отсутствіе ассоціаціи представленій „мягкости" /среднеязычности/ и „твердости" /не-среднеязычности/ согласныхъ съ графемами, соотвѣтствующими вообще согласнымъ фонемамъ.

Ни однимъ словомъ не указано на отсутствіе въ русской письменности одной особой графемы для неслогообразующей фонемы j /й, я, ю, е, ѣ, и, і/.

Не указано тоже на различіе ассоціаціонныхъ связей, съ одной стороны, между графемами ц, ш, ж, ч, щ и соотвѣтствующими имъ фонемами, съ другой же стороны, между всѣми остальными согласными графемами и соотвѣтствующими имъ фонемами.

§ 19. Дальнѣйшія „свѣдѣнія", почерпнутыя изъ учебниковъ русскаго языка.

Раздѣленіе гласныхъ звуковъ.

Гласные звуки дѣлятся на твердые и соотвѣтствующіе имъ мягкіе.

твердые	а	о, э	у	ы
мягкіе	я	е	ю	и

Если бы хотя однимъ словомъ было указано на то, въ чемъ состоятъ эта „твердость" и эта „мягкость", принимаемыя здѣсь основаніемъ дѣленія /классифика-ціи/ /principium divisionis /. Для чувства ли осязанія „тверды" a, o, э, у, ы, а „мягки я, е, ю, и? Но если даже принять представленное здѣсь дѣленіе, то мы все таки спрашиваемъ: а гдѣ же противополож-ность о/ё?

Затѣмъ, на различіе отношенія ы:и и отношеній а:я, о:е, э:е/ѣ/, у:ю - здѣсь не обращено вовсе вни-манія.

Ни малѣйшаго намека на столь важное въ области русскаго произношенія различіе гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, ослабленныхъ, низведенныхъ до мини-мума самостоятельности и ясно, опредѣленно исполняе-мыхъ.

§ 20. Слѣдовало собственно сказать:

I/ Буквы, обозначающія звуки гласные /или одни гласные, или слоги, или же гласные въ сочетаніи со свойствомъ предшествующаго согласнаго/, дѣлятся по своему виду на состоящія изъ кривыхъ разнаго очерта-нія, на состоящія изъ прямой въ соединеніи съ кривой и т.п., изъ круглой, изъ цѣльной кривой и т.п.

о	и	
	і	

о	э	е
о	ю	ѣ

2/ Однѣ изъ буквъ гласныхъ, каковы а, о, э, у, ы, возбуждаютъ представленіе извѣстнаго гласнаго раство-

ра /уклада/ рта, безъ предшествующаго ему средне-язычнаго сближенія; другіе же, я, е, ѣ, ю, и, возбуждаютъ представленіе извѣстнаго раствора рта, вмѣстѣ съ предшествующимъ ему не-слогообразующимъ средне-язычнымъ сближеніемъ. Если это средне-язычное сближеніе сопровождается другими фонетически локализованными работами полости рта, получаются согласные „мягкіе": b', v', g', d', z', k', l' ....; если же оно является единственнымъ представителемъ не-слогообразующаго момента произношенія, тогда оно усиливается до особаго самостоятельнаго согласнаго, j.

/Исключеніе составляютъ графемы ц, ж, ш, ч, щ/.

3/ Въ самомъ языкѣ, въ самомъ произношеніи и фонаціонномъ мышленіи /т.е. въ мышленіи о произношеніи/ имѣется различіе между отношеніемъ произносительныхъ движеній и впечатлѣній, вызываемыхъ представленіемъ буквъ ы:и/і/, а такими же отношеніями при буквахъ а:я, э:е/ѣ/, о:е, у:ю.

При этихъ послѣднихъ гласные тожественны, тогда какъ при ы имѣется другая локализація съуженія полости рта через приближеніе къ небу, нежели при и/і/: при ы болѣе заднее съуженіе, при и /і/- съуженіе болѣе переднее.

V.

§ 21. „Раздѣленіе согласныхъ звуковъ."

„Въ произношеніи согласныхъ звуковъ принимаютъ участіе различные органы: гортань, губы, носъ, зубы, небо, языкъ. Соотвѣтственно этимъ органамъ произно-

ленія, согласные дѣлятся слѣдующимъ образомъ /ср. Б.-де-К.Зад.2/.

гортанные	г, к, х	
губные	б, п, в, ф	} м
носовые		} н
зубные	д, т	
	з, с, ц /свистящіе/	
небные	ж, ч, ш, щ/щипящіе/	
язычные	л, р	

Здѣсь тоже полная путаница, отсутствіе наблюдательности, отсутствіе яснаго мышленія, отсутствіе началъ дѣленія или классификаціи /отсутствіе того, что называется *principium divisionis* ~ /. - Исчисляются буквы, а на „звуки", собственно говоря, не обращается никакого вниманія. Въ частности же:

I/ Только отсутствіемъ *principii divisionis* можно объяснить противопоставленіе или же поставленіе рядомъ: гортань - губы - носъ - зубы - небо - языкъ. Чисто логически можно различать: гортань - не-гортань, губы - не-губы, носъ - не-носъ, зубы - не-зубы, небо - не-небо, языкъ - не-языкъ. Топографически же, анатомически и физіологически, можно различать: гортань - носъ - полость рта; въ полости же рта:

или языкъ, зубы, небо - губы, зубы

языкъ, небо - зубы - губы,

или же губы, языкъ и мягкое небо, какъ подвижные и дѣятельные органы /изъ губъ особенно нижняя губа/.

зубы съ деснами и твердое небо, какъ неподвижныя мѣста /отчасти верхняя губа/.

2/ Въ приведенномъ систематизированномъ исчисленіи очевиденъ прыжокъ и непослѣдовательность съ точки зрѣнія топографической. Области производства согласныхъ исчисляются не по сосѣдству: гортань-гортанные, затѣмъ вдругъ губы-губные, носъ-носовые, зубы-зубные, небо-небные, языкъ-язычные.

§ 22. 3/ Сказано, что „въ произношеніи согласныхъ звуковъ принимаютъ участіе различные органы", но не сказано, какъ они принимаютъ это участіе: Активно ли, или же только пассивно. Развѣ такимъ же образомъ принимаютъ участіе въ произношеніи согласныхъ губы, языкъ и мягкое небо /о которомъ не упоминается/, какъ носъ, зубы и небо? Развѣ эти послѣдніе, т.е. носъ, зубы и небо, - можно считать органами произношенія въ строгомъ смыслѣ этого слова?

„Зубные" и „небные". Зубы и небо являются только пассивными мѣстами прикосновенія дѣятельныхъ органовъ, но вовсе не самими же дѣятельными органами. Губы же и языкъ дѣйствительно дѣятельные, активные органы.

4/ Если съ словомъ „гортань" ассоціировать присвоенное ему въ анатоміи значеніе, то, собственно говоря, нѣтъ ни одного гортаннаго согласнаго. Соглас-

ные, „обозначаемые" буквами г, к, х, на столько же „гортанные", на сколько гортанны всѣ остальные согласные.

Всѣ согласные являются прежде всего ртовыми звуками. Въ полости же рта, смотря по органу, дѣлятся на особые классы.

Сопутствующіе элементы, сопутствующія работы производятся въ полости гортани и въ полости носа. Да и то, со стороны работы, участіе въ произношеніи носового элемента зависитъ отъ работы органа, находящагося въ полости рта, т.е. отъ опущенія небной занавѣски или мягкаго неба.

Съ этихъ точекъ зрѣнія согласные, представленія которыхъ ассоціируются съ графемами м, н, являются носовыми, всѣ же остальные - неносовые. Затѣмъ, всѣ согласные гортанны, ибо безъ извѣстнаго участія гортани не произносится ни одинъ согласный. По преимуществу же гортанными являются всѣ звонкіе согласные: б, д, г; в, з, ж, г /γ/; м, н, л, р... /равно какъ и всѣ гласные/.

§ 23. 5/ Согласившись на перенесеніе „гортани" въ полость рта, т.е. на ея помѣщеніе въ задней части этой полости, мы должны признать, что тогда дѣйствительно г, к, х будутъ „гортанными."

Точно также показаны вѣрно „губные" б, п, в, ф и носовые м, н; но ихъ противопоставленіе остальнымъ согласнымъ нелогично.

6/ Затѣмъ развѣ только л, р „язычные"? А развѣ согласные д т н, з с ц, ж ч ш /щ/ образуются безъ

участія языка? Развѣ безъ языка возможны г, к, х? Развѣ возможны безъ него даже губные б, п, в, ф, м, если они произносятся „мягко", т.е. съ приближеніемъ средней части языка къ небу?

7/ Развѣ только д т, з с ц „зубные"? А развѣ согласные н, л могутъ быть произведены безъ прижатія языка къ „зубамъ" /точнѣе къ тому мѣсту, къ которому прижимается или же приближается конецъ языка при произношеніи д т, з с ц/?

8/ Развѣ только ж, ч, ш /щ/ небные? Развѣ согласный, представленіе котораго ассоціировано съ представленіемъ русской буквы р, не производится въ томъ же мѣстѣ, что согласные ж, ч, ш? А развѣ г, к, х возможны безъ неба? А всѣ „мягкіе" согласные или согласные среднеязычнаго сближенія, т.е. приближенія средней части языка къ небу? Согласные пь, бь, ть, дь, зь, кь.......?

§ 24. 9/ Помѣщая согласный щ въ числѣ небныхъ, авторы учебниковъ и русскихъ грамматикъ смѣшиваютъ буквы и звуки, въ частности же они навязываютъ міру звуковъ и звуковыхъ представленій /фонемъ/ простоту міра буквъ и буквенныхъ представленій /графемъ/.

Стоя на почвѣ языка, на почвѣ произношенія, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ считать простыми согласными ст, зд..; шт, жд...; ждж /зж/...; шш..., сс.., тт.., и т.д. и т.д.

10/ Смѣшеніе буквъ и звуковъ проявляется еще при г.

Единство этой буквы переносится въ міръ звуковъ,

гдѣ ему соотвѣтствуетъ двойственность: g, γ, и даже тройственность: g, γ, [v].

Точно также единство графическаго міра навязывается міру фонетическому, міру фонемъ при всѣхъ тѣхъ буквахъ согласныхъ, съ представленіями которыхъ ассоціируются двойныя представленія согласныхъ „мягкихъ" и „твердыхъ": п, т, к; б, д, г; м, н; ф, с; в, з; л, р... „твердые" и „мягкіе" согласные.

§ 25. II/ Въ изложеніи учебниковъ и заурядныхъ русскихъ грамматикъ имѣется цѣлый рядъ пропусковъ.

На нѣкоторые изъ такихъ пропусковъ уже указано, а именно: Нигдѣ не сказано, что съ графемою г /г/ ассоціируются представленія двухъ фонемъ: g и γ. Точно также не указано на различеніе „твердыхъ" и „мягкихъ" согласныхъ. По учебникамъ русскаго языка никто не догадается о существованіи этого различія въ русскомъ произношеніи и центральномъ о немъ мышленіи.

Затѣмъ, не упомянуто вовсе о существованіи мягкаго неба и его роли при различеніи присутствія и отсутствія носового резонанса.

I2/ Не обращено вовсе вниманія на различенія слѣдующихъ рядовъ /другія родства и различія согласныхъ/:

а/	п	б	ц	
	т	д	ч	
	к	г		м
	ф	в		н
	с	з		р
	ш	ж		л
	х	г /γ/		й

б/	п	ф	б	в	м		
	т	с,ш	д	з,ж	н	р	л
	к	х	г	г /γ/			
в/	ц	с					
	ч	ш					

13/ Самымъ же чувствительнымъ недостаткомъ является необращеніе вниманія на столь важное въ русскомъ произношеніи различеніе „мягкихъ" и „твердыхъ", среднеязычныхъ и несреднеязычныхъ, согласныхъ.

Лобъ | ленъ, лотъ | полетъ, торъ | теръ, носъ | несъ, возъ | везъ, сотъ | несетъ....;копоть, капать | копить, потолокъ | пятачекъ.

---

§ 26. Ложное и сбивчивое ученіе учебниковъ русскаго языка по вопросу о классификаціи согласныхъ слѣдуетъ замѣнить слѣдующими положеніями:

1/ Строго различая буквы и знаки, графемы и фонемы, мы можемъ классифицировать буквы и графемы согласныхъ прежде всего съ чисто оптической точки зрѣнія. Мы можемъ различать начертанія. состоящія изъ круглыхъ линій, изъ линій кривыхъ, прямыхъ, ломанныхъ; изъ единичныхъ, замкнутыхъ въ себѣ линій и изъ соединенія двухъ или болѣе линій и т.д.

Переходя затѣмъ въ область произношенія, мы должны:

2/ въ полости рта различать органы подвижные, такъ сказать, молоты, и неподвижныя мѣста, такъ сказать, наковальни.

/Остальное будетъ изложено послѣ, въ положитель-

номъ отдѣлѣ „введенія", §§ 50,54 и слѣд./.

VI.

§ 27. Этимъ я заканчиваю подробную критику учебниковъ русскаго языка и надѣюсь, что ея будетъ достаточно для того, чтобы хоть до нѣкоторой степени очистить головы отъ этого вреднаго хлама и сдѣлать ихъ доступными настоящему научному анализу языка, согласному съ реальными отношеніями.

Чтобы дать возможность слушателямъ провѣрить, на сколько они уяснили себѣ элементарные вопросы въ области лингвистическаго мышленія, я имъ предлагаю, въ видѣ задачъ, самимъ разобраться и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ тѣхъ же учебниковъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ „ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Напр.

„Буква е въ иныхъ случаяхъ произносится какъ йо, напр.. слезы, береза, т.е. = слйозы, берйоза". Слѣдовательно, тоже: ляжетъ, слякоть = лйажетъ, слйакоть; любить, люди = лйубить, лйуди; лѣсъ, блѣдный = лйэсъ, блйэдный; лесть, Глѣбъ = лйэсть, Глйэбъ.. и, пожалуй даже липа, ливень, глина = лйыпа, лйывенъ, глйына..

Другіе примѣры можно найти въ моемъ „Сборникѣ задачъ по „введенію въ языковѣдѣніе", по преимуществу примѣнительно къ русскому языку" /СПБ., I912/ подъ №№ 5-27.

§ 28. Свойственное учебникамъ смѣшеніе понятій въ области графически-фонетическихъ ассоціацій

/т.е. ассоціацій писанно-зрительныхъ представленій съ представленіями произносительно-слуховыми/ сказывается во всѣхъ частяхъ грамматики, прежде всего въ изложеніи ученія о склоненіи и спряженіи. Таковы м.пр. названные въ „Сборникѣ задачъ":.

§ 12. „Каждому роду именъ существительныхъ соотвѣтствуютъ особыя окончанія именительнаго падежа единственнаго числа, которыя потому и называются родовыми окончаніями.

„Родовыя окончанія суть слѣдующія:

ъ : раб-ъ		
ь : кон-ь /родит.п.коня/		муж.р.
й : обича-й...		
а : жен-а		
я : дын-я		жен.р.
ь : кост-ь /родит.п.кости/		
о : дѣл-о		
е : пол-е		сред.р."

№ 13. „Смотря по гласнымъ падежныхъ окончаній, склоненіе бываетъ твердымъ и мягкимъ: твердые гласные въ падежныхъ окончаніяхъ образуютъ твердое склоненіе, соотвѣтствующіе имъ мягкія - мягкое. Имена на ъ, - а, - о склоняются по твердому склоненію, а всѣ прочія - по мягкому."

„Т а б л и ц а:

	I склон.	II склон.	III склон
твердое	а	ъ, о	
мягкое	я	ь, й, е	ь

№ 14. „Слова съ основами на гласную и на ъ

имѣютъ въ род.мн.ч.- й, змѣя - змѣ-й, линія - лині-й, судья - суде-й."

"Слова съ основами на гласную и на ь имѣютъ въ род.мн. - й: лезвее - лезві-й, имѣніе - имѣні-й, вареніе - варені-й."

№ 16. "Нѣкоторыя слова III-го склоненія имѣютъ въ творительномъ п.мн.ч., кромѣ окончанія - ями, также и- ьми, напр.:лошад-ьми, плеч-ьми, кост-ьми и др.".

№ 9. "Основы этихъ прилагательныхъ оканчиваются на ь, который и остается во всѣхъ падежахъ,кромѣ имен.ед.ч.муж.рода, гдѣ ь переходитъ въ і".

Къ этому выноска:

"Тутъ окончаніе і-й произошло изъ ь-ъ"...

Разбирая безсмыслицы учебниковъ, нельзя ограничиваться однимъ только отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ, а всегда надо ставить себѣ вопросъ: "Чѣмъ слѣдуетъ замѣнить всѣ эти ложныя показанія и безсмыслицы? Какъ слѣдуетъ формулировать замѣняющія ихъ научныя опредѣленія: 1/ Съ точки зрѣнія произносительно-слухового состава, какъ взятаго въ отдѣльности, въ отвлеченіи отъ морфологіи, такъ и морфологизованнаго; 2/ Съ точки зрѣнія письменной передачи?" /№ 28 "Сборника задачъ"./

----

§ 29. Общія замѣчанія объ учебникахъ русскаго языка.

Изъ разсмотрѣнія одобренныхъ и навязываемыхъ учебниковъ русской школьной грамматики получаются между прочимъ слѣдующіе выводы:

I/ Учебники эти основаны на полномъ смѣшеніи понятій и вслѣдствіе этого могутъ только или усиливать хаосъ, уже господствующій въ головахъ учениковъ, или же насаждать хаосъ тамъ, гдѣ его раньше не было.

2/ Эти учебники не различаютъ произношенія отъ знаменательной /семасіологической/ и морфологической стороны языка.

3/ Они не различаютъ слова какъ произносительно-слухового цѣлаго, т.е. слова фонетическаго, и настоящаго слова, слова знаменательнаго, въ которомъ съ звуковыми представленіями ассоціируются пред - ставленія значенія, т.е. представленія изъ такъ называемаго міра внѣшняго и во всякомъ случаѣ внѣязыкового.

4/ Они признаютъ возможность составленія слова изъ звуковъ, т.е. изъ величинъ, которымъ чуждо безпрерывное существованіе, и появленіе которыхъ обусловлено чувствомъ слуха существъ воспринимающихъ /людей и животныхъ/.

При такомъ взглядѣ на вещи, если составныя части, т.е. звуки, не существуютъ, то не могутъ существовать тоже цѣлыя, конгломераты, т.е. слова.

И дѣйствительно слова какъ произносимыя цѣлыя не существуютъ. Существуютъ же психически звуковыя представленія, простыя и сложныя /составныя/.

5/ Но одобренные учебники производятъ дальнѣйшую путаницу, принимая дѣлимость слова только звуковую, а игнорируя вполнѣ дѣлимость на знаменательныя /морфологическія/ части или морфемы.

6/ Затѣмъ, одобренныя учебники русскаго языка внушаютъ ложный взглядъ, будто въ русской письменности, по ея отношенію къ русскому языку, простая буква изображаетъ простой звукъ, и, наоборотъ, для каждаго простого звука существуетъ по одной простой буквѣ.

По ученію этихъ учебниковъ, ь и ъ звуки, щ, я, ю - простые единичные звуки и т.д.

7/ Довѣряющій ученію одобренныхъ учебниковъ русскаго языка никакъ не догадается, что слѣдуетъ строго различать буквы, какъ оптическія представленія /получаемыя путемъ зрѣнія/, отъ звуковъ, какъ представленій акустическихъ /получаемыхъ благодаря чувству слуха/. Въ этой области учебники эти не только поддерживаютъ, но еще въ значительной степени усиливаютъ хаосъ и путаницу понятій.

§ 30. 8/ Учебники эти исходятъ отъ буквъ и съ точки зрѣнія буквъ судятъ объ отношеніяхъ звуковъ.

Это совершенно превратный методъ, ибо вѣдь раньше былъ языкъ и только послѣ явилось письмо, путемъ медленнаго приспособленія. Да еще и теперь всѣ люди нормальные /т.е. не лишенные слуха/ говорятъ, а далеко не всѣ пишутъ и читаютъ. Во первыхъ, существуютъ неграмотные, а затѣмъ, даже въ странахъ, достигшихъ верховъ совершенства по распространенію

грамотности, все таки есть дѣти, хотя уже говорящія, но только со временемъ усваивающія себѣ искусство читать и писать.

Наконецъ, ассоціація извѣстнаго письма съ извѣстнымъ языкомъ есть простая историческая случайность. Къ каждому языку могло быть примѣнено любое письмо. Напр., русскому языку присвоено нынѣшнее русское письмо путемъ простой случайности. Если бы существовало другое русское письмо, и ученіе грамматиковъ о звукахъ русскаго языка приняло бы совсѣмъ другой видъ.

9/ Напрасно учебники русскаго языка раздѣляютъ звуки на гласные и согласные. Если съ этими терминами не связываются строго опредѣленныя особенности, то гораздо лучше совершенно ихъ избѣгать.

Учебники не даютъ опредѣленій, а своими исчисленіями, съ одной стороны, гласныхъ, съ другой же, согласныхъ, наводятъ на мысль,

а/ что и гласные собственно только буквы, и согласные тоже собственно буквы, которыя можно бы разсматривать со стороны ихъ оптическихъ свойствъ,

б/ и что если вмѣсто буквъ пытаться подставлять соотвѣтствующія имъ произносимыя, то получится выводъ, что „гласные" могутъ быть или дѣйствительно простыми звуками /а, э, о, у, ы/ или же сочетаніями двухъ звуковъ, согласнаго и гласнаго /е, ѣ, и, і, ю, я/, „согласные" же тоже являются или однородными простыми звуками /б, в, ж, з..../, или же сочетаніемъ двухъ согласныхъ звуковъ /щ/.

10/ Вообще польза отъ грамматическихъ учебниковъ разныхъ языковъ, изучаемыхъ въ среднихъ школахъ, не только нулевая, но даже просто отрицательная, со знакомъ — /минусъ/.

Индивидъ, не изучавшій вовсе школьныхъ грамматикъ, но за то подготовленный къ строго научному мышленію черезъ изученіе математики и естественныхъ наукъ, гораздо легче пойметъ данныя науки языковѣдѣнія, нежели бѣдный рабъ классической и "языческой" системы нашихъ,-т.е. <u>не только русскихъ</u>, [illegible] вообще европейскихъ и внѣ-европейскихъ, - среднихъ школъ.

Глава 2.

<u>Простѣйшіе элементы языка.</u>

§ 31. Возьмемъ любое сложное проявленіе языковаго общенія, т.е. рядъ осмысленныхъ предложеній. Напримѣръ:

<u>Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ</u>.

Какого рода процессы возникаютъ при мобилизаціи этой фразы:?

Прежде всего фраза эта должна возникнуть или оживиться въ индивидуальной головѣ, въ данную минуту въ моей. Она возникла со всѣми своими принадлежностями, общими и частными. Возникаетъ рядъ языковыхъ представленій, точнѣе, возникаютъ параллельные ряды представленій, другъ съ другомъ ассоціируемыхъ. Эти представленія возникли и сложились въ индивидуальной головѣ благодаря воздѣйствію на нее со стороны другихъ индивидовъ даннаго языковаго общенія,

напр., общенія съ помощью такъ наз. русскаго языка.

Конечно, такъ называемый русскій языкъ представляетъ изъ себя чистѣйшую фикцію. Никакой русскій языкъ, точно такъ же какъ и никакой другой племенной или національный языкъ, вовсе не существуетъ. Существуютъ, какъ психическія реальности, одни только индивидуальные языки, точнѣе: индивидуальныя языковыя мышленія. Племенной же или же національный языкъ представляетъ изъ себя средній выводъ изъ извѣстнаго количества индивидуальныхъ языковъ. Понятіе племенного языка получается какъ средній выводъ изъ языковъ индивидуальныхъ, которымъ при общественномъ обмѣнѣ свойственна одна только фонаціонно-аудиціонная /произносительно-слуховая/ дѣятельность. Національному объединяющему языку, кромѣ фонаціонной дѣятельности, свойственна тоже дѣятельность графическо-оптическая /писанно-зрительная/.

§ 32. Но вернемся къ разсмотрѣнію процессовъ, сопутствующихъ мобилизаціи фразы:

Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

Если эта фраза, какъ и всякое другое языковое сочетаніе, возникла въ головѣ человѣка только говорящаго, но еще не пишущаго и не читающаго, то она возбудитъ въ немъ, со стороны проявляемости во внѣшнемъ мірѣ ради междучеловѣческаго общенія, одни только произносительно-слуховыя представленія. Въ человѣкѣ грамотномъ рядомъ съ этими произносительно-слуховыми представленіями появятся тоже пред-

ставленія писанно-зрительныя или графически-оптическія. И даже, благодаря своему болѣе позднему возникновенію и большимъ усиліямъ при ихъ усвоеніи, эти послѣднія, графически-оптическія, представленія ложатся у людей грамотныхъ, точно верхній слой, на представленія произносительно-слуховыя и заслоняютъ ихъ собою. Поэтому, желая языковыя представленія объективировать во внѣшнемъ мірѣ, грамотный человѣкъ видитъ прежде всего буквы; фонетическая же сторона, сторона фонаціонныхъ работъ и производимыхъ ими звуковъ, сторона произносительно-слуховая, выступаетъ нѣсколько слабѣе. У человѣка неграмотнаго эта послѣдняя сторона воздѣйствія на чувства является единственною.

Если индивидъ ограничивается мобилизаціей фразы

"Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ"

только для своихъ индивидуальныхъ потребностей, то онъ и ограничивается обыкновенно одними только представленіями, не производя воздѣйствующихъ на наши чувства /чувство слуха и чувство зрѣнія/ движеній органовъ. Но если возникаетъ потребность сообщить другимъ индивидамъ о возникновеніи въ нашей психикѣ этой или любой другой фразы /хоты бы, напримѣръ, всего того, что я вамъ излагаю въ настоящую минуту/, то необходимо мобилизовать не только центральное языковое мышленіе, но тоже исполнительные органы.

У человѣка неграмотнаго исполнительными орга-

нами являются одни только органы произносительные /органы полости рта, органы гортани, грудная полость/, у человѣка же грамотнаго, исполненіе идетъ по двумъ путямъ: не только по пути произносительному съ акустическими, слуховыми результатами, но тоже по пути писательскому и вообще по пути, дающему видимые слѣды, т.е. продукты, дѣйствующіе на зрительно-воспринимательную сторону человѣческаго организма. Конечно, не всегда оба эти пути приводятся въ движеніе, но всегда они на лицо, всегда возможны.

§ 33. Какъ произнесеніе, такъ и написаніе выводятъ рѣчь человѣческую во внѣшній міръ. Безпрерывно въ индивидуальной психикѣ существующія психическія единицы, т.е. языковыя представленія, получаютъ во „внѣшнемъ", физіологически-физическомъ мірѣ слышимые и видимые знаки.

Разница между ними та, что слышимые знаки мгновенны, преходящи, видимые же остаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены тѣмъ или инымъ способомъ. Это и выражено въ латинской поговоркѣ: „verba volant, scripta manent". Сюда же относится русская поговорка: „Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ". Понятно тоже различіе между устнымъ изложеніемъ и изложеніемъ на письмѣ, между лекціями и печатнымъ или литографированнымъ курсомъ и т.п..

Произнесенное ли, написанное ли /или вообще видимое: печать, слѣды пишущей машины и т.п./толь-

ко тогда исполняютъ свою общественную роль, когда дѣйствуютъ на чувство /слуха или зрѣнія/ другихъ участниковъ человѣческаго общенія. Какъ всякое человѣческое общеніе, такъ и „языковое общеніе" въ частности можетъ осуществляться только съ помощью средствъ изъ внѣшняго міра, т.е. изъ міра физіологическаго и физическаго вообще.

§ 34. Вернемся къ нашей фразѣ: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, всплывшей на поверхность сознанія одного изъ участниковъ русскаго языковаго общенія и вылившейся наружу, съ общественною цѣлью, или въ видѣ ряда преходящихъ мимолетныхъ звуковъ, или же въ видѣ ряда остающихся буквъ, или же и тѣмъ и другимъ способомъ.

Эта фраза является въ извѣстномъ смыслѣ единымъ цѣлымъ, но это единое цѣлое распадается постепенно на все болѣе мелкія частныя единицы. Эта постепенная дѣлимость свойственна обѣимъ сторонамъ физіологически-физическаго проявленія: сторонѣ произносительно-слуховой и сторонѣ писанно-зрительной. Какъ уже замѣчено, наличность обѣихъ этихъ сторонъ возможна только при условіи грамотности данного лица, тогда какъ человѣку неграмотному можетъ быть свойственно обнаруживаніе языковыхъ представленій только въ видѣ произносительныхъ работъ и слуховыхъ ощущеній.

Займемся разборомъ приведенной фразы съ точки зрѣнія ея дѣлимости въ обоихъ направленіяхъ.

Сначала забудемъ о томъ, что мы люди грамот-

ные, т.е. грамотные въ области русской письменности; забудемъ, что эту фразу можно выразить въ видимыхъ очертаніяхъ фактически существующаго національнаго русскаго письма, національнаго зрительнаго русскаго языка. Представимъ себѣ, что мы только говоримъ по русски и воспринимаемъ ряды обнаруживаемыхъ языковыхъ единицъ только съ помощью слуха. Но такъ какъ для наглядности изложенія намъ необходимо прибѣгать къ зрительнымъ символамъ, то мы передадимъ ту же фразу съ помощью „условнаго" „транскрипціоннаго" письма, основывающагося на латинскомъ, западно-европейскомъ.

Примѣняя этотъ способъ письменной передачи, мы сообщимъ данной фразѣ слѣдующій видъ, впрочемъ далеко не совершенный съ точки зрѣнія фонетической /произносительно-слуховой/ точности: Štó năpi-sənă pĕróm, tăvó nĕvýrubĭš təpăróm.

§ 35. Остановимся на одномъ изъ рядовъ представленій, свойственныхъ этой фразѣ, а именно на рядѣ произносительно-слуховомъ. Съ этой точки зрѣнія вся эта фраза, какъ безпрерывный рядъ, составляетъ одно цѣлое, одну фонетическую, произносительно-слуховую единицу. Затѣмъ она въ связи съ другими языковыми представленіями, распадается и фонетически на двѣ частныя единицы;

1/ Štó năpisənă pĕróm,
2/ tăvó nĕvýrubĭš təpăróm.

Затѣмъ каждый изъ двухъ рядовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и фонетически, дѣлится на болѣе мелкія

части, объединяемыя усиленіемъ голоса или ударенiемъ /акцентомъ/ свойственнымъ одному изъ мѣстъ произношенія или одному изъ слоговъ, около котораго группируются другія болѣе слабыя мѣста или болѣе слабые слоги. Это будутъ фонетическія или произносительно-слуховыя слова: štó năṕisəná /или štóna ṕisəná /, ṕĕróm, ťăvó ńĕ-výrub́əš ťəpăróm.

Съ своей стороны фонетическія, произносительно-слуховыя слова распадаются на слоги, т.е. съ точки зрѣнія произношенія, на комплексы произносительныхъ работъ, исполняемыхъ во время одного выдыханія /одной экспираціи/, а съ точки зрѣнія слуховыхъ впечатлѣній, на комплексы этихъ впечатлѣній, объединенные впечатлѣніемъ отъ одного выдыханія. Итакъ, въ данномъ случаѣ što nă-ṕi-sə-ná ṕĕ-róm ťă-vó ne-vý-ru-b́əš ťə-pă-róm.

Идемъ дальше. Слоги не являются послѣдними фонетическими единицами. Слогъ можетъ состоять изъ одной только болѣе мелкой единицы, т.е. можетъ совпадать съ нею, но можетъ тоже состоять изъ двухъ и даже изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ произносительно-слуховыхъ или фонетическихъ единицъ, называемыхъ во время исполненія звуками, а съ точки зрѣнія безпрерывнаго существованія въ индивидуальной психикѣ — фонемами. Въ данномъ случаѣ š-ť-ó, n-ă-ṕ-í-s-ə, n-á, ṕ-ĕ, r-ó-m, ť-ă, v-ó, ń-ĕ, v-ý, r-u, b́-ə-š, ť-ə, p-ă, r-ó-m.

Однако жъ фонемы не представляютъ вовсе дальше

уже неразложимыхъ единицъ; онѣ являются результатомъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ органовъ рѣчи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произносительнаго аппарата и объединяются большею или меньшею одновременностью исполненія этихъ нѣсколькихъ работъ. При этомъ, съ точки зрѣнія слуховой, акустической, получается единичное впечатлѣніе, хотя и разлагаемое на свои составныя акустическія части.

§ 36. Такимъ образомъ фонема, какъ сложная единица, какъ единица, единство которой обусловливается представленіемъ одновременности исполненія нѣсколькихъ работъ, разлагается, съ точки зрѣнія произносительной, именно на представленія этихъ работъ, сопровождаемыя каждое изъ нихъ представленіемъ соотвѣтственнаго мускульнаго чувства, а съ точки зрѣнія слуховой, акустической, на представленія акустическихъ оттѣнковъ цѣльнаго слухового или акустическаго впечатлѣнія, обусловливаемыхъ именно этими отдѣльными работами. Такъ напр.:

Фонемѣ t свойственны представленія слѣдующихъ отдѣльныхъ работъ и вообще слѣдующіе психически-фонаціонные или психически - произносительные дальше недѣлимые элементы: представленіе работы передней части языка; представленіе плоскаго положенія языка и прикосновенія его передняго края къ зубамъ и деснамъ; представленіе прижатія /сжатія, смычки/ передняго края языка къ зубамъ и деснамъ, съ послѣдующимъ затѣмъ внезапнымъ раскрытіемъ или „взрывомъ"/хотя представленіе этого „взрыва" не всегда

ассоціируется съ общимъ представленіемъ этой фонемы/; представленіе поднятія мягкаго неба съ цѣлью закрыть снизу носовыя полости; представленіе раскрытія голосовыхъ связокъ гортани и неприведенія ихъ въ дрожаніе. Съ акустической точки зрѣнія общее впечатлѣніе и общее единое акустическое представленіе, ассоціируемое съ фонемою t , разлагается на представленія акустическихъ оттѣнковъ, обусловливаемыхъ вышепоименованными фонаціонными или произносительными работами.

Фонемѣ o' свойственны представленія слѣдующихъ работъ: закрытія полостей носа съ помощью мягкаго неба; сближенія губъ безъ возникновенія въ этомъ мѣстѣ особаго локальнаго шума; пассивнаго уклада или раствора всей полости рта; музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани. Такъ на одномъ концѣ произносительно-слухового общенія, т.е. на концѣ исходномъ, произносительномъ. На другомъ же концѣ, на концѣ слуховомъ, акустическомъ, названнымъ произносительнымъ впечатлѣніямъ и представленіямъ соотвѣтствуютъ частныя впечатлѣнія и представленія, на которыя разлагается общее представленіе этой фонемы.

Фонемѣ n свойственны: представленіе работы передней части языка, приблизительно такое, какъ и фонемѣ t ; представленіе опущенія мягкаго неба съ пропускомъ воздуха въ носовыя полости; представленіе звонкаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани. Такъ съ исходнаго конца языкового общенія. На противоположномъ же концѣ возбуждаются соотвѣтствующія

этимъ фонаціоннымъ или произносительнымъ работамъ слуховыя, или акустическія, частныя впечатлѣнія и представленія, составляющія въ общей сложности единое представленіе фонемы r.

Ни въ обыкновенномъ письмѣ, ни даже въ письмѣ „транскрипціонномъ", „условномъ", мною здѣсь примѣняемомъ, нѣтъ возможности указывать на эти простѣйшіе произносительно-слуховые элементы, на которые разлагается сложное произносительно-слуховое представленіе, называемое фонемою. Графемы или, въ исполненіи, буквы t , o , r - символизуютъ единство и недѣлимость фонемы, но онѣ неразложимы и ни одною своею частью не указываютъ ни на одинъ изъ болѣе мелкихъ, дальше недѣлимыхъ фонетическихъ элементовъ, на которые разлагается фонема. Можно бы, конечно, прибѣгнуть къ особымъ знакамъ или символамъ этихъ простѣйшихъ элементовъ, но, въ виду невозможности осуществить это безъ большой траты времени, я здѣсь отказываюсь отъ подобнаго способа символизаціи.

§ 37. Этимъ я оканчиваю разложеніе языкового цѣлаго съ произносительно-слуховой или фонетической точки зрѣнія. Но вѣдь всякое языковое цѣлое лишь постольку дѣйствительно принадлежитъ языку, по скольку оно ассоціируется съ представленіями, съ одной стороны, изъ міра внѣязыкового /физическаго, соціальнаго, лично-психическаго.../, съ другой же стороны изъ міра морфологіи языка, т.е. изъ міра расчлененія языковыхъ цѣлыхъ на структурные или строитель-

Лит. Юделевича, Владимірскій пр.13.

ные элементы.

Съ произносительнымъ цѣлымъ štó nắpisənă péróm, tăvó něvýrubəš təpăróm ассоціируется извѣстное „значеніе", т.е. рядъ представленій семасіологическаго характера, да кромѣ того оно подходитъ подъ одинъ изъ морфологическихъ типовъ, свойственныхъ данному языковому мышленію.

Это въ своей совокупности недѣлимое цѣлое распадается, съ той же семасіологически-морфологической точки зрѣнія, прежде всего на двѣ части, называемыя предложеніями:

1/ štó năpisənă péróm,
2/ tăvó něvýrubəš təpăróm.

Затѣмъ, въ обоихъ этихъ предложеніяхъ имѣются части, по своему смыслу и по морфологической законченности, по своей самостоятельности, переносимыя съ тѣмъ же приблизительно значеніемъ въ другія подобныя сочетанія, т.е. въ другія предложенія. Не только štó năpisənă, но тоже štó skázənă, štó sdélənă, štó uvídəš и т.п. Не только štó năpisənă, но и étă năpisənă, pəčéti năpisənă и т.п. Не только năpisənă péróm но и ukălót péróm, pəkăzí péróm и т.п.

На основаніи подобныхъ соображеній мы разлагаемъ нашу фразу на слѣдующія значащія слова или на дальше недѣлимыя синтаксическія единицы / синтагмы/ štó năpisənă péróm, tăvó něvýrubəš /или ne výrubəš / təpăróm.

§ 38. Но эти единицы недѣлимы только съ синтак-

сической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія синтаксиса, какъ морфологіи высшаго порядка. Отдѣльныя синтагмы, отдѣльныя синтаксическія единицы, какъ самодовлѣющія морфологическія цѣлыя, могутъ быть или дальше уже неразложимы, или же разлагаться на болѣе мелкія морфологическія части. Это разложеніе достигается прежде всего путемъ сопоставленія словъ съ другими словами, въ которыхъ тѣ же части повторяются приблизительно съ тѣмъ же значеніемъ. Сопоставимъ: šťó /что/ съ xťó /кто/, čevó /чего/, kăvó /кого/ čemú /чему/, kămú кому/, ťó /то/, ťăvó /того/...

Это сопоставленіе ведетъ насъ къ раздѣленію слова šťó на слѣдующія морфологическія части или морфемы: š-ť-ó . При этомъ š является только фонетическимъ замѣнителемъ _č_ /_šť_ вм. _čť_/, имѣющагося въ _čevó_, _čemú_ и т.д..

Затѣмъ сопоставимъ: _năṕisənă_ съ _năvarənă_, _nănós_, _nəgrubíl_ ....., _năṕisənă_ со _sṕisənă_, _zăṕiskă_, _výpəsəť_ /выписать/, ṕisákă ...., năṕisənă со sdélənă ..... nəṕisáť съ ṕisál, năṕisəny /написаны/....

Посредствомъ подобныхъ сопоставленій опредѣляемъ морфологическій составъ слова năṕisənă : nă-ṕis-ə-n-ă.

Этимъ же путемъ опредѣляется морфологическій составъ /составъ изъ морфемъ/ всей фразы: š-ť-ó nă-ṕis-ə-n-ă ṕer-óm, ť-avó ńě vý-rub-ə-š ťəpar-óm.

----

§ 39. Резюмируя все выше изложенное и многое другое, мы приходимъ къ слѣдующему выводу относительно дѣлимости произносительно-слухового языка:

I. Постепенное дѣленіе съ точки зрѣнія фонетической, произносительно-слуховой.

1/ Ряды произносимыхъ словъ. Самымъ яркимъ доказательствомъ подобной дѣлимости являются стихи.

2/ Произносимыя слова, объединяемыя подчиненіемъ всего произносимаго слогу акцентованному, слогу ударяемому, какъ слогу въ этомъ отношеніи господствующему.

3/ Слоги, опредѣляемые отдѣльными экспираціями или выдыханіями воздуха изъ грудной полости при участіи голосовыхъ связокъ гортани.

4/ Фонемы, объединяемыя одновременностью нѣсколькихъ произносительныхъ работъ и единствомъ общаго акустическаго впечатлѣнія.

5/ Отдѣльныя свойства фонемъ: съ произносительной стороны представленія отдѣльныхъ работъ органовъ рѣчи; съ точки зрѣнія слуховой, акустической--отдѣльные оттѣнки общаго впечатлѣнія, обусловливаемые именно указанными отдѣльными работами органовъ рѣчи.

II. Постепенное дѣленіе съ точки зрѣнія семасіологически-морфологической.

1/ Фразы, предложенія. Синтаксическія цѣлыя и ихъ сочетанія.

2/ Синтагмы, знаменательныя слова, слова со значеніемъ и съ морфологическою дѣлимостью, съ син-

таксической точки зрѣнія недѣлимыя единицы: а/ постоянныя выраженія, неизмѣняемыя сочетанія нѣсколькихъ словъ, б/ слова.

При автоматическомъ повтореніи, при отсутствіи въ данный моментъ творческой работы, вообще при отсутствіи языкового творчества, даже цѣлыя предложенія могутъ принимать характеръ синтаксической недѣлимости. Таковы пословицы, поговорки, заученные стихи.

3/ Морфемы. Ср. напримѣръ,

домъ, ломъ /dom, lom/ дномъ, зломъ, сномъ /dn-om, zl-om, sn-om/ погромъ, содомъ /pă-gróm, sădóm/ перомъ, штыкомъ, костромъ, виномъ /per-óm, štik-om, kastr-om, vin-om/; скопидомъ, гипподромъ /skəpidóm, gəpădróm/ топоромъ, богачомъ, соловьемъ /təpăr-om, bəg-ăč-óm, səlăv-j-óm/

4/ Психическія /морфологически-семасіологическія/ составныя части морфемъ. Съ этимъ связана морфологизація и семасіологизація отдѣльныхъ дальше недѣлимыхъ произносительно-слуховыхъ представленій /см. §§ 119-127/.

Глава 3.

Дѣлимость писанно-зрительнаго /графически-оптическаго/ языка.

§ 40. Писанно-зрительный языкъ существенно

отличается отъ языка произносительно-слухового. Языкъ произносительно-слуховой сложился, правда, въ человѣкѣ, но сложился „естественнымъ" путемъ, безъ сознательнаго участія человѣка. Поэтому ему свойственна безпрерывность и безконечность. Производя дѣленіе этого языка, мы его разсѣкаемъ на части, мы устанавливаемъ границы тамъ, гдѣ имѣются только постепенные переходы предшествующаго въ слѣдующее. Въ отличіе отъ этого, языкъ зрительный, языкъ оптическій /точнѣе: писанно-зрительный или графически-оптическій/ появился путемъ „искусственнымъ", какъ человѣческое изобрѣтеніе, какъ продуктъ культуры. Вслѣдствіе этого ему свойственно дробленіе на отдѣльныя единицы, на самодовлѣющія графемы /представленія буквъ/, отдѣленныя другъ отъ друга и сами по себѣ неразложимыя.

Но все таки способы сочетанія графемъ и примѣненіе разныхъ вспомогательныхъ знаковъ /знаки препинанія, отличеніе большихъ и малыхъ буквъ, абзацы и т.п./ позволяютъ отражать въ письмѣ дѣлимость, свойственную языку произносительно-слуховому.

Какъ произносительно-слуховыя, такъ и семасіологически-морфологическія фразы отдѣляются на письмѣ знаками препинанія. Напримѣръ: Что написано перомъ, того не вырубишъ топоромъ.

Нѣкоторымъ семасіологическимъ оттѣнкамъ свойственны особые знаки: вопросительный /?/ восклицательный / ! /.

§ 41. Фонетическая дѣлимость текущей рѣчи от-

ражается напр. въ русскомъ писанно-зрительномъ языкѣ, т.е. въ русскомъ письмѣ, прежде всего слѣдующимъ образомъ:

а/ тѣмъ мѣстамъ слова, представленіе которыхъ ассоціируется съ представленіемъ слога ударяемаго, свойственна за немногими исключеніями, опредѣленная гласная графема:

то	въ словѣ	что
пи	"	написано
ромъ	"	перомъ,
го	"	того,
вы	"	не вырубишъ,
ромъ		топоромъ

то.... пи.... ромъ..... о....... вы........ ромъ. Однако жъ возможны и шолъ и шелъ, и жолтый и желтый, и чорный и черный и т.д., и ель и елка, и твердь и твердый и т.п.

в/ Слогамъ и слогообразующимъ фонемамъ / „гласнымъ"/ слабѣе ударяемымъ, т.е. занимающимъ въ словѣ, съ этой точки зрѣнія, подчиненное мѣсто, свойственны въ области графическихъ представленій неустойчивыя, колеблющіяся написанія, опредѣляемыя уже не путемъ графически-фонетическихъ ассоціацій, а путемъ или ассоціаціи съ родственными морфемами, или же историческаго преданія.

Слово написано, при ударенiи на второмъ слогѣ, могло бы имѣть въ написаніи еще слѣдующія изображенія: нописано, написоно, написыно, нописоно, нописыно, написана, написона, написына, нописана,

пописона, нописына...., и тѣмъ не менѣе произношеніе отъ этого вовсе бы не измѣнилось.

Вмѣсто пером̲ъ мы могли бы имѣть, не нарушая вовсе произносительно-слухового состава тоже пѣромъ. Вмѣсто того тоже таго. Вмѣсто не вырубишь тоже нѣ вырубишь. Вмѣсто вырубишь тоже вырубешъ, вырубѣшь, вырубяшъ.

Вмѣсто топоромъ тоже тапоромъ, тыпоромъ, топаромъ, тапаромъ, тыпаромъ.

С х е м а:

о	а	и̲	а	о	е	о̲	о	о̲	е	й̲	у	и	о	о	о̲
	о		о	а	ѣ		а		ѣ			е	а	а	
			ы									ѣ	ы		
												я			

с/ Относительная устойчивость и опредѣленность написанія отражается тоже въ примѣненіи графемъ, ассоціируемыхъ съ фонемами /представленіями звуковъ/ неслогообразующихъ /неслоговыхъ/ или „согласныхъ".

Что или што, тово вм. того, вырубишь или вырубишъ или вырубиш или вырубижъ или вырубижъ или вырубиж.

Остальныя графемы согласныхъ опредѣляются произношеніемъ, и прежде всего слуховыми впечатлѣніями.

§ 42. Морфологическая дѣлимость рѣчи человѣческой тоже находитъ себѣ отраженіе въ письменномъ изображеніи.

1/ Синтаксическія цѣлыя, т.е. предложенія и сложныя выраженія, отдѣляются другъ отъ друга знаками препинанія.

2/ Синтагмы, т.е. синтаксически недѣлимыя единицы /слова и слитныя выраженія/ отдѣляются другъ отъ друга графическими паузами или пробѣлами: каждое „слово" отдѣляется отъ предшествующихъ и слѣдующихъ.

3/ Дѣленіе словъ на морфемы сказывается въ примѣненіи графемъ /буквъ/ не по произношенію, а по родству со словами, въ которыхъ соотвѣтствующая фонема находится въ условіяхъ, благопріятствующихъ полному проявленію всѣхъ ея свойствъ.

Что, а не што, потому что чего, чему...; написано, а не нописано, потому что написъ, накипъ, названный; написано, а не написоно или написыно, потому что написать, написалъ; написано, а не написана, потому что дано, введено, опредѣлено.

Подобнымъ же образомъ можемъ объяснить написанія: е, пе въ перомъ; первое о въ того; не; иш въ вырубишь; то и по въ топоромъ.

Вообще можно сказать, что, напримѣръ, въ русской письменности для положеній фонетически зависимыхъ и съ ограниченною самостоятельностью нѣтъ отдѣльныхъ графемъ, опредѣляемыхъ путемъ графически-фонетическихъ ассоціацій, а примѣняемыя въ такихъ случаяхъ графемы опредѣляются съ помощью морфологически-семасіологическихъ ассоціацій по сходству или по группамъ.

Въ подтвержденіе этого положенія можемъ привести еще слова: ротъ и родъ, рокъ и рогъ, вести и везти.... годовой, самокатъ....

Кромѣ того на письмѣ, въ письменности отражается исторія, т.е. обращеніе въ сторону прошлаго. Исторія эта является или исторіей самого письма, какъ продолжателя прежнихъ написаній, или даже исторіей произносительно-слухового языка. Въ разбираемой фразѣ сюда относятся:

1/ написаніе того съ г;

2/ а/ различеніе е и ѣ: перомъ, а не пѣромъ; не, а не нѣ: б/ различеніе и и і: написано, а не напісано, вырубишь, а не вырубішь;

3/ а/ вырубишь, а не вырубишъ,

в/ что, а не што,

с/ Всѣ почти случаи опредѣленія путемъ морфологическихъ ассоціацій: написано перомъ того не вырубишь топоромъ.

Глава 4.

Два главныхъ уклада языковыхъ представленій.

§ 43. До опредѣленія простѣйшихъ элементовъ какъ произносительно-слухового, такъ и писанно-зрительнаго языка мы дошли пока путемъ разбора мобилизуемыхъ во время языкового общенія рядовъ представленій:

въ произносительно-слуховомъ языкѣ рядовъ представленій произносительно-слуховыхъ и ассо-

ціируемыхъ съ ними представленій семасіологическихъ и морфологическихъ;

въ писанно-зрительномъ языкѣ рядовъ представленій графическихъ /представленія движеній руки и т.п./ и оптическихъ, ассоціируемыхъ какъ съ представленіями произносительно-слуховыми, такъ и съ представленіями семасіологически-морфологическими.

Все это подходитъ подъ понятіе ассоціацій по смежности въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Но всѣ эти простѣйшіе психическіе элементы языка существуютъ безпрерывно въ языковомъ центрѣ, т.е. въ индивидуальной психикѣ, и тамъ группируются по свойственнымъ имъ примѣтамъ, т.е. на основаніи ассоціацій по „сходству".

Различаются тамъ разные типы фонетическаго построенія предложеній, словъ, слоговъ, и всѣ случаи, подходящіе подъ одинъ типъ, составляютъ особую группу. Каждому изъ членовъ подобной группы свойственно, путемъ ассоціаціи по сходству /являющейся, впрочемъ, только особымъ видомъ смежности въ психическомъ центрѣ/, вызывать въ извѣстныхъ случаяхъ представленія другихъ членовъ той же группы.

Всѣ фонемы, объединяемыя извѣстнымъ общимъ имъ свойствомъ, составляютъ въ психическомъ центрѣ особую группу и подвергаются сходнымъ видоизмѣненіямъ и перерожденіямъ. Особо группируются всѣ фонемы, въ составъ которыхъ входятъ частныя представленія опущенія мягкаго неба и, обусловливаема-

го этимъ, носового резонанса, - въ отличіе отъ группы фонемъ, которымъ чужды эти особенности. Группируются тоже, по связывающимъ ихъ дальше недѣлимымъ произносительнымъ и слуховымъ элементамъ, слѣдующія фонемы:

š ž č /ш, ж, ч/,
d t n s z c
t p k ...,
t' p' k' ...;

всѣ ударяемыя гласныя фонемы;
всѣ гласныя фонемы губного сближенія /u, o /,
всѣ гласныя фонемы крайняго сближенія /u, i .../.

§ 44. Такъ же укладываются въ порядкѣ ассоціацій по сходству всѣ элементы морфологическіе: морфемы, слова, предложенія.

Морфема š слова š-t-ó связана съ морфемой č словъ: čevó, čemú, какъ ея разновидность.

Слова š-t-ó /что/ и xtó /кто/ связаны морфемами t и o и всею совокупностью относящихся къ нимъ формъ: č-ĕvó /k-ăvó, č-emú /k-ămú...

Слово năpísənă /написано/, благодаря своей первой морфемѣ, na /на/, входитъ въ составъ той же психической группы, что и всѣ остальныя слова съ тою же морфемой.

Семасіологически центральная морфема pís /пис/ является соединительнымъ звеномъ слова năpísənă /написано/ со всѣми словами, въ которыхъ она встрѣчается.

Слово năpísənă, въ соединеніи со всѣми

остальными формами спряженія и словообразованія, может явиться виновникомъ оживленія всѣхъ другихъ словъ /глаголовъ и отглагольныхъ/ того же типа по составу и ударяемости /по акценту/.

§ 45. Всѣ элементы языкового мышленія, какъ фонетическіе, такъ и морфологическіе и семасіологическіе, укладываются сами собою въ группы и разряды. Задача изслѣдователя состоитъ только въ томъ, чтобы вѣрно прочесть въ душахъ человѣческихъ, т.е. озарить свѣтомъ научнаго сознанія то, что въ объективномъ психическомъ мірѣ сложилось и существуетъ помимо всякой науки.

Здѣсь мы ограничимся проникновеніемъ въ русское языковое мышленіе. Оно послужитъ для насъ только однимъ изъ примѣровъ языкового мышленія вообще.

Для того, чтобы получить для своихъ соображеній твердую почву, мы должны прежде всего ознакомиться съ анатомическимъ субстратомъ рѣчи человѣческой, т.е. съ органами рѣчи руководящими, исполнительными и воспринимательными.

Роль центральнаго руководящаго органа играетъ мозгъ, вмѣстилищемъ котораго является голова. Съ его строеніемъ, по отношенію къ психически-языковой дѣятельности, мы знакомиться не можемъ, во первыхъ по субъективной причинѣ, т.е. по отсутствію достаточнаго знакомства съ этимъ предметомъ у самаго преподавателя, во вторыхъ же потому, что эти отношенія вообще еще не достаточно изслѣдованы и составляютъ задачу будущаго развитія науки.

Въ мозговомъ центрѣ образуются всѣ языковыя ассоціаціи въ томъ числѣ тоже ассоціаціи представленій произносительно-слуховыхъ или фонетическихъ съ представленіями писанно-зрительными или графическими.

Отъ руководящаго мозгового центра идутъ нервные проводники къ исполнительнымъ органамъ /моторные нервы, нервы движенія/, а отъ воспринимательныхъ органовъ, отъ органовъ чувствъ, идутъ нервные проводники къ руководящему мозговому центру. Точно также отъ исполнительныхъ органовъ, т.е. отъ мускуловъ, снабженныхъ нервами, идутъ сенсорные нервные проводники, проводники мускульнаго чувства, дающіе знать объ исполненіи работы.

§ 46. У людей только говорящихъ и слышащихъ, но не пишущихъ и не читающихъ, имѣется только одинъ видъ какъ исполнительныхъ, такъ и воспринимательныхъ органовъ. У людей же уже возвысившихся на культурную степень грамотности, рядомъ съ тѣми раньше развившимися органами рѣчи произносительно-слуховой, появляются еще какъ исполнительные, такъ и воспринимательные органы, приспособленные къ функціямъ писанія и чтенія. И въ этихъ новыхъ органахъ имѣются какъ центробѣжные /центрифугальные/, идущіе отъ мозгового центра, такъ и центростремительные /центрипетальные/, направляющіяся къ мозговому центру, нервные проводники.

Не станемъ здѣсь заниматься разсмотрѣніемъ ни воспринимательнаго органа въ области языка писанно-зрительнаго /графически-оптическаго/, т.е. гла-

за, ни исполнительнаго органа по той же части, т.е. руки или же ея замѣнителя, ни, наконецъ, воспринимательнаго органа въ области языка произносительно-слухового, т.е. уха. Построеніе и функціи этихъ трехъ органовъ, съ одной стороны, слишкомъ просты, съ другой же стороны столь тонки и сложны, что ихъ описаніе, примѣнительно къ процессу языкового общенія, должно быть сопряжено съ микроскопическими гистологическими наблюденіями.

Поэтому я ограничусь здѣсь только описаніемъ произносительно-исполнительнаго аппарата.

Въ заключеніе этой главы прибавлю, что центробѣжный произносительный процессъ языкового общенія называютъ фонаціей, воспринимательный центростремительный процессъ посредствомъ уха и ведущихъ къ центру нервныхъ проводниковъ - аудиціей. Процессы же, происходящіе въ индивидуальномъ мозговомъ центрѣ, обнимаются общимъ названіемъ церебраціи, примѣнительно къ языку - языковой церебраціи.

Г л а в а 5.

Описаніе произносительнаго исполнительнаго аппарата.

§ 47. /Демонстрируются діапозитивы или же рисунки вертикальнаго сагиттальнаго разрѣза верхней части человѣческаго тѣла, начиная грудною полостью и кончая головой, съ цѣлью показать внутреннюю сторону произносительныхъ органовъ. Затѣмъ показывается модель гортани/.

На этомъ разрѣзѣ мы видимъ тоже центральный руководящій органъ рѣчи человѣческой, т.е. мозгъ. Но мы на него только указываемъ, не вдаваясь въ его разборъ и описаніе /см.§ 45/.

Сосредоточимся на произносительномъ аппаратѣ. Начнемъ съ грудной полости.

Безъ грудной полости не можетъ быть рѣчи ни о какомъ произношеніи. Грудная полость выдыхаетъ воздухъ, необходимый для того, чтобы вызывать въ другихъ произносительныхъ органахъ акустическое дрожаніе и всякаго рода слышимые результаты. Это и есть общая постоянная роль грудной полости, роль выдыхателя /экспиратора/ воздуха и единственнаго поставщика этого произносительнаго матеріала.

Затѣмъ грудная полость является регуляторомъ слогового /силлабическаго/ построенія словъ. Сколько отдѣльныхъ выдыханій или экспирацій, столько слоговъ. Кромѣ того грудной полости приходится вообще сообразоваться съ произносительными потребностями другихъ исполнительныхъ органовъ, то увеличивая, то уменьшая количество выдыхаемаго воздуха.

Надъ грудной полостью мы видимъ дыхательное горло /trachea/, черезъ которое воздухъ выходитъ изъ грудной полости и стремится наружу. Позади дыхательнаго горла имѣемъ пищеводъ /oesophagus/.

Дыхательное горло кверху расширяется и образуетъ гортань /larynx/, имѣющую въ себѣ голосовыя связки. Гортань ограничена спереди щитовиднымъ хрящемъ /cartilago thyreoidea/.

выдающимся впередъ и образующимъ кадыкъ или такъ наз. Адамово яблоко /у мужчинъ обыкновенно выдается болѣе впередъ, нежели у женщинъ, а это находится въ связи съ различіемъ длины голосовыхъ связокъ и высоты тона голоса/. Щитовидный хрящъ состоитъ изъ двухъ сходящихся спереди хрящей, которые сзади раскрыты, какъ двѣ расходящіяся подъ угломъ стѣнки. Онъ, щитовидный хрящъ, покоится на другомъ хрящѣ, образующемъ замкнутое кольцо, спереди тонкое, сзади же болѣе широкое и уподобляемое къ кольцу съ печатью. Это кольцевидный хрящъ /cartilago cricoidea /. На задней стѣнкѣ этого хряща насажены съ двухъ сторонъ два небольшихъ хряща, имѣющіе видъ нагнутыхъ конусовъ и вращающіеся около вертикальной оси. Эти хрящи носятъ названіе черпаловидныхъ /cartilagines arytaenoideae /.

§ 48. Въ гортани имѣются голосовыя связки /chordae vocales /. Спереди онѣ сходятся и прикрѣплены къ черпаловиднымъ хрящамъ: правая къ правому, лѣвая къ лѣвому. Вслѣдствіе своей подвижности черпаловидные хрящи направляютъ движеніями голосовыхъ связокъ и могутъ сообщать разнообразныя формы какъ самимъ этимъ хрящамъ, такъ и образуемой между ними /т.е. между голосовыми связками и между черпаловидными хрящами/ голосовой щели /rima glottidis /. Голосовыя связки наклонены всегда другъ къ другу подъ угломъ, верхушка котораго на щитовидномъ хрящѣ, и который можетъ постепенно уменьшаться, до нуля включительно. Это послѣднее

взаимоотношеніе получается тогда, когда голосовыя связки плотно примыкаютъ другъ къ дружкѣ.

Эти голосовыя связки называются тоже настоящими голосовыми связками /chordae vocales verae/. Надъ ними виднѣется другая пара, не играющая никакой роли, пережиточная и называемая ложными голосовыми связками /chordae vocales falsae или spuriae /. Между этими связками, настоящими и ложными, по обѣимъ сторонамъ гортани имѣются углубленія, называемыя: ventriculi Morgagni.

Голосовыя связки представляютъ изъ себя главный музыкальный инструментъ человѣческаго организма. Онѣ являются единственнымъ источникомъ человѣческаго пѣнія. но онѣ играютъ тоже немаловажную роль и въ произношеніи или въ фонаціи. Ихъ напряженіемъ и дрожаніемъ обусловливается звонкость гласныхъ /vocales / и, хотя уже въ меньшей степени, тоже всѣхъ другихъ фонемъ, называемыхъ звонкими /голосными/. При глухихъ /безголосныхъ/ фонемахъ голосовыя связки на столько раскрыты, что текущій изъ легкихъ воздухъ не можетъ ихъ привести въ музыкальное дрожаніе.

Все то, что называется акцентомъ, удареніемъ, интонаціей, все это обусловлено дѣятельностью голосовыхъ связокъ. Кромѣ того голосовыя связки могутъ: совершенно сжиматься и внезапно раскрываться или производить взрывъ / plosio /, принимать тоже другія произносительныя положенія, которыя, напримѣръ, въ русскомъ произношеніи не иг-

раютъ никакой роли. За то, напримѣръ, въ семитическихъ языкахъ, въ языкахъ кавказскихъ и др.различіе работъ голосовыхъ связокъ и гортани вообще имѣетъ первостепенную важность для фонаціоннаго /произносительнаго/ разнообразія.

Между прочимъ, работою гортани обусловливается такъ называемое придыханіе, свойственное,напримѣръ, языкамъ нѣмецкому, англійскому /соотвѣтствующая графема или „буква" h /, латинскому, древнегреческому / „spiritus asper "/.

§ 49. Надъ гортанью находится клапанъ, могущій ее закрывать или открывать. Онъ носитъ названіе надгортанника /epiglottis / и поднятъ вверхъ какъ во время дыханія, такъ и во время произношенія. Когда же мы ѣдимъ или пьемъ,тогда онъ опускается и плотно закрываетъ гортань.Безъ этого пища или питье могутъ попадать въ гортань,черезъ гортань и дыхательное горло въ легкія, что могло бы быть даже жизнеопаснымъ. По опущенному надгортаннику и твердая пища и жидкая опускаются въ пищеводъ.

Тоже надъ гортанью, но болѣе спереди, замѣчаемъ подъязычную кость /os hyoideum /, составляющую твердую границу между гортанью и полостью рта.

Выходя изъ гортани и поднимаясь вверхъ, мы черезъ зѣвъ / pharynx / попадаемъ въ главный очагъ произносительнаго производства,т.е. въ полость рта /cavum oris /.

Въ задней части полости рта мы замѣчаемъ сверху подвижную небную занавѣску, velum palati или мягкое небо /palatum molle/, являющееся продолженіемъ неподвижнаго твердаго неба /palatum durum/ и дающее возможность открывать или же закрывать снизу носовыя полости или хоаны /choanae/. Мягкое небо играетъ при этомъ роль дверцы между зѣвомъ и полостью рта съ одной стороны и носовыми полостями съ другой. Во время обыкновеннаго дыханія, т.е. когда человѣкъ не говоритъ, не произноситъ, мягкое небо свободно опущено и воздухъ проходитъ черезъ носовыя полости, стремясь то изъ грудной полости, изъ легкихъ, наружу, то, наоборотъ, снаружи въ грудную полость, въ легкія. Во время же произношенія мягкое небо бываетъ опущено и носовыя полости бываютъ открыты гораздо рѣже, нежели наоборотъ, т.е. когда мягкое небо поднято и носовыя полости закрыты. Раскрытіе носа свойственно только такъ назыв. носовымъ фонемамъ, ассоціируемымъ, напримѣръ, въ русскомъ языковомъ мышленіи съ графемами м, н; при всѣхъ прочихъ фонемахъ носовыя полости закрыты.

Мягкое небо оканчивается внизу язычкомъ /uvula/, играющимъ тоже особую роль въ произношеніи нѣкоторыхъ племенъ и нѣкоторыхъ лицъ.

§ 50. И вся полость рта и носовыя полости играютъ прежде всего роль надставныхъ трубъ /переводъ съ нѣмецкаго - Ansatzrohr / или резонаторовъ для звонкаго воздуха, приводимаго въ со-

стоянiе звонкости дрожанiемъ голосовыхъ связокъ гортани. Резонансъ носовыхъ полостей свойственъ такъ наз. носовымъ фонемамъ, резонансъ же полости рта сопровождаетъ большинство фонемъ, или только какъ второстепенное свойство, или же какъ главная существенная особенность. Сущность такъ наз. гласныхъ / vocales / сводится къ свойственному имъ резонансу полости рта, мѣняющемуся сообразно съ измѣненiемъ формы рта. Различiе гласныхъ, напр. u /у/, о, а, е, /э/, i и т.д. есть различiе свойственныхъ имъ резонансовъ полости рта, принимающей различную форму благодаря ея съуженiямъ и сокращенiямъ съ помощью то тѣхъ, то другихъ подвижныхъ органовъ: губъ, средней части языка, задней части языка и т.п.

Полости носа могутъ играть въ произношенiи только пассивную, страдательную роль всегда одинаковаго по формѣ резонатора, ибо въ нихъ нѣтъ особыхъ подвижныхъ органовъ, могущихъ стать виновниками какъ видоизмѣненiя формы резонатора черезъ большее или меньшее съуженiе въ томъ или другомъ мѣстѣ, такъ и своеобразныхъ мѣстныхъ шумовъ и вообще звуковъ. За то полость рта представляетъ въ этомъ отношенiи самое богатое разнообразiе. Ея подвижные органы /губы, языкъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, мягкое небо, даже нижняя челюсть, могущая то приближаться къ верхней, то отъ нея удаляться/, съ одной стороны, видоизмѣняютъ форму всей полости рта, какъ надстав-

ной трубы или резонатора /при гласныхъ: ср. напр. форму полости рта при u, i, o, e, a, ü, o...../, съ другой же стороны дѣйствуютъ какъ молоты, производящіе въ отдѣльныхъ мѣстахъ полости рта своеобразные акустическіе эфекты /шумы, взрывные звуки и т.п./.

Можно сказать, что полость рта является главнымъ очагомъ произносительныхъ работъ, главнымъ органомъ человѣческаго языка со стороны его проявляемости ради языкового общенія между людьми, тогда какъ полость гортани представляетъ изъ себя музыкальный инструментъ человѣческаго организма, т.е. главный органъ пѣнія.

§ 5I. Объ активной роли отдѣльныхъ подвижныхъ органовъ полости рта вообще и о локализаціи работъ въ полости рта будетъ сказано впослѣдствіи. Здѣсь же я ограничуст исчисленіемъ подвижныхъ органовъ, слѣдуя тому же порядку /изъ глубины организма наружу и сзади впередъ/. Вотъ эти подвижные органы: мягкое небо /уже упомянутое/, языкъ, губы, въ особенности нижняя губа. Неподвижными же мѣстами, на которыхъ работаютъ подвижные органы, являются: твердое небо, продолженіе твердаго неба-верхняя челюсть съ зубами и деснами, въ извѣстномъ смыслѣ верхняя губа.

Самымъ подвижнымъ и вслѣдствіе этого самымъ важнымъ произносительнымъ органомъ является языкъ. Въ немъ мы отмѣчаемъ: I/ заднюю часть, заднеязычныя работы, заднеязычную иннервацію, заднеязычное

мускульное чувство; 2/ переднюю часть, передненязычныя работы и т.д.; 3/ среднюю часть, средненязычныя работы и т.д.. Кромѣ того надо отмѣтить различіе краевъ языка, какъ произносительныхъ работниковъ языка, и середины языка; различіе кончика языка и остальной его части и т.д. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что въ произношеніи участвуетъ только верхняя, широкая часть языка, между тѣмъ какъ его основная нижняя часть, его корень, остается внѣ произносительной сферы, хотя, конечно, безъ нея невозможны никакія движенія языка.

Передовая роль языка въ произносительной дѣятельности была причиною перенесенія его названія на всю совокупность явленій, подходящихъ подъ понятіе рѣчи человѣческой или человѣческаго языка.

Какъ всѣ подвижные органы полости рта, такъ и всѣ ея неподвижныя мѣста замѣтны простому глазу. Мы ихъ замѣчаемъ, посмотрѣвъ въ открытый ротъ другихъ, а у себя мы можемъ ихъ видѣть въ зеркалѣ. Конечно, они легче всего поддаются и наблюденіямъ съ помощью осязанія. Кромѣ того, очень легко увеличить мускульное чувство дѣйствующихъ органовъ до такой степени, что оно можетъ быть опредѣляемо вполнѣ сознательно.

§ 52. До сихъ поръ мною указаны были физическія орудія языкового общенія въ самомъ человѣческомъ организмѣ. Какъ въ произносительно-слуховой, такъ и въ писанно-зрительной рѣчи проводниками въ ту и другую сторону, т.е. отъ мозгового

центра, какъ носителя психической жизни, наружу, и снаружи къ центру, являются нервы, исполнителями же, т.е. какъ произносительными /фонаціонными/, такъ и пишущими /графическими/ или же другимъ способомъ наносящими видимые слѣды, работниками - мускулы. Но если бы только этимъ ограничивалась наша языковая дѣятельность, направленная во внѣшній міръ, она никакъ не могла бы достигнуть своей общественной цѣли, цѣли общаться съ помощью рѣчи устной или письменной. Для этого необходимо продолженіе нашей дѣятельности во внѣшній міръ. И вообще только посредствомъ физическихъ средствъ осуществляется обмѣнъ, распространеніе и продолженіе всѣхъ психо-соціальныхъ или психически-общественныхъ цѣнностей: въ области словесности и литературы, въ области міровоззрѣній, въ области обычаевъ , въ области нравственности, въ области экономической, въ области общественнаго и государственнаго устройства и т.д..

Что касается языкового обмѣна, то надо различать сторону его слуховую /акустическую/ и зрительную /оптическую./Первая изъ нихъ передается отъ индивица къ инвиду посредствомъ продолженія колебаній собственнаго организма въ окружающую насъ упругую среду, и прежде всего въ окружающій насъ воздухъ. Въ новѣйшее время сюда слѣдуетъ прибавить акустическій обмѣнъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи съ помощью телефона, благодаря использованію физической энергіи природы, появляюще-

муся во многихъ отрасляхъ человѣческаго общежитія. Теперь уже не одинъ воздухъ, но и металлы и прочіе проводники динамической энергіи природы стали проводниками произносительно-слухового общенія людей.

Произносительно-слуховое общеніе можетъ сопровождаться тоже проявленіями оптическаго характера, т.е. проявленіями дѣйствующими на зрѣніе. Сюда относятся разныя жесты и всякаго рода движенія тѣла, сопровождающія рѣчь многихъ людей. Конечно, они могутъ дѣйствовать только на небольшомъ разстояніи, только тогда, когда разговаривающіе смотрятъ другъ на друга, и, конечно, только при наличности свѣта. Въ темнотѣ всякія такого рода движенія становятся безцѣльными, хотя однако даже многіе изъ разговаривающихъ по телефону по привычкѣ раскланиваются, ухмыляются и вообще ведутъ себя такъ, какъ будто ихъ собесѣдникъ можетъ замѣчать ихъ тѣлодвиженія.

§ 53. Въ области языка пишущихъ и др. т.п. движеній, равно какъ и видимыхъ слѣдовъ, т.е. въ области языка писанно-зрительнаго /графически-оптическаго/, необходима прежде всего наличность, съ одной стороны, поверхностей и вообще страдательныхъ тѣлъ, на которыя можно наносить видимые слѣды, съ другой же стороны или жидкостей, служащихъ матеріаломъ /чернила, всякаго рода краски, тушь и т.п./, или же орудій, съ помощью которыхъ вырѣзываются или высѣкаются графическія изображенія трехъ измѣреній на деревѣ, на камнѣ, на ска-

лахъ /клинообразныя надписи/ и т.п. Пользуясь цвѣтными жидкостями /напр. чернилами разныхъ цвѣтовъ: красныя чернила/, мы могли бы довольствоваться просто пальцами; однако же мы уже давно продолжили палецъ съ помощью пера, сначала гусинаго и вообще птичьяго, а затѣмъ стального и вообще металлическаго. Рядомъ съ жидкостями изъ предметовъ внѣшняго міра графическую службу несутъ мягкія, легко стираемыя тѣла, въ родѣ мѣла, графита или т.п..Отсюда карандаши и т.п.. Использованіе электричества даетъ возможность удлинять наши физическія пишущія орудія до безконечности. Благодаря этому мы получили телеграфъ, какъ опять въ области произносительно-слуховой дошли, хотя и значительно позже,до телефона.

Нельзя, конечно, забывать о такихъ видоизмѣненіяхъ человѣческаго письма, какъ печать, литографія и прочіе способы репродукціи /воспроизведенія/ /пишущія машины и т.д./.

Со стороны воспринимательной въ области языкового общенія путемъ писанно-зрительнымъ /графически-оптическимъ/ необходимы такія же условія, какъ и при всякихъ оптическихъ ощущеніяхъ: наличность свѣта, „естественнаго" /дневного/ или „искусственнаго" /„ночного"/ /огонь, электрическій свѣтъ и т.п./; наличность видящаго глаза; отсутствіе тумана и всякихъ другихъ препятствій, появляющихся на пересѣченіи прямой линіи между читающимъ глазомъ и читаемыми графическими изображеніями.

О различіи акустическаго языкового обмѣна и языкового обмѣна оптическаго съ точки зрѣнія ихъ продолжительности и повторяемости было сказано раньше /§ 33/.

Глава 6.

Упорядоченіе разнообразія произносительно-слуховыхъ элементовъ языка, существующихъ въ психическомъ центрѣ. Классификація фонемъ.-

§ 54. При обозрѣніи и упорядоченіи звукового разнообразія рѣчи человѣческой можно слѣдовать двоякому пути: или стремиться къ систематическому представленію всѣхъ, замѣченныхъ или даже только предполагаемыхъ возможностей, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому опредѣленному языку, или же стать на реальную психическую, точнѣе психо-соціальную почву извѣстнаго обособленнаго племенного или же національнаго общенія.

Первый способъ какъ будто предполагаетъ одинъ общечеловѣческій всемірный мозгъ, одну общечеловѣческію всемірную полость гортани, одну общечеловѣческую всемірную полость рта, одинъ общечеловѣческій всемірный языкъ /языкъ какъ произносительный органъ/, однѣ общечеловѣческія всемірныя губы и т.д.. Конечно, если изслѣдователь представитъ себѣ всѣ фонаціонно-акустическія или произносительно-слуховыя возможности, онъ совмѣщаетъ ихъ въ своей головѣ, и тогда его голова, его психика

становится реальнымъ субстратомъ всѣхъ этихъ фонетическихъ возможностей. Но не такъ съ чисто объективной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія систематика и классификація всѣхъ „звуковъ" языка, встрѣчающихся или возможныхъ во всѣхъ разновидностяхъ рѣчи человѣческой, лишена реальнаго языкового основанія, виситъ въ воздухѣ и является, строго говоря, разсмотрѣніемъ внѣ-языковыхъ процессовъ, т.е. чисто звуковыхъ элементовъ и звуковыхъ единицъ.

Не трудно угадать, какой точки зрѣнія придерживаюсь я. Въ заглавіи этой главы сказано: „произносительно-слуховыхъ элементовъ, существующихъ въ психическомъ центрѣ". А если такъ, то принадлежащими языку въ полномъ смыслѣ этого слова я могу считать только фонемы и ихъ составные элементы, существующіе въ индивидуальныхъ головахъ. Поскольку же эти головы окрашены подъ цвѣтъ извѣстнаго племенного или же національнаго языка, онѣ составляютъ вмѣстѣ съ другими такими же головами собирательное цѣлое. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь психическими и психо-соціальными реальностями я признаю только единичныя /индивидуальныя/ или же собирательно-единичныя /коллективно-индивидуальныя/ души.

И вотъ, по чисто практическимъ соображеніямъ, по соображеніямъ доступности матеріала, я ограничиваюсь разсмотрѣніемъ русскаго языкового мышленія, какъ вмѣстилища цѣлой организованной группы произносительно-слуховыхъ представленій. При этомъ я

смотрю на русское языковое мышленіе или на„русскій языкъ только какъ на примѣръ человѣческаго языкового мышленія или человѣческаго языка вообще.

Само собою разумѣется, что, представляя систему произносительно-слуховыхъ представленій коллективнаго русскаго языка, какъ равнодѣйствующей цѣлаго множества индивидуальныхъ языковыхъ мышленій, мы должны допустить возможность колебаній въ разныя стороны, т.е. возможность видоизмѣненій какъ діалектическаго, такъ и чисто индивидуальнаго характера /см.§ 75/.

§ 55. Первымъ условіемъ надлежащаго пониманія системы фонемъ, т.е. цѣльныхъ произносительно-слуховыхъ представленій, свойственныхъ извѣстному языковому мышленію, является освобожденіе своего собственнаго мышленія отъ смѣшенія буквъ со звуками, графемъ съ фонемами. Мы должны забыть, что путемъ обученія грамотѣ, т.е. чтенію и письму, въ нашихъ головахъ насажены графическія представленія, заслоняющія собою сложившіяся раньше представленія произносительно-слуховыя. Въ данномъ случаѣ мы должны въ извѣстномъ смыслѣ забыть, что мы люди грамотные на русскій ладъ, что мы умѣемъ читать и писать по-русски. Мы должны перенести себя мысленно на предшествовавшую ступень личнаго языкового развитія, т.е. на ступень, когда наши головы были еще свободны отъ проявившихся въ нихъ впослѣдствіи писанно-зрительныхъ представленій и ограничивались одними только представленіями произ-

носительно-слуховыми.

Но, для наглядности, намъ все таки приходится прибѣгать къ сознательной ассоціаціи отдѣльныхъ фонемъ съ отдѣльными графемами, т.е., говоря неточнымъ обыденнымъ языкомъ, къ обозначенію отдѣльныхъ звуковъ отдѣльными буквами.

Пользуясь при этомъ русскими буквами, мы могли бы вызывать въ читателяхъ сложившіяся въ нихъ русскія графически-фонетическія ассоціаціи, мѣшающія точному пониманію одной только произносительно-слуховой стороны языка, въ ея отвлеченіи отъ нынѣшнихъ писанно-зрительныхъ или графическихъ представленій. Во избѣжаніе этого и для достиженія большей абстракціи, мы будемъ пользоваться транскрипціонными условными буквами, заимствованными, къ сожалѣнію, изъ точно также весьма несовершеннаго латинскаго алфавита, съ необходимыми дополненіями.

§ 56. Вообще обозначеніе фонемъ, ассоціируемыхъ съ частными представленіями отдѣльныхъ фонаціонныхъ работъ и обусловливаемыхъ этими работами частныхъ оттѣнковъ цѣльнаго акустическаго впечатлѣнія, обозначеніе фонемъ съ помощью цѣльныхъ неразлагаемыхъ буквъ /точнѣе: сознательная ассоціація разлагаемыхъ психически фонемъ съ неразлагаемыми психически графемами/ представляетъ изъ себя весьма неточный, такъ сказать, топорный научный пріемъ. Вполнѣ точная, безукоризненная оптическая символизація фонемъ, какъ сложныхъ еди-

ницъ, разлагаемыхъ на болѣе частныя представленія и съ произносительной /фонаціонной/ и съ слуховой /акустической/ стороны, должна бы стремиться къ такому графическому способу, при которомъ каждому простѣйшему дальше неразлагаемому элементу, какъ въ той, такъ и въ другой области, т.е. какъ въ области произносительной, такъ и въ области слуховой, соотвѣтствовалъ бы и на письмѣ, т.е. въ мірѣ оптическихъ представленій, одинъ простой ~~языкъ~~ знак или символъ, легко отличаемый отъ другихъ такихъ символовъ и съ нимъ несмѣшиваемый. Такъ напримѣръ, вмѣсто одной неразлагаемой буквы ʃ /русское с въ сочетаніи съ а, о, э, у, ы, ъ/ слѣдовало бы подставить сочетаніе знаковъ для каждаго изъ слѣдующихъ психическихъ элементовъ или дальше неразлагаемыхъ, безусловно простыхъ представленій: работа передней части языка, образованіе продолговатой щели между органомъ подвижнымъ и неподвижнымъ /въ данномъ случаѣ между передней частью языка и верхними деснами/, не-приближеніе средней части языка къ небу, поднятіе мягкаго неба и закрытіе стремящемуся изъ легкихъ воздуху доступа въ носъ, раскрытіе голосовыхъ связокъ гортани безъ ихъ дрожанія; акустическій оттѣнокъ или частное впечатлѣніе отъ работы передней части языка, акустическій спирантный /щелинный/ оттѣнокъ или „свистъ", впечатлѣніе „твердости" согласной отъ опущенія средней части языка, отсутствіе носового резонанса, глухое /безголосое/ произношеніе со стороны

голосовыхъ связокъ гортани, т.е. отсутствіе ихъ звонкости /см.§ 36/.

Вмѣсто всего этого у насъ и въ „научной транскрипціи" цѣльныя недѣлимыя буквы, говорящія только объ общемъ акустическомъ впечатлѣніи, но ничего не говорящія объ отдѣльныхъ произносительныхъ и слуховыхъ элементахъ.

Это разложеніе на отдѣльные элементы замѣнено въ предлагаемыхъ здѣсь таблицахъ помѣщеніемъ условной транскрипціонной буквы на пересѣченіи двухъ рядовъ: горизонтальнаго и вертикальнаго. Какъ этимъ путемъ достигается упомянутый здѣсь анализъ или разложеніе на элементы, мы увидимъ при объясненіи таблицы.

§ 57. <u>Таблица, представляющая классификацію самостоятельно мыслимыхъ фонемъ русскаго языкового мышленія /русской церебраціи/</u>.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	p	b	m	f	v					u	o
2	t	d	n	s	z				l		
3								r		{ im	a
4	k	g		x	(γ)						
5										im	e
6	p'	b'	m'	f'	v'						
7	t'	d'	n'	s'	z'				l'		
8								r'			
9	k'	g'		x'	(γ')						
10						c	[ʒ]				
11				š	ž	č	[ǯ]				
12					j						

§ 58. <u>Примѣчанія къ таблицѣ</u>.

I/ Графическіе символы всѣхъ самостоятельно мыслимыхъ фонемъ, свойственныхъ русскому языковому мышленію, размѣщены въ 12-ти горизонтальныхъ рядахъ, пересѣкающихся съ II-ю рядами вертикальными.

Въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ, для сбереженія времени и мѣста, я буду пользоваться слѣдующими сокращеніями:

гор. - горизонтальный рядъ или горизонтальные ряды.

верт.- вертикальный рядъ или вертикальные ряды.

Рядомъ съ этими сокращеніями стоятъ цифры, указывающія на то, о какомъ рядѣ или о какихъ рядахъ идетъ рѣчь въ данную минуту.

2/ Въ таблицѣ виднѣются латинскія буквы,какъ знаки или изображенія соотвѣтствующихъ графемъ или графическихъ представленій. Эти графемы ассоціируются съ соотвѣтствующими имъ фонемами вообще по способу, свойственному имъ въ западно-европейскихъ письменностяхъ, пользующихся латинскимъ алфавитомъ.

Никакого особаго объясненія не требуютъ наши условныя транскрипціонныя графемы: p , b , m , f , t , d , n , l , r , k , g . Графемамъ v , s , z , e , u , o , a , b свойственны ассоціаціи приблизительно по способу западно-славянскихъ письменностей.

О графемѣ i будетъ сказано послѣ / § 60/.

Графема x замѣняетъ собою ch нѣмецкой и сѣверо-западныхъ славянскихъ письменностей /чешской, польской, словацкой , лужицкой/ ея примѣненіе взято изъ русской письменности.

Въ таблицу введены символы-графемы γ и ʒ съ произвольной ассоціаціей. Объ нихъ будетъ ска-

зано послѣ /§ 65/.

§ 59. 3/ Кромѣ цѣльныхъ, неразлагаемыхъ графемъ /въ исполненіи: „буквъ"/ въ таблицѣ имѣются діакритическіе или аналитическіе знаки: v и '. Каждому изъ нихъ свойственна ассоціація только съ однимъ дальше неразлагаемымъ произносительно-слуховымъ элементомъ, точнѣе: съ двумя элементами, а именно съ однимъ элементомъ произносительнаго характера и съ однимъ, соотвѣтствующимъ тому, элементомъ характера слухового или акустическаго.

Діакритическій знакъ v / š ž č /, точнѣе его представленіе или соотвѣтствующая ему въ психическомъ центрѣ графема ассоціируется съ представленіемъ особой работы передней части языка и съ обусловливаемымъ этою работою представленіемъ такъ называемаго „шипящаго" оттѣнка произношенія.

4/ Представленіе діакритическаго знака ', примѣняемаго въ этой таблицѣ, ассоціировано, съ произносительной стороны, съ представленіемъ поднятія средней части языка къ небу и образованія между ними узкаго прохода для текущаго изъ легкихъ воздуха, со стороны же слуховой /акустической/ – съ представленіемъ акустическаго послѣдствія названной работы, т.е. „палатальнаго" /небнаго/ звукового оттѣнка и связаннаго съ нимъ ослабленія другой, главной произносительной работы /напр. при p', b', m', f', v' работы губъ/, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе такъ называемой „мягкости".

Такъ какъ рядомъ съ произносительно-слуховымъ

представленіемъ поднятія средней части языка къ небу и такъ наз. „мягкости" существуетъ въ русскомъ языковомъ мышленіи, какъ особая произносительно-слуховая единица, представленіе неподнятія средней части языка къ небу въ связи съ представленіемъ такъ называемой „твердости", то безусловная точность графическаго обозначенія или графической символизаціи требовала бы примѣненія, рядомъ съ экспонентомъ положительной работы поднятія языка / и „мягкости"/, тоже экспонента работы „отрицательной",÷/ работы не-поднятія языка/и „твердости"/. Такимъ экспонентомъ могло бы быть ^{0} /нуль/, приставленное къ изображенію графемы, т.е. мы писали бы рядомъ съ $\underline{p}'$ $\underline{b}'$ $\underline{m}'$ $\underline{f}'$ $\underline{v}'$ $\underline{t}'$ $\underline{d}'$ $\underline{s}'$ $\underline{z}'$ $\underline{l}'$ $\underline{r}'$ $\underline{k}'$ $\underline{g}'$ $\underline{x}'$
тоже: $\underline{p}^{0}$ $\underline{b}^{0}$ $\underline{m}^{0}$ $\underline{f}^{0}$ $\underline{v}^{0}$ $\underline{t}^{0}$ $\underline{d}^{0}$ $\underline{s}^{0}$ $\underline{z}^{0}$ $\underline{l}^{0}$ $\underline{r}^{0}$ $\underline{k}^{0}$ $\underline{g}^{0}$ $\underline{x}^{0}$.

Но безъ этого можно обойтись, понимая, что отсутствіе всякаго экспонента равносильно здѣсь экспоненту „отрицательному", точные, нулевому. Если даже въ математикѣ примѣняется этотъ способъ не-обозначенія само собою подразумѣвающихся экспонентовъ и коэфиціентовъ, если въ алгебрѣ вмѣсто $1a^1$, $1b^1$

÷/ Конечно, термины „положительный" и „отрицательный" употребляются здѣсь не въ математическомъ, а въ чисто языковомъ смыслѣ: „отрицательный" /математически „нулевой"/ обозначаетъ просто отсутствіе извѣстнаго признака, въ данномъ случаѣ представленія средне-язычной работы; хотя впрочемъ съ этимъ „отрицательнымъ" произносительнымъ представленіемъ связано и „положительное" представленіе впечатлѣнія такъ наз. „твердости".

пишутъ просто *a*, *b* , то тѣмъ паче мы можемъ позволить себѣ подобный пропускъ въ гораздо менѣе точной наукѣ, каковою является языковѣдѣніе.

§ 60. 5. Маленькое *m*, приставленное снизу къ буквѣ въ обоихъ горизонтальныхъ рядахъ /4-мъ и 5-мъ/, является не символомъ какого-либо опредѣленнаго произносительно-слухового элемента, а только значитъ *mutabile* /измѣняемое/. Объ этой „мутабильности" или измѣняемости будетъ сказано въ надлежащемъ мѣстѣ /въ 7-й главѣ, §§ 80-81/.

Собственно говоря, всѣ транскрипціонныя буквы нашей таблицы слѣдовало бы украсить экспонентомъ „мутабильности", такъ какъ всѣмъ фонемамъ свойственна измѣняемость сообразно съ сочетаніями и общими условіями произношенія. Но тамъ эта измѣняемость подразумѣвается сама собою, какъ извѣстное ослабленіе, ограниченіе и уклоненіе отъ нормы, т.е. отъ полноты проявленія мыслимыхъ свойствъ данной фонемы /напримѣръ, глухое *r* вмѣсто звонкаго въ словѣ *smotr* „смотръ", ослабленное *t* вм. полнаго *t* въ словѣ *pimtka* „пятка" и вм. звонкаго *d* въ словѣ *vótka* , *vód-ka* „водка" и т.п./; здѣсь же, по крайней мѣрѣ съ произносительной стороны, нѣтъ единой нормы, нѣтъ единаго типа данной фонемы или даннаго фонетическаго представленія, а исполненіе двоится сообразно съ тѣмъ, что мыслится или представляется передъ началомъ раздваивающейся фонемы *im* ; мыслится приближеніе средней части языка къ небу, *im*

произносится болѣе спереди и даетъ впечатлѣніе i /ассоціируемаго съ русскою графемою и или і/; представляя же себѣ передъ ɯ отсутствіе приближенія средней части языка къ небу, мы исполняемъ ɯ какъ болѣе задній гласный, акустическое впечатлѣніе отъ котораго ассоціируется съ русскою графемою ы /ср. § 80 № 7/.

§ 61. 6. Какъ уже замѣчено, при составленіи этой таблицы мною руководили прежде всего соображенія психологическаго характера. Изображаются графемы, ассоціируемыя съ самостоятельно мыслимыми фонемами, а упорядочиваются онѣ съ точки зрѣнія примѣняемости фонетическихъ различій въ морфологіи языка, т.е. съ точки зрѣнія ассоціацій произносительно-слуховыхъ представленій съ представленіями морфологическими /структурными, строительными/.

При произносительныхъ работахъ наше вниманіе и языковое мышленіе направляется по преимуществу въ полость рта. Стало-быть, и помѣщенные въ нашей таблицѣ графическіе символы фонемъ ассоціируются прежде всего съ представленіями работъ полости рта и обусловливаемыхъ этими работами частныхъ акустическихъ впечатлѣній.

8. Однимъ изъ главныхъ различій между работами полости рта является различіе между представленіемъ локализованной /мѣстной/ звукопроизводной работы, исполняемой однимъ изъ подвижныхъ органовъ полости рта, и между представленіемъ

страдательнаго уклада всей полости рта какъ резонатора, уклада, достигаемаго, конечно, тоже посредствомъ работъ отдѣльныхъ подвижныхъ органовъ полости рта, но уже работъ, не производящихъ мѣстнаго локализованнаго шума и вообще звука. Съ акустической стороны, въ первомъ случаѣ получается впечатлѣніе такъ называемыхъ „согласныхъ" /consonantes/, во второмъ же случаѣ впечатлѣніе такъ называемыхъ „гласныхъ" / vocales /, /ср. § 76/.

Какъ извѣстно, каждая работа подвижного органа сопровождается соотвѣтственнымъ мускульнымъ /двигательнымъ/ чувствомъ, а каждое представленіе работы представленіемъ мускульнаго /двигательнаго/ чувства.

9. Съ психологической точки зрѣнія, сообразующейся съ ассоціаціями произносительно-слуховыхъ представленій съ представленіями морфологическими, въ нашу таблицу входятъ, строго говоря, только фонемы, графическіе символы которыхъ помѣщены въ II-ти горизонтальныхъ /I-II/ и въ 9-ти вертикальныхъ /I-9/ рядахъ. Фонемы, графическіе символы которыхъ помѣщены въ I2-мъ гор. / j / и въ 10 и II вертик. / u o i̇m a e /, включены въ нашу таблицу, такъ сказать, въ качествѣ гостей.

Къ нашей таблицѣ принадлежатъ, строго говоря, только символы русскихъ „согласныхъ" фонемъ, русскимъ же „гласнымъ" фонемамъ будетъ впослѣдствіи посвящено особое табелярное обозрѣніе /глава 7, §§ 76 и слѣд./

§ 62. 10. Такъ ограниченная таблица распадается прежде всего на двѣ части: первую изъ нихъ составляютъ гор. 1-9, вторую - гор. 10-11. Въ первой части помѣщены два параллельныхъ отдѣла, различіе которыхъ используется /утилизуется/ въ морфологіи. Второй отдѣлъ содержитъ фонемы, съ которыми ассоціируется представленіе положительной средне-язычной работы, т.е. представленіе приближенія средней части языка къ небу. Первому же отдѣлу свойственны фонемы безъ этой работы средней части языка. Эти два отдѣла другъ другу соотвѣтствуютъ и въ русской морфологіи чередуются. Напр. rimba /рыба/, rimb'e /рыбѣ/; stol /столъ/, stălá /стола/, stăl'é /столѣ/....; ńesú /несу/, ńeś-ó-t /несетъ/.....Вообще различеніе представленій этихъ двухъ работъ средней части языка /приближеніе ея къ небу или же не-приближеніе/ имѣетъ въ русскомъ языковомъ мышленіи первостепенную важность.

[При этомъ надо замѣтить, что въ русскомъ языковомъ мышленіи по части морфологіи противоположность 4 и 9 гор. /k g x γ | k' g' x' γ'/ укладывается иначе, нежели противоположность 1 и 6 гор. /p b...| p' b'.../, 2 и 7 гор. /t d.... t' d'.../. 3 и 8 гор. /r | r'/]

§ 63. 11. Ряды 10 и 11 гор. тѣмъ и отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ, что имъ совершенно чуждо морфологическое различеніе случаевъ безъ приближенія и съ приближеніемъ средней части язы-

ка къ небу. Если они и могутъ существовать въ двухъ фонетическихъ разновидностяхъ /напр. š и š', ž и ž' /, такъ это будутъ только чисто фонетическія /произносительно-слуховыя/ разновидности въ зависимости отъ условій сочетанія съ другими фонемами, но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ морфологіи. Затѣмъ, у однихъ лицъ могутъ быть š, ž' „твердыя", т.е. безъ приближенія средней части языка къ твердому небу, но č „мягкое", т.е. съ приближеніемъ средней части языка къ небу /č'/; у другихъ всѣ три „мягкія": не только č', но и š' ž'; у третьихъ, наконецъ, всѣ три „твердыя".

Не обращая вниманія на морфологическую роль психическаго различенія двоякой работы средней части языка, а руководствуясь единственно соображеніями локализаціи произношенія, мы должны бы помѣстить: c ʒ во 2 гор., въ случаѣ же ихъ „мягкости" /средне-язычности/ въ 7 гор. / c' ʒ'/, „твердыя" š ž č ǯ въ 3 гор., „мягкія" š' ž' č' въ 8 гор..

[Отдѣленіе фонемъ c š ž č въ особую группу /гор.10-11/, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ фонемъ, объясняется исторически: по скольку онѣ свойственны исконно-русскимъ и исконно-славянскимъ морфемамъ, онѣ произошли или путемъ древняго „смягченія" /осреднеязыченія/ фонемъ 4 гор. / k g x /, или же развились изъ сочетаній: sj zj tj dj. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть, что и нѣкоторые случаи появленія фонемъ

n' l' r' /7 и 8 гор./, являющіяся историческимъ продолженіемъ сочетаній nj, lj, rj, подходятъ подъ понятіе такой же исторической измѣняемости, какъ š ž č, являющіяся историческимъ продолженіемъ: sj (š), zj (ž), tj (č), dj (ž)]

§ 64. I2. Различеніе, съ одной стороны, противопоставляемыхъ другъ другу рядовъ гор. I-5 и 6-9, со свойственною этому различенію „морфологизаціей", съ другой же стороны рядовъ гор. I0-II, сказывается не только въ морфологіи, но также въ обыкновенной русской графикѣ, въ написаніяхъ. Совершенно иначе ассоціируются съ соотвѣтствующими имъ произносительно-слуховыми представленіями парныя написанія въ родѣ: па//пя, ле//ло, сы//си, ру//рю, лъ//ль, тъ//ть, а опять иначе написанія це//цэ, ше//шэ, ци//цы, ши//шы, жи//жы, чи//чы, щи//щы, шъ//шь, жъ//жь, чъ//чь, щъ//щь. /Ср. плачъ, пріемышъ, ножъ, мужъ, плащъ..., но ночь, мышь, дрожь, мощь..../.

Къ рядамъ гор. I0-II слѣдуетъ присоединить тоже гор. I2, т.е. фонему j, такъ какъ она является точно также морфологически не-парной, какъ и фонемы č, š, ž, š. Если же обратить вниманіе на графически-фонетическія ассоціаціи, то окажется, что фонемѣ j въ русскомъ языковомъ мышленіи не соотвѣтствуетъ никакая опредѣленная графема /см. § I8/.

§ 65. I3. Графическіе символы фонемъ γ, γ', ʒ, ʒ', поставлены у меня въ угловатыхъ скобкахъ:

гор. 4 [γ], 9 [γ'], 10 [ʒ], 11 [ǯ'].
Это я сдѣлалъ потому, что эти фонемы, какъ независимыя, самостоятельно мыслимыя и исполняемыя, свойственны только заимствованнымъ словамъ /бога, господь, благо..., дзынга, джигитовка... и т.п./; въ обусловленныхъ же, зависимыхъ положеніяхъ /поѣзжай, когда и т.п./ онѣ встрѣчаются и въ словахъ исконно-русскихъ.

Что касается γ γ', то, конечно, я имѣю здѣсь въ виду сѣверно-великорусское произношеніе, равно какъ и то произношеніе объединяющаго литературнаго общерусскаго языка, которому свойственна вообще фонема g. Въ языковомъ же мышленіи тѣхъ лицъ, которыя вмѣсто g вообще произносятъ γ, нѣтъ вовсе мѣста для фонемы g /за исключеніемъ развѣ подражанія иноязычному или хотя бы только „иноличному" произношенію/, и ея мѣсто занимаетъ фонема γ. Тогда, конечно, графическому символу фонемъ γ и γ' /гор.4 и 9/ пришлось бы стоять безъ всякихъ скобокъ, а графическій символъ фонемы g или вполнѣ бы отсутствовалъ, или же былъ бы помѣщенъ въ скобкахъ.

§ 66. 14. Дадимъ себѣ теперь отчетъ въ послѣдовательности горизонтальныхъ рядовъ нашей таблицы и постараемся обосновать эту послѣдовательность.

Если бы мы слѣдовали какъ каждовременному выхожденію произносительной дѣятельности изъ человѣческаго организма, такъ и историческому ходу перемѣщенія произносительныхъ работъ снизу вверхъ и

сзади впередъ, мы должны бы начать съ полости гортани и кончить губами. Въ этой именно послѣдовательности мы знакомились съ произносительнымъ аппаратомъ человѣческаго организма /глава 5, §§ 47-53/. Точно такого же порядка придерживается древне-индійскій алфавитъ Devanāgarī. Въ этомъ алфавитѣ, отличающемся безукоризненною научностью съ точки зрѣнія физіологическихъ наблюденій соотвѣтствующихъ ему произносительно-слуховыхъ элементовъ, графическіе символы фонемъ исчисляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Гласные:

/главный звуковой фокусъ въ полости гортани/ } a ā, i ī, u ū...

Согласные:

/главный звуковой фокусъ въ полости рта/

$k\ k^h\ g\ g^h$ ṅ ...задняя часть языка

$\check{c}\ \check{c}^h\ \check{z}\ \check{z}^h$ ñ ...средняя " "

$ṭ\ ṭ^h\ ḍ\ ḍ^h$ ṇ } передняя часть яз. поднятая вверхъ

$t\ t^h\ d\ d^h$ n } передняя часть яз. плоско лежащая.

$p\ p^h\ b\ b^h$ m...губы

и т.д.

Я же рѣшилъ придерживаться противоисторическаго /антиисторическаго/ порядка, т.е. начинать съ рядовъ болѣе доступныхъ наблюденію, опредѣляемыхъ даже зрѣніемъ, и затѣмъ идти все болѣе назадъ и вглубь. По правдѣ сказать, подобный порядокъ изложенія могъ бы быть иногда самымъ подходящимъ и при обученіи такъ называемой „всеобщей исторіи": наблюдать современное состояніе и замѣ-

чаемыя въ немъ непонятныя явленія объяснять какъ продолженіе происходившаго въ прошломъ. Но „всеобщую исторію" мы оставимъ и вернемся къ своимъ горизонтальнымъ рядамъ таблицы фонемъ.

И вотъ мы отмѣчаемъ, что въ каждой изъ группъ рядовъ, установленныхъ на основаніи психологическихъ соображеній /связь съ морфологическими представленіями/, порядокъ слѣдующій: отъ губъ черезъ переднюю часть языка къ задней части языка. Этимъ объясняются послѣдовательности гор. рядовъ: I - 2 - 3 - 4 - 6 - 7 - 8 - 9, I0 - II.

Не обращая вниманія на столь важную психически противоположность между представленіемъ приближенія средней части языка къ небу и представленіемъ ея неприближенія, мы должны отожествить слѣдующіе ряды: I и 6; 2,7 и I0; 3,8 и II; 4 и 9.

Ибо вѣдь какъ въ I-мъ, такъ и въ 6-мъ работаютъ губы; во 2-мъ, 7-мъ и I0-мъ - передняя часть языка при плоскомъ ея положеніи; въ 3-мъ,8-мъ и II-мъ тоже передняя часть языка, но приподнятая вверхъ, въ 4-мъ и 9-мъ - задняя часть языка.

Ставя 5-й рядъ послѣ 4-го я измѣнилъ соблюдаемому вообще принципу топографической послѣдовательности: спереди назадъ. Вѣдь 5-му ряду свойственна работа средней части языка, лежащей между переднею и заднею.

Не обращая вниманія на психическія взаимоотношенія фонемъ, слѣдовало бы фонему j I2-го гор. ряда помѣстить въ 5-мъ гор. рядѣ.

§ 67. 15. Горизонтальные ряды нашей таблицы могутъ быть разсматриваемы еще съ точки зрѣнія отвѣта на вопросы: ассоціируются ли съ фонемами, графическіе символы которыхъ помѣщены въ этихъ рядахъ, два представленія локализованныхъ работъ въ полости рта, или же только одно подобное представленіе? Иначе: происходитъ ли производство акустическихъ впечатлѣній въ одномъ только мѣстѣ полости рта, или же въ двухъ мѣстахъ?

Съ этой точки зрѣнія рядамъ 1-5,12 свойственно одно мѣсто, рядамъ же 6-9 два мѣста. Что же касается рядовъ 10 и 11, то, по скольку помѣщеннымъ въ нихъ фонемамъ свойственна „твердость", т.е. несреднеязычность, они совпадаютъ съ рядами 1-5,12; присоединеніе же къ нимъ „мягкости" или среднеязычности переводитъ ихъ во второй разрядъ, т.е. въ разрядъ двухмѣстныхъ фонемъ.

[Болѣе тонкое разсмотрѣніе этого вопроса показало бы, что кажущаяся одномѣстность можетъ сопровождаться другою второстепенною произносительною локализаціей. Это прежде всего свойственно 1-му гор. ряду, въ которомъ неосложненная среднеязычностью губная работа сопровождается незначительною, мало замѣтною мобилизаціей задней части языка. Нѣчто подобное можно отмѣтить при „твердыхъ" ǯ ž č]

§ 68. 16. Локализуя работы полости рта, мы должны различать подвижные органы, точно молоты, и неподвижныя мѣста, точно наковальни. Съ психи-

ческой точки зрѣнія, рѣшающей при всѣхъ лингвистическихъ /языковѣдныхъ/ вопросахъ, гораздо важнѣе подвижные молоты, нежели неподвижные наковальни. Вѣдь рѣшать то должно относительное количество мускульнаго /двигательнаго/ чувства. И вотъ въ молотахъ у насъ возникаетъ и возбужденіе /побужденіе къ дѣйствію, мобилизація, моторная иннервація/ и ощущеніе отъ исполненія работы, въ наковальняхъ же одно только ощущеніе.

Поэтому то мы примѣняемъ такія названія, какъ губные /гор.I,6/, переднеязычные плоскаго уклада /гор.2,7,I0/, переднеязычные съ приподнятымъ кончикомъ языка /гор. 3,8,II/, заднеязычные /гор.4, 9/, среднеязычные /гор.I2,5/, избѣгая названій въ родѣ „зубныхъ", „небныхъ", „гортанныхъ". /Это послѣднее, примѣняемое къ k, g, x, γ, является просто безсмыслицей/. Иногда впрочемъ можно употреблять названія, указывающія на страдательныя наковальни, но только какъ второстепенныя, частныя прибавки къ общимъ названіямъ по молотамъ.

§ 69. I7. Съ этой точки зрѣнія, ставящей на первомъ планѣ роль подвижныхъ произносительныхъ молотовъ, мы должны соединить гор.ряды 2,3,I0,II, 7 и 8 въ одну группу, такъ какъ всѣмъ имъ свойственно представленіе произносительной работы передней части языка

I8. Гор. рядъ I долженъ быть противопоставленъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ только ему одному свойственно представленіе чистой работы губъ,

безъ язычнаго осложненія, хотя впрочемъ, какъ замѣчено въ § 67, къ губной иннерваціи присоединяется обыкновенно болѣе или менѣе явственная иннервація задне-язычная. Въ 6-мъ гор. рядѣ мѣсто этой сопутствующей заднеязычной работы замѣняетъ работа среднеязычная, играющая столь важную роль въ морфологіи русскаго языкового мышленія.

19. Гор. ряды I и 6 противопоставляются всѣмъ остальнымъ, ибо только этимъ двумъ рядамъ, I и 6, свойственно представленіе губной работы, тогда какъ всѣмъ остальнымъ рядамъ положительная работа губъ совершенно чужда.

20. Въ области этихъ остальныхъ, чисто язычныхъ рядовъ, остающихся по выдѣленіи губныхъ рядовъ I и 6, рядамъ 2,3,7,8,10,11 свойственно представленіе работы переднеязычной, тогда какъ это представленіе чуждо рядамъ 4,9,5 и 12.

21. Ряды гор. 5,6-9,12 могутъ быть соединены въ одну группу благодаря ассоціаціи свойственныхъ имъ фонемъ съ представленіями среднеязычной работы.

22. Оставленные вообще безъ разсмотрѣнія вертикальные ряды 10 и 11 / "гласные"/ умѣщаются въ первыхъ пяти гор. рядахъ. Въ 6-мъ рядѣ мы бы помѣстили графическіе символы ü, ö /въ родѣ нѣмецкихъ ü ö или французскихъ u, eu/, если бы подобнаго рода фонемы имѣлись въ русскомъ языковомъ мышленіи.

§ 70. 23. Обозрѣніе горизонтальныхъ рядовъ

приводитъ насъ къ заключенію, что въ русскомъ языковомъ мышленіи въ области произносительно-слуховой преобладаютъ представленія работъ передней части языка и представленіе работы средней части языка.

Какъ уже нѣсколько разъ замѣчено, различіе представленія работы среднеязычной и не-средне - язычной морфологизуется въ русскомъ языковомъ мышленіи и проходитъ черезъ всю произносительно-слуховую систему этого мышленія.

24. Въ связи со среднеязычностью слѣдуетъ замѣтить, что въ гор. рядахъ 6-9, благодаря осложненію этою среднеязычностью, всѣ фонемы /p' ... k'.../ со стороны работы главнаго подвижного органа /произносительнаго молота/, на одну степень слабѣе, нежели соотвѣтствующія имъ фонемы въ гор. рядахъ I-4 /p.... k ..... /. Такое же ослабленіе главной работы происходитъ отъ присоединенія къ ней другихъ осложняющихъ работъ или же акустическихъ результатовъ: отъ звонкаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани / b слабѣе p, z слабѣе ʃ ..../; отъ пропуска воздуха въ носъ и носового резонанса / m слабѣе b, n слабѣе d ..../.

Вообще это постепенное ослабленіе можно показать на примѣрѣ изъ губныхъ рядовъ, пользуясь при этомъ знакомъ > въ значеніи „больше", „сильнѣе": p > b p' > b' m > m'

При p одна главная работа,

при *b* осложненіе звонкостью голосовыхъ связокъ гортани,

" *p'* осложненіе среднеязычныхъ съуженіемъ,

" *b'* осложненіе двумя сопровождающими работами: звонкостью голосовыхъ связокъ и среднеязычностью,

" *m* осложненіе звонкостью и носовымъ резонансомъ,

" *m'* осложненіе тремя сопровождающими работами.

§ 71. Перейдемъ теперь къ обозрѣнію вертикальныхъ рядовъ.

25. Постепенность этихъ работъ основана тоже на различіяхъ работъ въ полости рта, и именно на количественныхъ, пространственныхъ, различіяхъ. Ряды эти слѣдуютъ другъ за другомъ вообще въ порядкѣ нисходящемъ по степени сжатія или съуженія органовъ въ полости рта:

p b m f v u o
t d n s z
k g x γ i m a

При этомъ верт. ряды 6-9 исключаются, какъ нарушающіе эту постепенность.

26. Все еще съ точки зрѣнія различія работъ въ полости рта мы можемъ опредѣлять вертикальные ряды слѣдующимъ образомъ:

1-3 - представленіе сжатія, смычки /и обыкновенно разжатія, взрыва/,

4-5 представленіе звукопроизводнаго сближенія

органовъ, щели, протока /спиранты/,

6-7 - согласные „дифтонги", сочетаніе въ общемъ представленіи одной фонемы особенностей рядовъ I-2 съ особенностями рядовъ 4-5,

8 - представленіе дрожанія органа,

9 - представленіе переднеязычнаго сжатія, сопровождаемаго отверстіями по бокамъ языка,

IO-II - пассивный укладъ всей полости рта.

27. 3-й верт. рядъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ стоятъ графическіе символы фонемъ, ассоціируемыхъ съ представленіями опущенія мягкаго неба и носового резонанса, вызываемаго проходомъ звонкаго воздуха въ носъ. Всѣмъ остальнымъ рядамъ чужды эти произносительно-слуховыя представленія.

28. Только I,4 и 6 верт. рядамъ свойственна ассоціація съ представленіемъ раскрытія голосовыхъ связокъ гортани, обусловливающаго такъ наз. „глухой" /безголосый/ оттѣнокъ сложнаго акустическаго впечатлѣнія данной фонемы. Всѣ же остальные ряды сопровождаются въ той или иной мѣрѣ ассоціаціей съ представленіемъ напряженія голосовыхъ связокъ, вызывающаго акустическое впечатлѣніе „звонкости" /голосности/. Одно впечатлѣніе звонкости, впечатлѣніе болѣе слабое, свойственно верт. рядамъ 2,5,7, другое, болѣе сильное - рядамъ 8 и 9, другое - ряду 3-му; самымъ же сильнымъ впечатлѣніемъ и постояннымъ представленіемъ звонкости отличаются, благодаря открытому резонансу полости рта, верт. ряды IO и II.

§ 72. 29. Разсмотрѣніе вертикальныхъ рядовъ со стороны участія произносительныхъ работъ и акустическихъ результатовъ не въ полости рта, а въ другихъ полостяхъ, въ полости гортани и въ носовыхъ полостяхъ, приводитъ насъ къ заключенію, что въ русскомъ языковомъ мышленіи преобладаютъ фонемы, ассоціируемыя, съ одной стороны, съ представленіемъ звонкости голосовыхъ связокъ гортани, съ другой же стороны, съ представленіемъ поднятія мягкаго неба и отсутствія носового резонанса.

30. Принято различать „звуки" „мгновенные" и „длительные". Мы тоже обратимъ вниманіе на это различеніе; но при этомъ должны различать мгновенность и длительность со стороны отдѣльныхъ произносительныхъ работъ, со стороны фонетической, отъ мгновенности и длительности со стороны акустическаго результата. Самъ я здѣсь этой мысли развивать не стану, а только прошу разобраться въ фонемахъ: p b m f v u o ; e z r l ; p' b' m' и опредѣлить, какое изъ ассоціируемыхъ съ ними частныхъ представленій, какъ произносительнаго, такъ и слухового /акустическаго/ характера, является длительнымъ, и какое мгновеннымъ.

31. Точно такъ же могутъ не совпадать сложность и простота произносительныхъ работъ и вызываемаго ими акустическаго результата.

§ 73. До сихъ поръ мы занимались обозрѣніемъ и характеристикою фонемъ нашей таблицы по преимуществу съ произносительной точки зрѣнія, примѣшивая

однакожъ къ этому и соображенія акустическаго характера. Теперь же сосредоточимъ свое вниманіе на акустической классификаціи фонемъ, т.е. на классификаціи по слуховымъ впечатлѣніямъ и представленіямъ.

Съ этой точки зрѣнія отличаемъ прежде всего фонемы шумныя /geräuschlaute/ и сонорныя /Sonore Laute/: при шумныхъ перевѣсъ на сторонѣ мѣстнаго шума, возникающаго въ полости рта, при сонорныхъ же перевѣсъ на сторонѣ резонанса всей полости рта.

"Шумными" надо признать верт.ряды I,2,4-7,т.е. p t k, p' t' k', f s x, f' s' x' š, c č, b d g, b' d' g', v z γ, v' z' γ', ž, ʒ ǯ.

"сонорными" же верт.ряды 8,9,3,I0,II, т.е. r r', l l', m n, m' n', u i m o a e.

Къ сонорнымъ слѣдуетъ прибавить тоже фонему, графическій символъ которой помѣщенъ на пересѣченіи I2-го гор.ряда съ 5-мъ верт.рядомъ,т.е.фонему j.

Всѣ сонорныя фонемы отличаются представленіемъ болѣе или менѣе сильнаго резонанса всей полости рта. Къ этому въ 3-мъ верт.рядѣ присоединяется представленіе носового резонанса.

Фонемы I-го верт. ряда можно считать, по ихъ главному, основному моменту произношенія, съ точки зрѣнія акустической, абсолютно нѣмыми.Во время сжатія органовъ рѣчи при p t k, p' t' k' не слышно никакого звука, тогда какъ при b d g, b' d' g' /2-й верт/ можно, усиливая напряженіе голосовыхъ

связокъ, вызвать явственный гортанный /голосовой, голосовыхъ связокъ/ звукъ именно во время сжатія въ полости рта. Сжатіе же въ полости рта при фонемахъ 3-го ряда, m n, m' n' не мѣшаетъ вовсе сложному резонансу носовыхъ полостей и полости рта: при m m' всей, а при n n' укороченной.

Различіе шумныхъ и сонорныхъ отражается въ фонетическомъ построеніи словъ въ зависимости, напримѣръ, отъ ударенія /акцента/: сонорныя фонемы могутъ быть и слоговыми /слогообразующими, сонантами/, - и сослоговыми /кон-сонантами, „сонантическими коэфиціентами"/, и просто не-слоговыми /консонантами/, тогда какъ шумнымъ приходится обыкновенно играть въ слогѣ роль однихъ только не-слоговыхъ /неслогообразующихъ, консонантовъ/ /ср. § 81/.

§ 74. 33. Какъ выше /§ 65/ замѣчено, въ угловатыхъ скобкахъ помѣщены у меня графическіе символы рѣдкихъ фонемъ: [γ], [ʒ], [ǯ]. Къ этому слѣдовало бы прибавить [š'], и [ž'], появляющіяся рядомъ съ š и ž только въ исключительныхъ условіяхъ сочетанія и положенія въ словѣ.

34. Это замѣчаніе вводитъ насъ вообще въ разсмотрѣніе такихъ видоизмѣненій основныхъ фонемъ нашей таблицы, появленіе которыхъ обусловливается извѣстными сочетаніями /см. § 60/.

Такъ, напримѣръ, рядомъ съ фонемами t d n 2-го гор. ряда имѣются, по мѣсту прикосновенія конца языка къ небу, такія же фонемы 3-го /и II-го/ гор. ряда: štuka /штука/, štani /штаны/,

žd'at' /ждать/, káždьj /каждый/, šnúr /шнуръ/, možna /можно/ и т.п. О z, ž см. § 65.

Точно также не предвидѣны въ таблицѣ глухія фонемы r r', l l', n n', m m', т.е. фонемы r r' и т.д. безъ музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани. Между тѣмъ, благодаря непреодолимымъ силамъ сочетанія въ области периферій произносительнаго аппарата, таковыя фонемы появляются въ русскомъ произношеніи. Такъ напримѣръ, P'otr /Петръ/, smotr /смотръ/, m'in'istr /министръ/, botr /бодръ/, mysl' /мысль/, p'esn' /пѣснь/, draxm /драхмъ/, žandárm /жандармъ/ и т.п.

Объ ослабленныхъ гласныхъ, о гласныхъ глухихъ /безголосныхъ/ и т.п. будетъ сказано впослѣдствіи /§ 81/.

35. И вотъ мы убѣждаемся въ необходимости отличать фонемы, самостоятельно мыслимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняемыя согласно съ произносительнымъ намѣреніемъ, отъ фонемъ, измѣняющихся въ исполненіи, т.е. принимающихъ въ исполненіи видъ не соотвѣтствующій опредѣленному произносительно-слуховому намѣренію.

Сначала отъ этого могутъ получаться только преходящія слуховыя впечатлѣнія, не вызывающія въ психическомъ центрѣ постоянныхъ представленій; но затѣмъ накопленіе /кумуляція/ особыхъ впечатлѣній можетъ вести къ появленію новыхъ, самостоятельныхъ, автономныхъ фонемъ.

Такъ, напримѣръ, въ русскомъ языковомъ мышленіи нѣтъ пока мѣста для упомянутыхъ подъ № 34 фонемъ t d n 3-го гор. ряда, но со временемъ онѣ могутъ отдѣлиться отъ t d n и укрѣпиться въ мозговомъ центрѣ какъ нѣчто самостоятельное. Нѣтъ пока глухихъ r l' n' m какъ самостоятельныхъ произносительно-слуховыхъ представленій, но никто не можетъ поручиться за то, что онѣ современемъ не явятся.

§ 75. 36. Только что затронутое разнообразіе исполненія одинаковыхъ психически фонемъ свойственно одному и тому же носителю извѣстнаго языкового мышленія. Кромѣ того необходимо отмѣтить колебанія въ зависимости отъ разныхъ носителей той научной фикціи, которая называется общерусскимъ языкомъ, т. е. въ зависимости или отъ индивидуальныхъ особенностей, или же отъ діалектической принадлежности /отъ происхожденія изъ среды того или иного говора/ /ср. § 54/.

О γ, могущемъ замѣнять собою g во всѣхъ случаяхъ его появленія, мною сказано въ § 65.*

Затѣмъ извѣстно, что довольно значительный процентъ носителей русскаго языкового мышленія, особенно изъ такъ называемой „интеллигенціи", не въ состояніи исполнять передне-язычное r и замѣняетъ его сходною по исполненію фонемой задне-язычнаго и вообще задне-ртоваго образованія. Для такихъ лицъ мѣсто графическому символу фонемы r не въ 3-мъ, а въ 4-мъ гор. рядѣ.

Точно также еще большему проценту лингвистическихъ русскихъ не дано переднеязычное исполненiе фонемы l ; они замѣняютъ ее фонемою губной локализацiи, чѣмъ то въ родѣ неслогового u / u̯/. Графическому символу такой фонемы мѣсто не во 2-мъ, а въ I-мъ гор.рядѣ.

Г л а в а 7 /продолженiе 6-й главы/.

Обозрѣнiе и упорядоченiе гласныхъ фонемъ /vocales / русскаго языкового мышленiя.

§ 76. При согласныхъ /non-vocales / главною, со стороны исполнительныхъ работъ, является звукопроизводная локализацiя въ полости рта. Работы полости рта сопровождаются работами полости гортани.

При гласныхъ / vocales / же нѣтъ въ полости рта звукопроизводнаго фокуса. Звукопроизводный фокусъ находится въ гортани, но характеръ гласнаго зависитъ отъ свойственной ему формы всей полости рта, являющейся резонаторомъ или надставною трубой / Ansatzrohr / /ср.§ 61 № 8/.

Стоя на психической точкѣ зрѣнiя, я помѣстилъ въ общую таблицу фонемъ русского языкового мышленiя графическiе символы почти только тѣхъ фонемъ, которыя исполняются согласно съ ихъ постоянно существующимъ психически составомъ изъ дальше неразлагаемыхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ. Здѣсь же, при систематическомъ обозрѣнiи особой группы, группы гласныхъ фонемъ, т.е. фонемъ резо-

нанса всей полости рта безъ какого бы то ни было мѣстнаго шума, я привожу не только графическіе символы фонемъ самостоятельныхъ и максимально независимыхъ /или же минимально зависимыхъ /, но тоже фонемы зависимыя, причемъ эта увеличенная зависимость можетъ быть двухъ или даже болѣе степеней.

Иначе: въ этомъ обозрѣніи нашли себѣ мѣсто не только фонемы, исполняемыя сообразно съ произносительнымъ намѣреніемъ, но тоже фонемы, исполненіе которыхъ далеко не совпадаетъ съ этимъ произносительнымъ намѣреніемъ.

И все таки я и здѣсь стою на психологической точкѣ зрѣнія. Вѣдь, если бы даже произносительное намѣреніе во всѣхъ случаяхъ было одинаково, въ чемъ можно сомнѣваться, то однакожъ имѣются при этомъ столь разнообразные слуховые /акустическіе/результаты, что, по крайней мѣрѣ со стороны воспринимательной, со стороны слуховой, участники даннаго языкового общенія получаютъ совершенно обособленныя впечатлѣнія, способствующія образованію и упроченію особыхъ фонемъ. Фонема a̱ въ слогахъ не-ударяемыхъ средняго уровня /§ 77 и слѣд./ обособилась не только отъ o̱, но и отъ a̱ высшаго уровня /т.е. отъ a̱ въ слогѣ ударяемомъ/. Фонемы ə никакъ нельзя смѣшивать съ фонемами a, a, o, e, i.

Развитіе и упроченіе новыхъ фонемъ подобнаго рода имѣетъ важное значеніе для будущаго даннаго племенного или національнаго языка, т.е. для продолженія въ будущемъ современнаго коллективнаго языкового мышленія /ср. § 74, № 35/.

§ 77. Таблица гласныхъ фонемъ / *vocales* / русскаго языкового мышленія.

	губное сближеніе.	язычное сближеніе.		
		задне-язычное	средне-язычное	
Высшій уровень	u	im	im	крайнее съуженіе
	o	a	e	среднее съуженіе
средній уровень	ŭ	im	im	крайнее съуженіе
		ă	ĕ	среднее съуженіе
низшій уровень	ŭ		ə → 0 (нуль)	крайнее съуженіе
				среднее съуженіе

§ 78. Объясненія и примѣчанія.

1. Губное сближеніе, видоизмѣняющее укладъ всей полости рта, какъ резонатора, сопровождается обыкновенно тоже сближеніемъ задней части языка съ небомъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе сильной иннерваціей этой задней части языка. При u не только округляются губы, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно высоко подымается задняя часть языка /ср. §§ 67 и 69, № 18/.

2. Благодаря анатомическому устройству, губное сближеніе является болѣе опредѣленнымъ, нежели сближеніе язычное. Въ языкѣ имѣемъ три главныхъ фокуса произносительной иннерваціи и произносительной ра-

боты: въ передней части языка, въ средней и задней. Кромѣ того отличаемъ работы краевъ языка и его середины, работы при напряженномъ состоянiи мускуловъ языка и при ихъ вяломъ состоянiи, и т.п. Но эти различенiя не играютъ въ русскомъ произношенiи никакой роли, за исключенiемъ развѣ различiя по напряженности, сопровождающаго различiе по уровнямъ произносительной силы и слухового /акустическаго/ впечатлѣнiя.

Гласныя фонемы передне-язычнаго сближенiя въ строгомъ смыслѣ этого слова отсутствуютъ въ языковомъ мышленiи громаднаго большинства извѣстныхъ намъ племенъ и народовъ, въ томъ числѣ такъ же и въ русскомъ языковомъ мышленiи. За то въ этомъ языковомъ мышленiи очень важную роль играетъ различенiе среднеязычной работы и работы задне-язычной, находящееся въ тѣсной психической связи съ морфологизованнымъ различiемъ между не-среднеязычными /„твердыми"/ и среднеязычными /„мягкими"/согласными /§§ 59, 62 - 64/, равно какъ и съ измѣняемостью общаго представленiя *i* въ зависимости отъ предшествующихъ ему произносительныхъ представленiй: *ы* становится то заднеязычнымъ /у людей грамотныхъ ассоцiацiя съ графемою ы /, то среднеязычнымъ /ассоцiацiя съ русскими графемами и, i/.

Заднеязычное сближенiе у меня поставлено сейчасъ послѣ губного и передъ средне-язычнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1/ между губною и средне-язычною инервацiей и мобилизацiей существуетъ тѣс-

ная связь /§ 78 № I, §§ 67 и 69 № 18/; 2/ фонемамъ о и а высшаго уровня соотвѣтствуетъ на среднемъ уровнѣ фонема а заднеязычнаго сближенія.

§ 79. 3. Различеніе трехъ главныхъ уровней силы и самостоятельности гласныхъ фонемъ русскаго языкового мышленія диктуется тѣмъ общимъ соображеніемъ, что въ русскомъ произношеніи болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, произносимое слово является стройнымъ единымъ цѣлымъ, въ которомъ одна господствующая часть, одно господствующее произносительное мѣсто /слогъ съ „удареніемъ"/ подчиняетъ себѣ всѣ остальныя. Это господствующее произносительное мѣсто сосредоточиваетъ на себѣ произносительное вниманіе, и вслѣдствіе этого ослабляется точность исполненія остальныхъ произносительныхъ мѣстъ /т.е. остальныхъ слоговъ и слоговыхъ фонемъ/.

Высшій уровень тожествененъ /идентиченъ/ со слогомъ ударенным /самаго сильнаго ударенія/. На среднемъ уровнѣ стоятъ слоги непосредственно предшествующіе ударенному /вода́, годово́й, самока́тъ, берега́ и т.п./, равно какъ и конечные гласные звуки /конечныя гласныя фонемы/ словъ, т.е. гласные въ конечныхъ открытыхъ слогахъ /го́да, бе́рега, вы́пили, мо́ре и т.п./ На низшій уровень нисходятъ слоги и слоговыя фонемы во всѣхъ прочихъ положеніяхъ, т.е. передъ удареніемъ, начиная со второго слога /годово́й, пятачо́къ, кипято́къ, водоворо́тъ, водоворо́тами, переве́рни и т.п./, и во всѣхъ слогахъ послѣ ударенія, включая сюда и послѣдній если онъ „закрытъ", т.е. оканн-

чивается согласною фонемою /вы́ѣхать, ши́воротъ,по́лгода, ко́локолъ, разбра́сывать и т.п./.

4. Звуковой фокусъ фонемъ гласныхъ находится въ полости гортани, а полость рта является резонаторомъ, сообщающимъ впрочемъ каждому гласному звуку его специфическую окраску. Точно также работою голосовыхъ связокъ гортани регулируется всякаго рода акцентъ, какъ экспираторный /выдыхательный, акцентъ силы, ударенія/, такъ и музыкальный /интонація/. Отсюда понятно, почему столь сильное вліяніе на исполненіе гласныхъ имѣютъ отношенія ударяемости.

5. Въ русскомъ языковомъ мышленіи ударяемость слоговъ и слоговыхъ фонемъ морфологизуется,а разъ идетъ рѣчь о морфологизаціи, то мы должны согласиться, что, хотя въ исполненіи ударяются /акцентуются/ слоги и фонемы, то однакожъ съ психологической точки зрѣнія или съ психической стороны удареніе свойственно не произносительно-слуховымъ частямъ словъ, а частямъ морфологическимъ, т.е. морфемамъ. Въ формахъ берега́, колокола́, учителя́, счета́ .... ударяется конечная морфема, окончаніе a; въ вы́нести, вы́ѣхать, вы́дѣлка и т.п. начальная морфема vý /vým - вы/; въ бо́роду, го́лову и т.п. первая гласная фонема, какъ составная часть /какъ компонентъ/ главной морфемы или корня / bórod, gólov /; въ ха́живать, наста́ивать, забра́сывать, заподо́зривать и т.п. - послѣдняя гласная фонема въ морфемѣ, непосредственно предшествующей суффиксу

- im v- a - (вы, - ива) и т.д..

Въ русскомъ языковомъ мышленіи морфологизованы прежде всего двѣ противоположности: 1/ при согласныхъ фонемахъ указанная раньше /§§ 62-64/ противоположность работъ средней части языка /„твердость" и „мягкость"/, 2/ при гласныхъ фонемахъ противоположность ударяемости и неударяемости.

§ 80. 6. „Среднимъ съуженіемъ" называемъ или поднятіе даннаго произносительнаго органа /той или другой части языка/ вверхъ, или же округленіе губъ, но только поднятіе или округленіе первой степени. Въ случаѣ же „крайняго съуженія" данная часть языка поднимается еще выше, губы образуютъ еше меньшее отверстіе. Но и то и другое сохраняетъ роль видоизмѣненія всей полости рта, какъ общаго резонатора, не производя въ данномъ мѣстѣ полости рта локализованнаго специфическаго шума. Напримѣръ, округленіе губъ, свойственное фонемѣ u /ассоціація съ русскими графемами у ю /, только видоизмѣняетъ всю полость рта, сообщая ей форму своеобразнаго резонатора; увеличивая это съуженіе, мы производимъ мѣстный губной шумъ и переводимъ гласную /вокальную/ фонему въ область согласныхъ /не-вокаловъ, консонантовъ/.

7. Значеніе графическаго символа im объяснено раньше /§ 60/. Здѣсь же я пополню изложенное тамъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

Психическое отожествленіе двухъ разновидностей фонемы im /одной, ассоціируемой съ графемой ы, дру-

гой же, ассоціируемой съ графемами и і/ сказывается въ стихотворствѣ: кобыла и носила даютъ безукоризненную рифму.

8. Въ моемъ обозрѣніи помѣщено только по одному графическому символу для фонемъ a e высшаго уровня и для фонемъ ӑ ĕ средняго уровня. Фактически же каждая изъ этихъ фонемъ разнообразится въ зависимости отъ сочетанія съ слѣдующими согласными фонемами со стороны ихъ несреднеязычности /"твердости"/ и среднеязычности /"мягкости"/. Ср. напримѣръ ба́ба и ба́бѣ, матъ и мать, мятъ и мять, пя́тый и пять, э́тотъ и э́ти, шестъ и шесть, вѣ́сточка и вѣсть..., дала́ и вдали́, зато́ и затѣ́мъ, валя́й и вало́къ, соглядáтай и гляди́, кото́мъ и котѣ́, стрѣла́ и стрѣля́ть, несу́ и несе́тъ... Эти оттѣнки могутъ существовать пока только въ исполненіи и производить различныя впечатлѣнія на ухо и на воспринимательную способность вообще; но они могутъ тоже усиливаться до такой степени, что каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ въ языковомъ мышленіи даннаго индивида особая фонема.

§ 81. 9. Вмѣсто графическаго символа ∂ на низшемъ уровнѣ можно бы для большинства случаевъ оставить ъ . Но это было бы только для большинства, а не для всѣхъ случаевъ. Графема ∂ символизуетъ только полное обезличеніе гласной фонемы и ея низведеніе на низшую ступень самостоятельности. Изъ всѣхъ частныхъ представленій, ассоціируемыхъ съ общимъ представленіемъ гласной фонемы,

за фонемами, объединяемыми этимъ символомъ ə, остается только представленіе слогообразованія или сонантности, да кромѣ того отрицательное представленіе отсутствія губной работы. Фонемы ə исполняются только съ помощью языка, или болѣе впереди /средняя часть/, или болѣе назади /задняя часть/, въ полной зависимости отъ представленія, ассоціируемаго съ предшествующею согласною фонемой /„твердость" или не-среднеязычность, „мягкость" или среднеязычность/.

Въ этомъ положеніи появляется, въ благопріятныхъ случаяхъ, стремленіе къ полному устраненію особаго гласнаго момента произношенія, стремленіе къ „нулю", что и символизовано мною съ помощью знака ⟶ 0 /нуль/. При нахожденіи въ данномъ слогѣ одной изъ сонорныхъ фонемъ /§ 73/ эта сонорная фонема становится носителемъ слогового акцента, становится сонантомъ /слогообразовательнымъ/. Примѣры: nákr̥mu /на корму/, vər̥ʹtʹenó /веретено/, pl̥kăvódʹəʒ /полководецъ/, gór̥t /городъ/, gór̥da /города/, goll̥t /голодъ/, goll̥da /голода/, dómm̥m /домомъ/, dámm̥m /дамамъ/, pʹésn̥ka /пѣсенка/, vʹí sʹəllʹt /выселить/ и т.п.. Конечно, каждый такой сонорный слоговой сопровождается гласнымъ укладомъ всей полости рта, видоизмѣняемой чрезъ поднятіе языка то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Графическій символъ ₒ подъ графемами r l m n...

ассоціируется съ представленіемъ сонантности или слогообразованія.

На низшемъ уровнѣ имѣются въ русскомъ произношеніи и затѣмъ тоже въ русскомъ языковомъ мышленіи глухія гласныя фонемы, т.е. такія фонемы, при которыхъ голосовыя связки гортани не успѣваютъ натянуться и прійти въ состояніе музыкальнаго дрожанія, стремящійся же изъ легкихъ воздухъ не можетъ стать звонкимъ /голоснымъ/ и, благодаря этому, вызываетъ въ полости рта глухой резонансъ. Примѣры: покатиться, таковой, сапоги, кипятокъ, пятачокъ, скотоводство, капать, копоть, десять, рукопись, слушатель... Поводомъ къ подобному ослабленію гласной фонемы является ея нахожденіе между двумя глухими согласными.

§ 82. 10. Изъ обозрѣнія гласныхъ фонемъ въ разныхъ положеніяхъ явствуетъ, что самою устойчивою и самою неподатливою на обезличивающее вліяніе ударенія является фонема *u* /ассоціація съ русскими графемами у, ю/. Она остается болѣе или менѣе таковою на всѣхъ уровняхъ. И мужъ, и мужья, и муженекъ, и замужъ; и пустъ, и пустоватъ и выпустить; и люди, и людская, и людоѣдъ и т.п.

11. На среднемъ уровнѣ невозможно среднее съуженіе /округленіе/ губъ, и оно замѣняется одною только работою задней части языка. Слѣдствіемъ этого является смѣшеніе на среднемъ уровнѣ фонемъ о и а въ одной фонемѣ *a*, обособившейся, какъ кажется, и психически. Само собою разумѣется, я здѣсь имѣю въ виду такъ называемое „акающее" произношеніе. Другое

дѣло произношеніе „окающее", свойственное тоже нѣкоторымъ носителямъ общерусскаго языка, и отличающееся сохраненіемъ различія между о и а тоже на среднемъ уровнѣ.

12. На низшемъ уровнѣ имѣется только одна обособленная фонема, сохраняющая свои индивидуальныя особенности, фонема *u* /у, ю/. Все остальное обезличено и доведено до максимума зависимости /§ 81/. И *u*, и *ə* фонемы крайняго съуженія, единственно возможнаго на низшемъ уровнѣ. На этомъ уровнѣ нѣтъ гласныхъ фонемъ средняго съуженія.

§ 83. 13. Гласнымъ фонемамъ высшаго уровня свойственно самое богатое разнообразіе психическаго характера, разнообразіе въ психическомъ центрѣ, т.е. высшая степень обособленности и опредѣленности именно съ этой точки зрѣнія. Фонемы высшаго уровня рѣзко отличаются между собой, какъ обособленныя психическія единицы. На низшемъ уровнѣ разнообразіе психическое нисходитъ до минимума, но за то появляется разнообразіе исполненія, вслѣдствіе чего получаются болѣе разнообразныя, хотя и слабыя, слуховыя /акустическія/ впечатлѣнія.

Въ этомъ кроются для будущаго русскаго языкового мышленія зародыши новыхъ самостоятельныхъ фонемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ у иныхъ индивидовъ, можетъ быть, уже мыслятся таковыми, т.е. существуютъ какъ особыя произносительно-слуховыя представленія. Средній уровень далъ особую фонему *ά*, низшему же уровню мы обязаны возникновеніемъ цѣлаго

ряда новыхъ фонемъ, которыя въ будущемъ отчасти разовьются въ болѣе опредѣленно обособленныя, отчасти же сольются съ другими наличными фонемами.

I4. Съ точки зрѣнія связей морфологическихъ и семасіологическихъ, мы можемъ главные типы гласныхъ фонемъ русскаго языкового мышленія изобразить въ слѣдующемъ видѣ:

Высшій уровень и оа е іт
Средній " ӣ ӑ \ ĕ іт
Низшій " ӣ ə

Глава 8.

Связь писанно-зрительныхъ /графически-оптическихъ/ представленій съ представленіями, съ одной стороны, произносительно-слуховыми /фонаціонно - аудиціонными/, съ другой же стороны, съ представленіями морфологическими и др. даннаго языкового мышленія.

§ 84. Конкретнымъ примѣромъ будетъ намъ служить русское языковое мышленіе грамотныхъ людей.

Въ сложномъ процессѣ мобилизаціи произносительно-зрительныхъ /точнѣе: произносительно-письменныхъ и слухово-зрительныхъ/ ассоціацій, т.е. ассоціацій между фонемами и графемами, надлежитъ различать слѣдующее:

I/ Въ области самого произносительно-слухового, т.е. въ области рѣчи человѣческой: мыслимое /фонемы/ и исполняемое /звуки/.

2/ Графику /фонемографію/ и правописаніе

/морфемографію/.

Система фонемъ даннаго языковаго мышленія не нуждается въ ассоціаціонной связи съ графическими представленіями.

Сборникъ /перечень/ же графемъ /представле - ній буквъ/ данной письменности обусловленъ ассо - ціаціей съ соотвѣтственными фонетическими или произносительно-слуховыми представленіями /ср.§ 87 № 5/.

Въ письменности, т.е. въ области писанно-зрительныхъ представленій, свойственныхъ извѣстному языковому мышленію, различаемъ три стороны: I/алфавитъ /азбуку/, какъ полный сборникъ графемъ и всѣхъ вообще графическихъ представленій, 2/ гра - фику /фонемографію/, 3/ правописаніе или ореографію /морфемографію/.

Разсматривая алфавитъ или азбуку, мы опредѣляемъ его наличный составъ безъ установленія простѣйшихъ произносительно-зрительныхъ ассоціацій въ группахъ графемъ и фонемъ. Тутъ, напримѣръ, въ русской письменности предстаетъ вопросъ о разли - чіи между е и ѳ, между и и і, между е и ѣ; вопросъ - ъ и ь /столъ | столь, полка | полька, горка | горько и т.п./.

Подъ понятіе „графика" /фонемографія/ подходитъ установленіе простѣйшихъ недѣлимыхъ ассоціаціонныхъ связей между нераздѣлимыми съ этой точки зрѣнія группами графемъ /графическихъ представленій/ и группами фонемъ /произносительно-слуховыхъ

представленій/. Напр. въ русской письменности: ла | ля, лъ | ль, лы | ли; а | я, щ | сц...

Въ правописаніи же или ореографіи /морфемографіи/ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова определяемыя графикою отношенія или произносительно-зрительныя ассоціаціи осложняются ассоціаціонными связями съ морфологическими и семасіологическими представленіями /съ морфемами и т.д./ даннаго языкового мышленія. Напр. въ русской письменности: ротъ | родъ, рокъ | рогъ, бобъ | попъ, ровъ | ревъ, сѣлъ | селъ; просьба, косьба, выгода | выгадать, желтизна | бѣлизна, камышъ | мышь и т.п. /ср. § 92.

§ 85. Относительно буквъ, составляющихъ совмѣстно алфавитъ данной письменности, слѣдуетъ прежде всего спросить:

Что мы представляемъ себѣ, видя начертанія буквъ, т.е. письменныя изображенія существующихъ въ нашей письменности графемъ, напр. изображенія русскихъ графемъ: ȷ (т̃), д, с, з; о, а, ы; ъ, ь; щ; я, ю, ѣ, е ?

Объективныя графически-фонетическія ассоціаціи, существующія въ насъ независимо отъ всѣхъ теоретическихъ соображеній, слагаются на основаніи всей совокупности случаевъ ихъ употребленія.

При этомъ необходимо принимать въ соображеніе объективно-психически развивающееся въ области фонетическихъ представленій различеніе мыслимаго /фонемъ и представленій входящихъ въ ихъ составъ произноситель-слуховыхъ элементовъ/ и исполняемаго

/звуковъ/.

Мыслимое /фонемы/, съ одной стороны, идетъ во внѣшній міръ по центробѣжнымъ /центрифугальнымъ/путямъ, т.е. посредствомъ мобилизуемыхъ произносительныхъ работъ, съ другой же стороны оно подвергается вліянію центростремительныхъ /центрипетальныхъ/слуховыхъ, аудиціонныхъ впечатлѣній.

Въ результатахъ исполненія фонемъ, т.е.въ преходящихъ звукахъ мы отмѣчаемъ одно только центростремительное, или доходящее, или даже не доходящее до психическаго центра.

Конечно, первое, т.е. доходящее до психическаго центра, по своимъ послѣдствіямъ гораздо сильнѣе.

§ 86. Къ тому же оно усиливается и поддерживается первоначальнымъ внушеніемъ, получаемымъ при обученіи чтенію, при называніи буквъ алфавита. Сообразно съ первоначальнымъ „крещеніемъ" буквъ /въ психическомъ центрѣ: графемъ/, мы ихъ называемъ способомъ, благопріятствующимъ проявленію всѣхъ обозначаемыхъ свойствъ соотвѣтственной фонемы,т.е. согласныя въ соединеніи съ гласными, гласныя же съ удареніемъ, т.е. на высшемъ уровнѣ произношенія.

Исчислимъ русскія графемы по разнообразнымъ видамъ изъ названій:

б в г д з п т /названія съ прибавленіемъ среднеязычности или „мягкости"./
ц ч ж
к х ш щ

л м н р с ф,

ѳ /фита/, ѵ /„ижица"/.

а у о э /„е оборотное"/,

я ю е,

ѣ /„ять"/, и /„і осьмеричное"/, і /„і десятеричное"/.

Представленіе произносимаго, ассоціируемое съ графемой, является равнодѣйствующею /конечнымъ результатомъ / всѣхъ предшествующихъ впечатлѣній.

Конечно, при старинномъ называніи буквъ: „аз", „буки", „вѣди", „глаголь", „добро"... /въ родѣ сохранившихся по сіе время „ять", „фита".../ вліяніе внушенія этого момента, рѣшающаго для грамотности даннаго лица, было несравненно слабѣе, но смѣшеніе понятій проявлялось еще сильнѣе.

Самое сильное внушеніе получается при сокращенномъ называніи: б, не бе; в, не ве и т.д..Гласныя при этомъ исключаются: а о........, я е; но ѣ = „ять".

§ 87. Взаимоотношеніе между графемами и фонемами можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1/ Графическія представленія или графемы....

2/ Элементами графическаго изображенія.....

3/ Произносительныя представленія..........

4/ Элементами произносительнаго изображенія являются....

5/ Возможность существованія графическихъ представленій.....

/Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя дословное повтореніе §-а 16-го/.

§ 88. 6/ Каждовременное произносительное и акустически воспринимаемое цѣлое состоитъ, съ одной стороны, изъ безпрерывнаго ряда движенiй, съ другой же стороны изъ безпрерывнаго ряда объективно-акустическихъ вибрацiй /колебанiй упругихъ тѣлъ/, но только отдѣльные единичные моменты какъ того, такъ и другого ряда, воспринимаются, съ одной стороны, мускульнымъ чувствомъ, съ другой же, слухомъ. Переходные моменты остаются въ области внѣшняго мiра и не воспринимаются /не апперципируются/.

7/ Каждовременныя графическiя цѣлыя /графическiе ряды, мобилизуемые и исполняемые въ одинъ прiемъ/ состоятъ, съ одной стороны, изъ безпрерывнаго движенiя руки /или ея замѣнителя, въ родѣ ноги, рта и т.п./ /или одной только, или же вооруженной пишущимъ снарядомъ/, съ другой же стороны изъ оптическихъ слѣдовъ, оставляемыхъ этими дѣйствiями /движенiями/ на физическомъ носителѣ письменнаго изображенiя и воспринимаемыхъ зрѣнiемъ.

NB. Можно писать просто пальцемъ /безъ пера/, омокаемымъ въ краску /чернила, вакса, тушь, кровь/.

8/ Надо указать на различiе движенiй руки и остановокъ при обыкновенномъ письмѣ, при наборѣ для печати /осложненiе цѣлымъ механизмомъ/ и при писанiи на пишущей машинѣ; то же при телеграфѣ /отдѣльныя движенiя руки, приводящiя въ движенiя отдѣльныя буквы/.

§ 89. 9/ Каждовременное изображенiе мобилизованныхъ графическихъ представленiй зависитъ, съ од-

ной стороны, отъ скрещиванія центрально-психических ассоціацій, съ другой же стороны, отъ исполнительныхъ мускульныхъ движеній /рефлексивныя движенія/.

Неточности перваго рода даютъ начало "ошибкамъ" и "малограмотностямъ", неточности второго рода даютъ начало "опискамъ" /lapsus calami/. Напр. ротъ вм. родъ, будишь вм. будешь, считъ вм. щитъ...; бѣлаго моряго вм. бѣлаго моря и т.п.

10/ При томъ и другомъ процессѣ, т.е. какъ при процессѣ произносительнаго, такъ и при процессѣ писательнаго и вообще графически-оптическаго изображенія, должны быть отмѣчены слѣдующія части:

Начинается центробѣжнымъ /исходящимъ изъ внутри/ исполненіемъ, сопровождаемымъ сію же минуту, въ моментъ своего возникновенія, центростремительными мускульными ощущеніями /впечатлѣніями/ /или отъ дѣйствій органа рѣчи, или же отъ дѣйствія руки/;

Оканчивается же центростремительнымъ /входящимъ во внутрь/ восприниманіемъ результата, какъ тѣхъ, такъ и другихъ дѣйствій, т.е. съ одной стороны, звуковъ, съ другой же стороны, буквъ.

11/ При процессѣ письменнаго общенія мускульныя и оптическія ощущенія и впечатлѣнія, при процессѣ же языкового общенія /въ живой рѣчи/ мускульныя и акустическія ощущенія и впечатлѣнія являются средствомъ контроля надъ точностью мобилизаціи и исполненія даннаго графическаго или же произно-

сительнаго представленія.

§ 90. 12/ Въ графемахъ замѣчаемъ вездѣ и всегда гораздо болѣе шаткости, колебанія, неустойчивости, неопредѣленности, нежели въ фонемахъ.

а/ Нѣсколько типовъ одной и той же графемы объединяются въ одну группу ассоціацій съ единой фонемой /т.е. многообразіе графемы при однообразіи и единствѣ фонемы/:

α/ разное письмо: печать, курсивъ, антиква, рукописъ,

β/ разныя, большія и малыя, „буквы" /графемы/: А а...

γ/ нѣсколько типовъ даже при полной одинаковости съ точекъ зрѣнія α) и β): ъ = ъ; т = т; д = g

б/ вліяніе личности: различіе индивидуальныхъ почерковъ, почерки извѣстныхъ эпохъ въ исторіи письма.

Умѣніе различать почеркъ по эпохамъ, столѣтіямъ и т.п. составляетъ одну изъ задачъ палеографіи.

в/ Исполненіе даже вполнѣ опредѣленныхъ одинаковыхъ типовъ бываетъ весьма разнообразно.

Это отражается въ исторіи письма, въ отличіе отъ исторіи языка. Иначе идетъ распаденіе алфавитовъ, а иначе распаденіе фонетической стороны языка.

/греческія/ Α α, /латинскія/ A a, /кирилловское/ а, /глаголическія/ Ⰰ, /армянскія/ Աա...

C латинское и русское,

B латинское и русское.

§ 9I. I3/ Соціальное общеніе въ области произносительныхъ представленій и въ области представленій письменныхъ /графическихъ/ происходитъ различнымъ образомъ:

Общеніе въ области произношенія и живого языкового обмѣна вообще должно вершиться сейчасъ же, немедленно. Здѣсь время не растяжимое, не историческое, оно носитъ на себѣ тотъ же характеръ,что время при физическихъ, химическихъ и др.естественныхъ процессахъ.

При общеніи же въ области графическихъ представленій оба конца этого процесса отдѣлены,разъединены. Видимые слѣды остаются. Время здѣсь растяжимое, историческаго характера.

Даже примѣняя искусственныя приспособленія въ родѣ телефона и т.п., мы не можемъ измѣнить характера минутности, характера преходящаго,свойственнаго голосовому языковому обмѣну.

Прочность же оптическихъ слѣдовъ письма и др. родственныхъ ему сферъ общественной жизни зависитъ отъ употребленія окрашивающихъ физическихъ тѣлъ изъ міра внѣшняго, или же отъ примѣненія нарѣзовъ и другихъ углубленій /въ три измѣренія/ на твердыхъ тѣлахъ /напримѣръ: клинообразныя надписи/.

Это различіе произносимаго и писаннаго выражено въ старой поговоркѣ: verba volant, scripta manent /ср. § 33/.

Здѣсь напрашивается сравненіе съ различіемъ музыки, пѣнія и поэзіи, съ одной стороны, и пластическихъ искусствъ /живописи, скульптуры, зодчества или архитектуры/ съ другой стороны.

§ 92. Въ такихъ письменностяхъ, какъ русская, т.е. въ письменностяхъ, элементами которыхъ состоятъ графемы, ассоціируемыя съ фонемами, и гдѣ рядомъ съ этимъ принимается въ соображеніе дѣлимость словъ на морфемы, повторяющіяся въ другомъ видѣ въ другихъ словахъ, въ такихъ письменностяхъ отношеніе графемъ письма къ фонемамъ произношенія и акустическаго воспринимания разлагается на отношеніе графики /фонемографіи/ къ произношенію и на отношеніе правописанія /морфемографіи/ къ языку. Такъ, напримѣръ, отношеніе графемъ русскаго письма къ фонемамъ русскаго произношенія и акустическаго воспринимания разлагается на отношеніе русской графики /фонемографіи/ къ русскому произношенію и на отношеніе русскаго правописанія/морфемографіи/ къ русскому языку /ср.§ 84/.

Я здѣсь не стану развивать эту тему. И только для примѣра укажу на нѣкоторыя ассоціаціи графическихъ представленій съ представленіями фонетическими въ области согласныхъ [consonantes].

Въ отдѣлѣ „графики", т.е. въ отдѣлѣ отношеній русской графики къ русскому произношенію, даже въ минимально зависимыхъ / „независимыхъ"/ положеніяхъ графемами согласныхъ не опредѣляется окончательно ассоціируемое съ данною фонемой про-

износительно-слуховое представленіе той или дру - гой работы средней части языка / „мягкости" или „твердости"/. Напр. одна графема п, безъ помощи другихъ, оставляетъ насъ въ недоумѣніи, имѣется ли въ виду губная фонема p съ несреднеязычностью / „твердая"/ или же губная фонема p' со средне-язычностью / „мягкая"/: попъ, палка, пытка......, но песъ, пятница, пить.... /ср.§§ 57 и слѣд./

фонемы	графемы	фонемы	графемы	фонемы	графемы
p, p'	п	č	ч, щ	γ, γ'	г
t, t'	т,	b, b'	б	ž	ж
k, k'	к	d, d'	д	m, m'	м
f, f'	ф	g, g'	г	n, n'	н
s, s'	с	v, v'	в	l, l'	л
š	ш	z, z'	з	r, r'	р
(š'	щ)				

Съ точки зрѣнія правописанія /ороографіи/, т.е. въ отдѣлѣ науки о графически фонетическихъ ассоціаціяхъ, принимающемъ въ соображеніе не одну только произносительно-слуховую сторону языка, но тоже его морфологическую дѣлимость, доводящую до дальше неразложимыхъ морфологическихъ элементовъ, т.е. до морфемъ, въ этомъ отдѣлѣ устанавливаются графически-фонетическія и графически-морфологическія ассоціаціи, съ обращеніемъ вниманія на зависимыя положенія рядомъ съ „независимыми" /минимально-зависимыми/. Дѣло идетъ здѣсь прежде всего о различеніи глухихъ /безголосыхъ/ и звонкихъ /голосныхъ/, а топографическою областью этого разли-

ченія является полость гортани /тамъ же, т.е. въ отдѣлѣ русской графики, обращаетъ на себя вниманіе полость рта, и въ частности средняя часть языка, дѣйствующая на твердомъ небѣ/.

Сообразно съ этимъ перечень соотвѣтствій графемъ фонемамъ осложняется:

фонемы	графемы
p, p'	п, б; попъ, пупка, рабъ, пробка..., сыпь, дробь...
t, t'	т, д: ротъ, катка, родъ, водка..., муть, гладь...
k, k'	к, г: рокъ, рогъ....
f, f'	ф, в: пуфъ, ровъ, лавки....
s, s'	с, з: носъ, возъ.., бросъ, мазь и т.д..

§ 93. Формула русской графики /фонемографіи/.

Постараемся выразить въ математической формулѣ отношенія между простѣйшими сочетаніями фонемъ русскаго произносительно-слухового языка и простѣйшими сочетаніями графемъ русскаго писанно-зрительнаго языка /т.е. русскаго письма/.

Строго говоря, объ отношеніи писанно-зрительнаго въ чистомъ видѣ къ произносительно-слуховому въ чистомъ видѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ вѣдь это разнородныя представленія, несоизмѣримыя величины. Мы можемъ ихъ сравнивать математически только въ такомъ случаѣ, если вмѣсто тѣхъ и дру-

гихъ подставимъ нѣчто третье, однородное, соизмѣримое, а именно ихъ психическіе эквиваленты ~~элементы~~, представленія, переводя и ту и другую сторону въ област произносительно-слухового. Какъ общее писанно-зрительное представленіе, такъ и общее представленіе произносительно-слуховое ассоціируются, - первое посредственно, второе непосредственно - съ извѣстнымъ количествомъ частныхъ представленій произносительныхъ и слуховыхъ; а суммы этихъ послѣднихъ /т.е. произносительныхъ и слуховыхъ представленій/ во всякомъ случаѣ однородны и могутъ быть сравниваемы и съ математической точки зрѣнія.

Дѣло идетъ объ опредѣленіи графически-фонетическихъ отношеній въ такихъ простѣйшихъ сочетаніяхъ, какъ ла | ля, ба | бя, то | те, сэ | се, лэ | лѣ, вы | ви и т.п., т.е. объ установленіи общей формулы при сочетаніяхъ консонантовъ /согласныхъ/ съ сонантами /съ гласными, какъ съ фонемами слоговыми/.

При этомъ мы пользуемся слѣдующими символами:

φ ..... фонемы $\quad$ γ ..... графемы

φc ..... фонема согласная /консонантная/,

φv ..... фонема гласная /вокальная/.

γc ..... графема, ассоціируемая по преимуществу съ согласною /консонантною/ фонемой.

γv ..... графема, ассоціируемая по преимуществу съ гласною /вокальною/ фонемой.

n, m, s ..... опредѣленныя количества частныхъ представленій, или свойствъ данной фонемы,

главнымъ образомъ представленій работъ средней части языка по отношенію къ твердому небу и обусловливаемыхъ ими акустическихъ оттѣнковъ общаго единаго акустическаго впечатлѣнія.

§ 94. Итакъ, разсматривая только что поименованныя сочетанія /ла | ля, ба | бя, ну | ню, то | те, сэ | се, лэ | лѣ, вы | ви и т.п./ и др. имъ подобныя, мы устанавливаемъ въ области русскаго языкового мышленія слѣдующія отношенія:

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} = \frac{n}{n-\delta} \quad \ldots\ldots \ (1)$$

Что это значитъ?

Съ общимъ представленіемъ согласной фонемы ассоціируется извѣстное количество частныхъ представленій, n представленій. Соотвѣтствующая этой фонемѣ графема /б, т, с, л, в, р/ вызываетъ всѣ частныя представленія фонемы, оставляя однакожъ не обозначенными: съ одной стороны представленіе акустическаго оттѣнка, обусловленнаго или приближеніемъ или же неприближеніемъ средней части языка къ небу, т.е. представленіе такъ наз. „мягкости" или же „твердости", съ другой же стороны представленіе именно названной работы приближенія или неприближенія средней части языка къ небу, представленіе физіологическаго характера. Стало быть, въ этой формулѣ $\delta = 2$, т.е. I /представленіе извѣстной работы органовъ рѣчи/ + I

Лит. Юделевича. Владимірскій 13.

/представленіе обусловденнаго этою работою акустическаго оттѣнка./

Обозначеніе этихъ представленій выпадаетъ на долю слѣдующей графемы, графемы гласной /вокальной/: я, ю, ѣ, и ... а, у, э, ы... Но эти графемы вызываютъ тоже извѣстное количество частныхъ, какъ слуховыхъ /акустическихъ/, такъ и произносительныхъ /фонаціонныхъ/, представленій, свойственныхъ соотвѣтствующей фонемѣ, положимъ, количество m. Эти соображенія даютъ намъ другую частную формулу:

$$\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+s} \quad \dots \quad (2)$$

Слѣдовательно

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} > 1 \qquad \frac{\varphi v}{\gamma v} < 1$$

/ $>$ значитъ „больше", $<$ значитъ „меньше"/

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v} \quad \dots \quad (3)$$

§ 95. Эта общая формула обнимаетъ собою собственно всѣ случаи подобныхъ сочетаній. Но есть тоже частные случаи, которые получаются при предположеніи, что входящія въ эти формулы величины колеблются между извѣстными лимитами или предѣлами, а именно могутъ быть:

I/ Для писанно-зрительныхъ сочетаній въ родѣ: бъ, въ, лъ, нъ, съ, тъ..., бь, вь, ль, нь, сь, ть...

$\varphi v = 0$ /нуль/; стало быть

$$\left.\begin{aligned}\frac{\varphi c}{\gamma c} &= \frac{n}{n-s}\\ \frac{\varphi v}{\gamma v} &= \frac{0}{s} = 0\end{aligned}\right\}$$ /нуль/

Итакъ, $\frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v}$ остается безъ измѣненія.

2/ Для произносительно-слуховыхъ сочетаній въ родѣ я, ю, е, ѣ:

$\gamma c = 0$ /нуль/, $s = n$; слѣдовательно.

$$\left.\begin{aligned}\frac{\varphi c}{\gamma c} &= \frac{n}{0} = \infty \text{ /безконечно большая величина/}\\ \frac{\varphi v}{\gamma v} &= \frac{m}{m+n}\end{aligned}\right\} \frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v}$$

3/ Для случаевъ въ родѣ а, у, о, э:

$$\varphi c = 0, \ \gamma c = 0, \ \varphi v = m, \ \gamma v = m.$$

Конечно, по скольку частныя представленія данной гласной фонемы обозначаются соотвѣтствующею графемой, независимо отъ сочетаній и положенія въ словѣ. Стало-быть:

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} = \frac{0}{0}$$ /неопредѣленная величина/,

$$\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+}$$

4/ Для сочетаній въ родѣ ша, жа, ча; шу, жу, щу; шо, жо, чо, що; ше, же, че, ще или шэ, жэ, чэ, щэ:

$$\varphi c = n, \ \gamma c = n, \ \varphi v = m, \ \gamma v = m+.$$

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} = 1, \quad s = 0 \left(\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+}\right) < 1$$

Особое объясненіе требуется для шю, жю и т.п. въ брошюра, Сэнъ Жюстъ и т.п..

5/ Для объясненія цы или ци, затѣмъ ши, жи, чи, щи надо бы ввести новый психическій элементъ, но мы это оставимъ здѣсь безъ разсмотрѣнія.

Все это касается „графики" /фонемографіи/, т.е. опредѣленія отношеній фонемъ къ графемамъ только съ чисто произносительной, графически-оптической точки зрѣнія. Принимая же въ соображеніе расчлененіе словъ на знаменательныя части, т.е. на морфемы, мы должны бы установить другія, болѣе сложныя, формулы.

Глава 9.

Измѣненія и переходы въ языкѣ.

Чередованія /альтернаціи/.

§ 96. Не только въ одобренныхъ „ученымъ комитетомъ Нар.Просв." учебникахъ, но и въ сочиненіяхъ, претендующихъ на научность, мы находимъ утвержденіе, что та или другая часть одного слова „измѣняется" или „переходитъ" въ такую-то часть другого слова. Эти „измѣняющіяся" или „переходящія" другъ въ друга части могутъ быть или частями фонетическими /„звуками"/, или же частями, относящимися къ словоизмѣненію и словообразованію /по нашему „морфемами"/.

Такъ напримѣръ,

г словъ другъ, нога „измѣняется" де въ ж словъ друж-ба, нож-ка;

к словъ рук-а, пек-у „переходитъ" де въ ч словъ руч-ка, печ-ошь.....

е словъ вез-у, бер-у „измѣняется"де въ о словъ возъ, боръ /на-боръ, с-боръ/,

о словъ носить, ходить „переходитъ" де въ а словъ нашивать, хаживать..............;

о, е словъ лобъ, день „выпадаетъ" де въ лб-а, дня...

д, т словъ веду, цвѣту „выпадаетъ"де передъ л словъ велъ, цвѣлъ......

Точно также:

„имена на - анинъ, янинъ / ! / инъ теряютъ" де „во множ. числѣ звуки - инъ" - ;

„названія молодыхъ животныхъ на енокъ /!/ перемѣняютъ" де „во множ. ч. окончаніе на ята"/!/ „или ата";

„иныя имена во множ.ч. прибавляютъ къ основѣ ь или ов-ъ, ев-ъ /друзья, мужья, кумовья, зятья/";

„слова чуд-о, неб-о принимаютъ де „нараженіе" во множ.ч.,слова же мать, дочь „принимаютъ нараженіе" уже „начиная съ род.пад.ед.числа" и т.п..

§ 97. Всѣ подобныя переходы" и „измѣненія" являются досужими измышленіями грамматиковъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не имѣется. Никто никогда не видалъ, какъ G /г/ слова нога „перехо-

цило" въ ž /ж/ словъ ножекъ, ножка. Никому никогда не удалось подмѣтить "выпаденія" или "исчезновенія" гласнаго о слова лобъ въ словахъ лб-а, лбу и т.п. Никто не посмѣетъ утверждать, что присутствовалъ при томъ, какъ на словѣ mat' /мать/ "наростало" er /ер/ для того, чтобы могли возникнуть слова mát'ər'-i /матери/, mátər'ju /матерью/ и т.д.. Каждый новый членъ даннаго языкового общенія, въ настоящемъ случаѣ каждый новый индивидъ, подвергающійся оязыковленію на русскій ладъ, получалъ готовыми всѣ эти слова. Въ его голову проникала не только нога, но и ножка, ножекъ; не только нога, но и ноги, ногѣ и т.д.; не только лобъ, но и лба, на лбу; не только несу, но и несетъ, и несъ, и носитъ; не только мать, но и матери, и съ матерью, и матерей; не только жеребенокъ, жеребенка, но и жеребята, жеребятъ и т.д., точно также какъ проникалъ туда отецъ, независимо отъ матери, ходить независимо отъ сидѣть, пить независимо отъ ѣсть, я независимо отъ ты, тамъ независимо отъ здѣсь и т.д. И даже часто случалось, что мнимое производное /напр. ножка, на лбу, матери и т.п./ проникало въ психическій міръ даннаго индивида раньше, нежели мнимое первобытное /нога, лобъ, мать и т.п./

Только послѣ усвоенія данною головою извѣстнаго запаса параллельныхъ формъ совершается въ ней, благодаря ассоціаціи по сходству, упорядо-

ченіе этого богатства и установленіе произносительно-слуховыхъ группъ и морфологическихъ типовъ.

Утверждать, что, напримѣръ, ž /ж/ словъ možǝt /можетъ/ развилось изъ g /г/ слова măgŭ /могу/, это почти тоже, что, замѣтивъ въ кухнѣ глиняный горшекъ и котелъ, или же глиняный горшекъ и кострюлю, считать данный котелъ или данную кострюлю происшедшими изъ даннаго горшка. Правда, исторически, въ исторіи культуры имѣется связь между горшкомъ и кострюлей и между горшкомъ и котломъ вообще; но о переходѣ наличнаго горшка въ наличную кострюлю или въ наличный котелъ рѣчи быть не можетъ.

§ 98. Само собой разумѣется, что, говоря, напримѣръ, о „переходахъ" или „измѣненіяхъ" „звуковъ", мы, съ нашей точки зрѣнія, должны вмѣсто „звуковъ" подставлять ихъ психическіе эквиваленты, т.е. фонемы. Звукъ, какъ переходящее акустическое впечатлѣніе, продолжаться и существовать не можетъ; поэтому мы никакъ не въ правѣ говорить объ измѣненіяхъ и переходахъ звуковъ, а могли бы только допускать измѣненія и переходы фонемъ въ фонемы. Но и это въ обыкновенномъ пониманіи не допустимо. Слово <u>можетъ</u> существуетъ въ нашемъ языковомъ мышленіи рядомъ съ словомъ <u>могу</u>. Эти слова сосуществуютъ тамъ какъ недѣлимыя цѣлыя и какъ цѣлыя, состоящія изъ частей. Слѣдовательно сосуществуютъ соотвѣтствующія другъ другу

морфемы: mǎg - /мог-/ //mož - ɛ - /мож-е-/; - u /у/ // - ɛ - t /етъ/; да кромѣ того сосуществуютъ входящія въ составъ морфемъ фонемы: m // m; ǎ // ó ; g // ž. .

§ 99. Откуда взялось это ученіе о подобныхъ „переходахъ" и „измѣненіяхъ" „звуковъ" въ „звуки", формъ въ формы и т.д.?

Оно является слѣдствіемъ свойственнаго нашему мышленію и міровоззрѣнію субъетивизма и смѣшенія понятій. Съ одной стороны наше грамматическое міровоззрѣніе является продолженіемъ грамматическаго міровоззрѣнія греческаго и римскаго. У Грековъ и Римлянъ грамматика была порабощена логикой, въ грамматикѣ разсматривались прежде всего синтаксическія связи, и самое главное въ синтаксическомъ построеніи являлось тоже основнымъ для морфологическихъ сопоставленій и выводовъ. Формальнымъ центромъ предложенія было подлежащее, т.е. въ большинствѣ случаевъ именительный падежъ; и вотъ почему именительный падежъ сталъ основною формой, изъ которой выводятся всѣ остальныя. „Звуки", свойственные формѣ именительнаго падежа, первичны, и „переходятъ" въ соотвѣтственные „звуки", встрѣчающіеся въ другихъ падежахъ. Изъ трехъ грамматическихъ родовъ родъ мужескій считается господствующимъ; поэтому при прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ принимаютъ основною исходною формой форму имени т. пад. ед. ч. муж. рода и, съ помощью разныхъ „переходовъ" и „измѣненій", выводятъ изъ

нея всѣ остальныя формы. Во всемъ этомъ сказывается смѣшеніе синтаксиса съ морфологіей, т.е. вторженіе синтаксиса въ область морфологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Съ другой стороны, благодаря эгоцентризму, свойственному каждому человѣческому мышленію вообще и языковому мышленію въ частности, основною формой въ глагольныхъ системахъ считается I-ое лицо единственнаго числа, и изъ этой якобы основной формы выводятся всѣ остальныя какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ частямъ. Поэтому не мудрено, что g /г/ формы могу переходитъ въ ž /ж/ формъ можешь, можетъ, можемъ, можете, а k формы сѣку „переходитъ" въ č /ч/ формъ сѣчошь, сѣчотъ, сѣчомъ, сѣчоте.

§ 100. Имѣются ли однакожъ въ языкѣ какіе либо дѣйствительные переходы и измѣненія?

Строго говоря, переходы въ собственномъ смыслѣ могутъ быть свойственны только безпрерывному ряду явленій, безъ всякихъ перерывовъ и пробѣловъ. Въ языковой области субстратомъ такихъ безперывныхъ явленій можетъ быть только индивидуальное языковое мышленіе. Между однимъ и другимъ индивидуальнымъ языковымъ мышленіемъ нѣтъ вовсе непосредственной связи, а взаимное пониманіе и общеніе обусловлено утилизаціей /использованіемъ/ окружающей насъ физической среды, до нашего собственнаго тѣла включительно. Слѣдовательно въ области племенного или національнаго языка, составляющагося

въ нашемъ теоретическомъ лингвистическомъ мышленіи какъ гипотетическая /предположительная/равнодѣйствующая /точнѣе, слагаемая/ отдѣльныхъ индивидуальныхъ языковыхъ мышленій, не можетъ быть рѣчи о переходахъ и постепенныхъ измѣненіяхъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь могутъ быть только историческія послѣдовательности, т.е.появленіе въ языковомъ мышленіи лингвистическихъ потомковъ того, чего не было въ языковомъ мышленіи лингвистическихъ предковъ.

Итакъ, какіе же бываютъ переходы и измѣненія въ области языка вообще?

§ IOI. I/ Переходы въ текущей рѣчи,во время мышленія вообще, сопутствуемаго особыми рядами языкового мышленія. Тутъ предшествующія представленія смѣняются слѣдующими: первыя „переходятъ" во вторыя. Это относится какъ къ произносительно-слуховымъ, такъ и къ морфологическимъ представленіямъ: фонема предшествующая „переходитъ" въ слѣдующую; морфема предшествующая „переходитъ"въ слѣдующую; синтагма предшествующая „переходитъ" въ слѣдующую.

[То же самое mutatis mutandis имѣетъ мѣсто въ области писанно-зрительнаго или графически-оптическаго языка.]

Конечно, если при этомъ мобилизуются тоже исполнительные органы и мы „произносимъ", смѣна произносительно-слуховыхъ представленій сопровож-

дается тоже смѣною ихъ этихъ представленій/внѣшнихъ знаковъ или дѣйствующихъ на наши чувства выразителей: смѣною группъ мускульныхъ работъ и мускульныхъ ощущеній; смѣною соотвѣтственныхъ слуховыхъ впечатлѣній.

Такъ напр. въ мыслимой фразѣ "сама себѣ раба бьетъ":

Представленія отдѣльныхъ работъ въ полости рта, въ полости гортани и т.д. слѣдуютъ другъ за другомъ по очереди;

точно также слѣдуютъ другъ за другомъ соотвѣтствующія тѣмъ представленіямъ представленія частныхъ акустическихъ /слуховыхъ/ оттѣнковъ,

фонема s переходитъ въ фонему ă, фонема ă въ фонему m, фонема m въ фонему á, фонема á въ фонему s' и т.д.,

представленіе слога să смѣняется представленіемъ слога má, это послѣднее представленіемъ слога s'ĕ и т.д.,

морфема săm - переходитъ въ морфему á, морфема á въ морфему s' -, морфема s' - въ морфему - ĕb' -, - ĕb' - въ - á, - á въ răb,- răb - въ - á, - á въ bj -, bj - въ - o' - - o' - въ t;

синтагма /слово/ sămá смѣняется синтагмой s'ĕbá, синтагма s'ĕbá синтагмой răbá, а эта последняя синтагмой bj'ót.

Въ произносительно-слуховомъ исполненіи названной фразы мы получимъ дѣйствительно переходы пред-

шествующихъ звуковъ въ слѣдующіе: они будутъ слѣдовать другъ за другомъ въ томъ же порядкѣ, какъ соотвѣтствующія имъ фонемы.

§ 102. 2/ Мы можемъ вызывать въ своемъ языковомъ мышленіи произвольную очередь фонетическихъ /произносительно-слуховыхъ/ представленій, т.е. производить, такъ сказать, произвольные „опыты" въ этой области. При этомъ мы можемъ: а/ или соблюдать постепенность, подставляя напр. при фонемахъ только по одному частному представленію вмѣсто другого /p p' b' m' n' d' d g k x s s' z' z .... рядъ фонемъ ближайше „родственныхъ" по исполненію и по акустическому результату/; б/ или же, не стѣсняясь вовсе постепенностью, подставлять безъ ограниченій любое представленіе вмѣсто другого. Это послѣднее имѣетъ мѣсто, независимо отъ нашего сознательнаго руководства, во время текущей рѣчи, что и было разсмотрѣно подъ № I въ § 101.

Нѣчто подобное происходитъ тоже въ головахъ „ученыхъ" и менѣе ученыхъ, которымъ кажется, что, напримѣръ, g слова могу переходитъ въ ž слова можешь: подумалъ сначала могу съ фонемою g, затѣмъ можешь съ фонемою ž, и вотъ g перешло у него въ ž.

Точно также въ некритическихъ головахъ „звуки" разныхъ языковъ могутъ переходить другъ въ друга: церковно-слав. жд переходитъ въ русское ж; церковно-слав. ра, ла въ русское оро, оло;

греческое φ въ латинское f, въ славянское б и т.д.. При этомъ, конечно, эти некритическія головы грѣшать постоянно смѣшеніемъ буквъ со звуками, графемъ съ фонемами.

§ 103. 3/ Гораздо болѣе важнымъ является переходъ фонаціоннаго /произносительнаго/ намѣренія въ исполненіе, т.е несовпаденіе намѣренія съ исполненіемъ, фонаціонной /произносительной/ мобилизаціи съ ея осуществленіемъ, т.е. фонаціоннымъ /произносительнымъ/ дѣйствіемъ. Фонаціонное намѣреніе ограничивается или даже совсѣмъ парализуется какъ непреодолимою силой (vis major) строенія органовъ рѣчи и механики ихъ движеній, такъ и привычками къ извѣстному построенію фонетическаго цѣлаго /фонетическаго слова, фонетической фразы/ Это подходитъ подъ общее понятіе свойственой нашему организму автоматизаціи и непроизвольныхъ рефлексовъ.

Такъ напр. одинаковая фонема d мыслимыхъ словъ день и дня иначе исполняется въ одномъ /день/, иначе въ другомъ /дня/ Фонема d, упрочившаяся въ нашей психикѣ въ рядѣ формъ года, году, годомъ, года...., холода, холодомъ..., должна въ исполненіи словъ годъ, холодъ... дать и видоизмѣненный комплексъ работъ, и другое акустическое впечатлѣніе. Мыслимая звонкая фонема r въ словахъ министръ, Петръ, смотръ ... становится глухой. Глухая среднеязычная фонема з', проявляющаяся въ исполненіи въ независимыхъ /минимально-зависи-

мыхъ/ положеніяхъ въ такихъ словахъ, какъ просить, просить, просятъ, въ словѣ просьба волей неволей становится звонкою. Въ словахъ, съ одной стороны, косточка, костоправъ и т.п., съ другой же стороны кости, кость и т.д., въ сочетаніяхъ st, st', только вторыя фонемы мыслятся самостоятельно, или какъ несреднеязычная /„твердая", въ st /, или же какъ среднеязычная /„мягкая", въ s't' /, произношеніе же предшествующихъ имъ фонемъ со стороны работы средней части языка опредѣляется сочетаніемъ.

Какъ уже замѣчено въ § 74 подъ № 35, распаденіе одинаковыхъ психически фонемъ на разновидности со стороны исполненія можетъ сначала даже вовсе не замѣчаться, затѣмъ, при передачѣ языковыхъ представленій путемъ междучеловѣческаго общенія отъ предшествующихъ поколѣній къ поколѣніямъ слѣдующимъ, замѣчаться, со стороны восприниманія, какъ обособившіяся акустически фонемы, но обособившіяся пока только акустически, и наконецъ, завершиться упроченіемъ въ языковомъ мышленіи тоже обособленности со стороны фонаціонной /произносительной/. И это ведетъ къ созданію новыхъ вполнѣ опредѣленныхъ психически единицъ въ языковомъ мышленіи даннаго племени со стороны произносительно-слухового состава этого мышленія.

§ 104. 4/ Подобныя появленія въ языковомъ мышленіи потомковъ того, чего не было въ языковомъ мышленіи предковъ, подходятъ подъ понятіе

историческихъ измѣненій, историческихъ послѣдовательностей, переходовъ въ исторіи языка.

Такъ напр. въ словахъ vóz /везъ/, lód /ледъ/... точнѣе, со стороны воспринимательной, vós, lót ...., мы имѣемъ:

Новѣйшее исторически явленіе конечныхъ глухихъ согласныхъ s, t ...., можетъ быть, у нѣкоторыхъ носителей русскаго языкового мышленія уже отдѣлившихся, какъ всесторонне самостоятельныя фонемы, отъ фонемъ z, d .... формъ vèz-lá /везла/, vèz-ú /везу/... l'd-a /льда/, l'd-om /льдомъ/...

Въ формѣ vós отсутствіе въ концѣ слова послѣ s всякаго рода согласнаго /нуль согласнаго/, восходящее однакожъ къ предшествовавшей стадіи глухого согласнаго l : *vós'l x/ .....

Отсутствіе въ концѣ обѣихъ этихъ формъ всякой гласной фонемы /нуль гласнаго/ восходитъ исторически къ ослабленной гласной фонемѣ ŭ /въ первоначальной церковно-славянской письменности съ нею ассоціировалась графема ъ, „еръ"/. Подобныя слабѣющія при передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію фонемы сначала еще всегда произносятся, т.е. исполняются согласно намѣренію, затѣмъ становятся факультативными, т.е. только всегда мыслимыми, но не всегда исполняемыми, и наконецъ, все болѣе слабѣя, исче-

---

x/ Съ помощью звѣздочки передъ письменною передачей извѣстнаго слова, извѣстной морфемы, извѣстной фонемы...принято указывать на ихъ гипотетичность или предположительность.

заютъ окончательно и изъ языкового центра, какъ вмѣстилища произносительно-слуховыхъ представленій.

Начальныя согласныя фонемы этихъ словъ, vos, lot теперь самостоятельно средне-язычны, или „мягки", но эта ихъ самостоятельная среднеязычность въ исторіи племенного языка, т.е. при передачѣ произносительно-слуховыхъ представленій отъ предковъ къ потомкамъ, обязана своимъ происхожденіемъ произносительному сосѣдству со свойственною историческимъ предшественникамъ этихъ словъ среднеязычною гласною фонемою e.

Вызвавъ среднеязычность или „мягкость" въ своемъ непосредственно предшествующемъ сосѣдѣ, т.е. въ начальной согласной фонемѣ слова, заразивъ, такъ сказать, своего предшествующаго сосѣда среднеязычностью, сама эта гласная среднеязычная фонема e стала подвергаться постепенно воздѣйствію своего слѣдующаго сосѣда, т.е слѣдовавшей за нею несреднеязычной фонемы, z или d. Благодаря этому вмѣсто прежней фонемы e появилась со временемъ въ такихъ сочетаніяхъ фонема o, т.е. совершился историческій „переходъ" фонемы e подобныхъ словъ въ фонему o.

§ 105. Точно также совершился историческій переходъ фонемъ k, g ....., подвергшихся осреднеязычненію / „смягченію"/ со стороны слѣдовавшихъ за ними среднеязычныхъ фонемъ, сначала

въ самостоятельно среднеязычныя k', g' .... и затѣмъ историческое перерожденіе этихъ k', g' ...., поведшее въ окончательномъ результатѣ то къ č, ǯ, то къ c, ʒ, то къ č, ž, то къ c, z, то къ š, ž, то къ s, z и т.п..

Осреднеязычненныя" / смягченныя"/ переднеязычныя фонемы t', d', s', z', тоже перерождаются исторически по направленію къ c', ʒ' ... или т.п.

Латинская фонема j переродилась исторически въ разныхъ романскихъ языковыхъ областяхъ въ разныя другія фонемы. Точно также различно перерождалась и переродилась латинская фонема k въ сочетаніи ka при постепенномъ переходѣ въ новороманскія языковыя состоянія. Ср. хотя бы французскія chambre, chandelle, chanson, chose /лат. causa /, chien /лат. canis /... и соотвѣтствующія имъ слова въ другихъ романскихъ языковыхъ областяхъ: ладинской /фурлано-гриджонской/, итальянской, провенсальской, испанской, румынской и т.д..

§ 106. Покажемъ эти различныя измѣненія, т.е. съ одной стороны, переходы намѣреній въ исполненія въ данный моментъ исторіи языка, точнѣе говоря у одного и того же носителя даннаго языкового мышленія, съ другой же стороны, историческіе переходы при передачѣ языковыхъ представленій отъ предковъ къ потомкамъ, на словахъ или же формахъ одного и того же слова день /дён/ дня..., въ транскрипціонной услов-

Лит. Юделевича, Владимірскій 13.

ной символизаціи произносительно-слуховыхъ представленій: d'en , d'on , dńa ...., а съ соблюденіемъ дѣленія на морфемы: d'eń , d'on, dń-a.

Переходъ произносительныхъ /фонаціонныхъ/ намѣреній въ дѣйствительныя исполненія касается: распаденія фонемы d' на двѣ разновидности, одну въ d'eń , d'on , другую въ dńa; исполненія фонемы e слова d'eń приноровительно къ слѣдующей фонемѣ среднеязычной / „мягкой"/, т.е. со съуженіемъ /см. § 80 № 8/.

Историческіе „переходы", касающіеся этихъ словъ, можно представить наглядно слѣдующимъ образомъ[x/]:

* dĭn-ĭ ⇒ * dĭń-ĭ ⇒ d'eń (d'ẽń)
* dĭn-ŭ ⇒ * dĭn-ŭ ⇒ * d'en ⇒ d'on.
* dĭn-e ⇒ * dĭń-e ⇒ {* dĭń-e ⇒ dńe; * dĭn-i ⇒ dńi} ⇒ ...

Что же при этомъ произошло?

I/ Осреднеязыченіе / „смягченіе"/ согласныхъ фонемъ въ сочетаніи со слѣдующими среднеязычными /палатальными/ гласными фонемами i и e;

2/ устраненіе изъ языкового мышленія особыхъ гласныхъ фонемъ ĭ и ŭ; онѣ или совершенно исчезли, или же слились съ другими: вм. ŭ появились или 0 /нуль/, или o, вм. ĭ - или 0 /нуль/, или e;

3/ вслѣдствіе этого слова, въ составъ кото-

x/ Знакъ ⇒ значитъ: предшествующее перешло въ слѣдующее.

рыхъ входили раньше эти гласныя фонемы i, ŭ, сократились на одинъ слогъ: d'ĭn'i ⇉ d'en; d'ĭn-ŭ ⇉ d'en; d'ĭn'-e ⇉ d'n'-e;

4/ гласная фонема e, въ сочетаніи со слѣдующею несреднеязычною гласною фонемой, „перешла" исторически въ 0.

§ 107. До сихъ поръ все въ порядкѣ, все сводится къ историческимъ замѣнамъ прежнихъ фонемъ, какъ фонемъ, новыми фонемами. Но какъ быть съ переходомъ d'ĭn'-e въ d'ĭn'-i и затѣмъ съ переходомъ какъ d'n'-e, такъ и d'n'-i въ d'n'-a? Неужели здѣсь конечная гласная фонема e „перешла" въ i, а обѣ эти фонемы e и i въ a? Никоимъ образомъ. Здѣсь имѣемъ дѣло не съ замѣной фонемы фонемой, а съ замѣной морфемы морфемой. Тутъ представитель рѣдкаго, пережиточнаго, исчезающаго типа склоненія уподобился типу сильному, типу живому, типу господствующему: при замѣнѣ формы d'ĭn'-e формою d'ĭn'-i произошло уподобленіе болѣе сильному типу, съ конечной морфемой i въ род. ед. /ср. put'-i, *gost'-i, *golub'-i ...../; при появленіи же формы d'n'-a, вмѣсто какъ d'n'-e такъ и d'n'-i, произошло уподобленіе самому сильному типу существительныхъ муж. р., съ конечною морфемою a въ род. ед. /vóz-a, ród-a, stol-á, kon'-á,.../.

Точно также вм. прежнихъ gost'-i, golub'-i kám'en'-i /и раньше kám'en'-e/....появились gost'-a, golub'-a, kám'en'-a и kám'n'-a.

/съ подведеніемъ основы склоненія подъ другой типъ/. Въ gost'-a, golub'-a окончаніе - a не можетъ быть исконнымъ; если бы оно было таковымъ, тогда мы бы имѣли *gošč-a, *golubl'-a.

Подобныя замѣны не фонемъ фонемами, а морфемъ морфемами носятъ названіе измѣненій по „аналогіи". Болѣе подходящимъ надо считать терминъ: морфологическая ассимиляція, морфологическое уподобленіе, морфологическое уодноображеніе.

§ 108. Изъ предшествующаго явствуетъ, что мы никакъ не можемъ называть звуковыми измѣненіями или переходами то, что обыкновенно окрещивается этимъ именемъ.

Измѣненій или переходовъ слѣдуетъ искать въ другихъ областяхъ /§§ 103,104/. То, что некритическіе поверхностные умы понимаютъ какъ „переходъ" или „измѣненіе", подходитъ подъ понятіе сосуществованія, совмѣстнаго нахожденія, нахожденія рядомъ въ одномъ и томъ же языковомъ мышленіи. Такого рода сосуществованіе разновидностей мы называемъ чередованіемъ или альтернаціей.

Чередованія или альтернаціи бываютъ разныхъ видовъ и степеней. Здѣсь мы укажемъ только на два главныхъ вида:

I/ Однѣ альтернаціи объясняются настоящимъ даннаго племенного языка, точнѣе: объясняются тѣмъ, что по необходимости происходитъ въ каждомъ носителѣ даннаго языкового мышленія. Источникомъ подобныхъ альтернацій является несовпаденіе фонаціоннаго

/произносительнаго/ намѣренія съ исполненіемъ /§ 103/. Ср. тоже то, что сказано о фонемѣ *im*. ассоціируемой съ русскими графемами или и или же и, i, §§ 60, 80 и 7.

2/ Другія альтернаціи объясняются только исторически, какъ развѣтвленія первоначально единаго на два или болѣе видоизмѣненій, совершившіяся съ теченіемъ времени, при передачѣ языкового мышленія отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ /§ 104/.

Исходною точкой или базисомъ перваго рода альтернацій слѣдуетъ считать однородную фонему, исполненіе которой приспособляется къ условіямъ сочетанія фонемъ, къ условіямъ фонетическаго построенія слова и къ условіямъ произношенія вообще. Исходною же точкою или базисомъ альтернацій второго рода слѣдуетъ считать не единую, однородную фонему, а морфему, опредѣляемую, съ одной стороны, своимъ произносительно-слуховымъ составомъ /т.е. составомъ изъ произносительно-слуховыхъ представленій/, съ другой же стороны ассоціаціей какъ съ представленіями внѣязыковыми семасіологическими, такъ и съ представленіями морфологическаго характера.

Такъ напр. чередованіе или альтернація двухъ разновидностей фонемы *d'* въ словахъ *dèn'* и *dńa* имѣетъ своимъ основаніемъ /базисомъ/ и исходною точкой отвлеченное единство именно этой фонемы. Но рядомъ съ этимъ мы имѣемъ историческую альтернацію или историческое чередованіе морфемъ

d'en // d'on // d'n x/. А такъ какъ морфема состоитъ по необходимости изъ фонемъ и вообще изъ произносительно-слуховыхъ представленій, то альтернація морфемъ разлагается на альтернаціи фонемъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ альтернаціи: e // o // 0 /нуль/; n // n'.

Точно такъ же въ словахъ v'os /везъ/, v'ez-l-á /везла/, v'ez-l'-i' /везли/; v'ez-ú /везу/, v'ez-ót /везетъ/, vos /возъ/, vóz-a /воза/, vóz-i-t' /возить/... мы констатируемъ альтернаціи перваго рода: -s//-z-, -o//-a-, да кромѣ того альтернаціи второго рода: v // v'; 0 /нуль/ // l; o // e; l // l'; z // z'...

§ 109. Нѣкоторыя изъ альтернирующихъ особенностей „морфологизуются", т.е. становятся признакомъ извѣстныхъ формъ, иначе: ассоціируются съ представленіемъ той или другой формы. Объ этомъ я уже говорилъ при обозрѣніи произносительно-слухового состава русскаго языкового мышленія /§§ 62, 63, 64, 76, 79 № 5/.

Напр., среднеязычность и несреднеязычность согласныхъ фонемъ въ склоненіи существительныхъ /stol // stol' -; st'en - // st'en' -.../, въ спряженіи глаголовъ /n'es - // n'es', v'ed // v'ed' ..../, въ словообразованіи /vod - // vod', nos - // nos' .../; / k // č, g // ž въ словообразованіи /tok - // toč -, rok - // roč -, mnog - // množ -, ruk - // ruč -, nog - //

x/ Знакъ // служитъ символомъ чередованія или альтернаціи.

nož -/, въ спряженіи /p̓ek -//p̓eč -, t̓ek -// t̓eč -, b̓er̓eg -//b̓er̓ež -/; ударяемость /b̓er̓eg-á, kolokol-á ..., na b̓er̓eg-ú, v xŏd-ú ...; xaž-iv-a-t̓, t̓ax-iv-a-t̓ .../.

Благодаря „морфологизаціи" фонемъ и произносительно-слуховыхъ представленій вообще совершаются, путемъ личнаго языкового творчества, подстановки однихъ видовъ морфемъ вмѣсто другихъ, унаслѣдованныхъ путемъ историческаго преданія.

§ 110. Особаго рода историческія альтернаціи получаются благодаря усвоенію изъ другого близкаго языка цѣлаго ряда словъ съ извѣстнымъ фонетическимъ /произносительно-слуховымъ/ составомъ, соотвѣтствующимъ опредѣленному фонетическому составу въ родственныхъ словахъ, сложившихся въ такомъ видѣ безъ всякаго заимствованія, при простой передачѣ племенного и національнаго языкового мышленія отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ.

Сюда относятся, напримѣръ, русскія слова, перешедшія въ русское языковое мышленіе путемъ книжно-церковнаго вліянія, съ Балканскаго полуострова. Такія морфемы и сочетанія морфемъ, какъ grad- и gražd- /градъ, градоначальникъ, гражданинъ, заграждать/, vrat- и vrašč- /врата, привратникъ, вращаться/, mrak- и mrač- /мракъ, мракобѣсіе, мрачный/, nrav- и nravl̓- /нравъ, нравиться, нравлюсь/, sram- и sraml̓- /срамъ, посрамлены/, krat- и krašč- /кратъ, кратный, сокращать/..., glav- и glavl̓- /глава,

заглавіе, главный, оглавленіе/, mlad-/младенецъ/, vlak-/ и lak-/ и vlač- (lač-) /влачить, облако, облачно/, vlag- и vlaž- /влага, влажный/, vlad- и vlas- /владать, владѣть, власть/, slad- /сладкій/, zlat- /златая чаша/...... bŕeg- и bŕež- /небрежно/, pŕed- /представить, предокъ/, śŕed- /среда, средній/, čŕed- и čŕežd- /учредить, учредительный, учрежденіе/, žŕeb- /жребій/..... mĺek- и mĺeč- /млекопитающія, млечный/, vĺek- и vĺeč- /влеку, влеченіе/, ĺen- /плѣнъ, плѣнить/.., рядомъ съ другимъ исконно русскимъ видомъ тѣхъ же, съ точки зрѣнія историческаго источника, морфемъ, а именно: gorod- и gorož-/городъ, городничій, городовой, горожанинъ, загороженъ/, vorot- и voroč-/ворота, воротить, ворочу/, morok- и moroč-/морокъ, мороковать, морочить/, norov- и norovl'-/норовъ, приноровленъ/, sorom- /соромъ/, korot- и koroč-/короткій, укороченъ/.. golov-/голова, головной, изголовье/, molod- и molož-/молодъ, молодецъ, моложе/, volok- и voloč-/волока, волокъ, сволочь/, volod- и volos-/волость/, solod-/солодъ/, zolot- и zoloč-/ золотой, золоченый/..., b́eŕeg- и b́eŕež-/берегу, бережешь, бережно/, ṕeŕed- /передъ, передникъ, передокъ, передовой/, śeŕed- /середа, середина/, čeŕed -/чередъ, чередоваться/, žeŕeb- /жеребенокъ/...., molok-

и *moloč*-/молоко, молочный/, *volok*- и *voloč*- /волоку, волочь/, *polon*-/полонъ, полонить/...., показываютъ опредѣленное соотвѣтствіе сочетаній -*ra*-, -*la*-, -*ŕe*-, -*lé*- въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія сочетаніямъ -*oro*-, -*olo*-, -*ere*-, -*olo*- словъ исконно-русскихъ.

Нѣчто подобное повторяется и въ началѣ словъ, гдѣ сочетанію *ra* - словъ церковно-слав, происхожденія соотвѣтствуетъ *ro*- въ словахъ исконно-русскихъ, продолжающихъ тотъ же историческій источникъ: *rab*- /рабъ/, *rav*- /равный, равенство/, *raz*-/разумъ, распря/..... рядомъ съ *rob*- /робкій, робота, робѣть/, *rov*-/ровный, ровня/, *roz*- /розыскъ, роспись/....

§ III. Параллельные ряды морфемъ и ихъ сочетаній, съ одной стороны вошедшихъ въ русское языковое мышленіе въ составѣ цѣльныхъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянской письменности /изъ церковно-славянскаго писанно-зрительнаго языка/ и изъ произносительно-слухового языка церкви, съ другой же стороны, получившихъ теперешній видъ путемъ передачи русскаго языкового мышленія по прямой линіи отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ, такіе параллельные ряды имѣются тоже въ тѣхъ случаяхъ, когда фонемамъ *ž* и *č* исконно-русскихъ словъ соотвѣтствуютъ сочетанія фонемъ *žd* и *šč* /*šš*/ въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія. Примѣры:

съ одной стороны xožd- /хожденіе, происхожденіе/, rožd- /рожденіе, рождество, рождать/, vožd- /навожденіе, вождь/, ḿežd- /между, междометіе/, vŕežd- /повржденіе/, pŕežd- /прежде, предупреждать/, tružd- /утруждать/, gražd- /гражданинъ, награжденіе/, slažd- /услаждать/, čŕežd- /учреждать/ ....., śvešč- /освѣщать, просвѣщеніе/, mušč- /возмущать, возмущеніе/, vrašč- /возвращать, развращать, вращаться, совращеніе/, krašč- /сокращать, сокращеніе/...., -ušč-, -ašč- /могущій, дремлющій, висящій, горящій..../......, mošč- /мощь, мощный/, nošč- /всенощная/;

съ другой же стороны, xož- /хожу, хожено, хожалый, хаживать/, rož- /рожу, роженица, рожать/, vož- /вожу, вожака, вожатый/, ḿež- /межа, межевой/, vŕež- /обезвреживать/, pеŕež- /опереживать/, truž- /труженикъ/, gorož- /горожанинъ, горожу, загораживать/..., śveč- /свѣча, свѣчу, просвѣчивать/, muč- /мучу, мучивать/, voloč- /волочу, ворочать ворачивать/, koroč- /корочу, укорачивать/..... - uč -, - ač - / могучій, дремучій, висячій, горячій..../, moč /мочъ, моченька/, noč /ночъ, ночевать, ночникъ/.

§ 112. Эти и этимъ подобныя чередованія или альтернаціи, въ родѣ чередованій русскихъ морфемъ съ -oro- // -ra-, -olo- // -la- .....

или же въ родѣ чередованій русскихъ морфемъ съ

- ž -//- žd -, - č -//- šč -, могутъ укладываться въ параллельные ряды сами собой, безъ всякаго посредничества третьихъ альтернирующихъ или чередующихся фонемъ или сочетаній фонемъ. Вѣдь каждой изъ подобныхъ чередующихся группъ, смотря по ея историческому происхожденію, свойственны другого рода семасіологическія ассоціаціи: слова исконно-русскія характеризуются ассоціаціей съ семасіологическими представленіями болѣе конкретными, будничными, простыми, свѣтскими, словесными, тогда какъ словамъ церковно-славянскаго происхожденія свойственны ассоціаціи съ представленіями болѣе абстрактными /отвлеченными/, праздничными, сложными, духовными, литературными....

Но возможно тоже возникновеніе подобныхъ сводныхъ альтернацій или чередованій при содѣйствіи психическаго процесса, напоминающаго математическое умозаключеніе: двѣ величины, равныя третьей, равны между собой, или т.п.. Точно также и здѣсь: двѣ фонемы или группы фонемъ, чередующіяся съ третьей фонемою или группою фонемъ, чередуются /альтернируютъ/ между собою. Если въ цѣломъ рядѣ морфемъ ž чередуется съ d'i /рожать/родить/ и если žd чередуется съ d'i /родить/рожать/, то, понятно, и ž чередуется съ žd /рожать/рождать/. Если č чередуется съ t'i /свѣтить/свѣчу/ и если šč чередуется тоже съ t'i /просвѣтить/просвѣщеніе/, то, конечно, и č чередуется съ šč . Чередованіе -ere-//- oro -

/вертѣть/ворота/ и *-er-//-ra-* /вертѣть/врата/ ведутъ, какъ къ послѣдствію, къ чередованію *-oro-//-ra-* /ворота/врата/...; но здѣсь то именно, при *-oro-//-ra-*, *-olo-//-la-*, *-ere-//-re-* ....., такіе предположительно посредничавшія чередованія /альтернаціи/, *-er-//-oro-* и *-er-//-ra-*, *-ol-//-olo* ...., весьма рѣдки, такъ что объ ихъ посредничествѣ при возникновеніи тѣхъ чередованій или альтернацій /*-oro-//-ra-* - и т.д./ и рѣчи быть не можетъ.

§ 113. Сходное явленіе возникновенія альтернацій, составленныхъ изъ одного члена, развившагося въ собственной языковой /племенной или національной/ средѣ, и изъ другого члена заимствованнаго, встрѣчаемъ, напримѣръ, во французскомъ языковомъ мышленіи. Рядомъ съ исконно-французскими *chant* /историческое продолженіе латинскаго *cantus*/, *chanoine*/лат. *canonicus*/, *chaîne* /лат. *catena*/, *chair* /лат. *caro*/, *chaire* /лат. *cathedra*/, *chaleur* /лат. *calorem*/, *chaud*/лат. *calidus*/, *chambre*/ лат. *camera*/, *champ* /лат. *campus*/, *choir* /лат. *cadere*/, *chandelle* /лат. *candela*/, *changer* /лат. *cambiare*/, *chapitre* /лат. *capitulum*/, *chef* /лат. *caput*/, *charbon* /лат. *carbonem*/, *charité* /лат. *charitatem*/, *charte* /лат. *charta*/, *chasser*/лат. *captiare*/, *chétif*

/лат. captivus /, chaste /лат. castus /, chat /лат. catus /, château /лат. castellum /, cheminée /лат. caminata /, cher /лат. carus /, cheval /лат. caballus /, cheveu /лат. capellus /, chèvre /лат. capra /, chien /лат. canis /, chose /лат. causa / ...... имѣются вошедшія во французское языковое мышленіе или изъ латинской письменности, или же въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ другихъ романскихъ языковыхъ областей: cantique, canonique, carnivore, cathédrale, calorifère, camp, cadence, candélabre, cambium, capitule, capitaine, carbone, carte, captif, caste, castel, cavalier, capillaire, caresse, caprice, canicule, cause.....

Такимъ образомъ, головы, начиненныя французскимъ языковымъ мышленіемъ, являются вмѣстилищемъ матеріала для извѣстной части „сравнительной грамматики" романскихъ языковъ и для исторіи одной изъ областей этого языкового міра.

§ 114. И вообще носителемъ матеріала для сравнительной грамматики и для сравнительной характеристики нѣсколькихъ языковыхъ мышленій является всегда одна человѣческая голова. Вѣдь если кто либо занимается этими вопросами въ качествѣ изслѣдователя и ученаго, онъ долженъ перенести въ свою голову, въ видѣ представленій, сравнивае-

мые факты, - дѣйствительные ли факты, или только предположительные /гипотетическіе/, - это все равно.

Но не только голова изслѣдователя является носителемъ матеріала для сравнительной грамматики. Какъ мы только что видѣли, такимъ вмѣстилищемъ матеріала для извѣстнаго отрывка или вырѣзка изъ сравнительной грамматики является голова самаго обыкновеннаго француза. Точно также голова, начиненная русскимъ языковымъ мышленіемъ, поелику въ ней имѣются чередованія /альтернаціи/ морфемъ, заключающихъ въ себѣ фонему _č_, съ морфемами, заключающими въ себѣ фонему _šč_ /точно также _ž_ // _žd_, oro // ra, olo // la и т.д./, вмѣщаетъ въ себѣ матеріалъ для сравнительной грамматики. Мы можемъ, такъ сказать, открыть эту голову, вглядѣться въ нее и вычитать въ ней вырѣзокъ изъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ.

Мы можемъ идти дальше и найти въ русскимъ языковомъ мышленіи матеріалъ не для одной только сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, но и для сравненія славянскихъ языковъ съ другими языками аріоевропейскими.

Наличность въ русскомъ языковомъ мышленіи словъ _братъ, фратеръ_ /изъ латинскаго названія католическаго монаха/, _брудершафтъ_ /изъ нѣмецкаго/ даетъ намъ матеріалъ, правда, тощій, но все таки матеріалъ для сравненія славянскихъ языковъ съ латинскими и германскими.

Сопоставимъ еще:

мать, матери.../матрица, матрикула/ метрика, метрополія или митрополія, митрополитъ [славянскія, латинскія, греческія];

мышь, мышца /мускулъ, мускулистый/ міологія......,

жена /гинекологія........;

дѣть, дѣять, дѣло /тезисъ.......;

дать, даръ, данный /дата........;

десять, десятникъ /деканъ, децемвиръ, дециметръ/ декалогъ, декаметръ........;

сто, сотникъ /центиметръ/ гектаръ, гектометръ....;

возъ, возница /вагонъ, вагоновожатый..........;

собраніе, соборъ /конференція.......

Въ иныхъ случаяхъ въ русскомъ объективномъ языковомъ мышленіи находимъ матеріалъ для сравнительной грамматики двухъ или больше аріоевропейскихъ языковъ, съ исключеніемъ славянскаго языкового міра. Такъ напр.: диктатура /дидактика, дантистъ/ одонтолитъ...

Наконецъ, вглядываясь въ русское языковое мышленіе, мы найдемъ въ немъ матеріалъ для опредѣленія различныхъ источниковъ словъ, входящихъ въ это мышленіе: съ точки зрѣнія географіи, т.е. мѣста, откуда получилось слово; съ точки зрѣнія исторіи, т.е. времени заимствованія; съ точки зрѣнія различія между заимствованіемъ словеснымъ, въ области языка произносительно-слухового, и заимствованіемъ книжнымъ, путемъ вліянія письменныхъ памятниковъ. Напр.: хоромы /храмъ/ гаремъ...; магистръ

/мастеръ/ метръ /метрдотель/....

§ 115. Получивъ изъ русской головы, вмѣщающей въ себѣ слова /точнѣе: морфемы/ съ č и слова съ šč, слова съ ž и словъ съ žd, слова съ -oro-, -olo- и слова съ -ra-, -la- и т.д., матеріалъ для сравнительной грамматики, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ толчекъ къ извѣстнымъ соображеніямъ, выводамъ и умозаключеніямъ.

Прежде всего мы замѣчаемъ, что, какъ вообще при альтернаціяхъ /чередованіяхъ/ историческаго характера, такъ и здѣсь сравненіе фонемъ основывается на ихъ принадлежности къ извѣстнымъ морфемамъ.

Не всякое вообще ž чередуется съ žd и наоборотъ, а только такія ž и такія žd, которыя со своей стороны чередуются или могли бы чередоваться съ d'i. Фонема ž морфемы vož - въ словѣ vož-u /вожу/, связанномъ съ voz- /возъ/, voz- -/возить/, морфемы kaž- /скажу, скажешь..../, морфемы mož-/можешь, можетъ/ и т.п. никогда не можетъ чередоваться съ žd. Сочетаніе фонемъ žd въ словахъ ждать, вражда и т.п. не можетъ чередоваться съ ž.

Фонема č морфемъ roč /урочный, пророчить/, ruč -/ручка/, s'eč - /сѣчотъ.../ и т.п., чередующаяся съ фонемою k, а не съ сочетаніемъ фонемъ t'i, никакъ не можетъ чередоваться съ šč. Точно также сочетаніе фонемъ šč /šš/ въ морфемахъ ščem -щемитъ/, ščuk- /щука/, išč-/ищетъ/.

ṙošč - /роща/, pušč - /пущу/ .... чередуется, правда, или могло бы чередоваться со šk - /оскомина, искать ..../, или же со sti - /пустить.../, но объ его чередованіи съ однимъ только č рѣчи быть не можетъ.

§ 116. Затѣмъ, всякое ли -oro-, -olo- и т. д. словъ исконно-русскихъ должно чередоваться съ -ra-, la- родственныхъ словъ, вошедшихъ въ русское языковое мышленіе, путемъ книжнаго вліянія, съ Балканскаго полуострова, или же всякое ли такое -oro-, -olo- или же -ra-, -la- можетъ послужить матеріаломъ для сравнительной грамматики въ указанномъ только что смыслѣ?

Развѣ рядомъ съ градъ /не „городъ", а метеорологическое явленіе/ возможно городъ, а рядомъ съ красть, правый .... тоже короcть, поровый? Рядомъ съ гладкій, плакать, слава.... возможны ли голодкій, полокать, солова? Допустимы ли для бредъ, древній, гремѣть, гребеть, грести... альтернаціи съ beредъ, деревній, геремѣть /? жеремѣть/, геребеть /? жеребеть/, герести /? жерести/?

Имѣются ли и могутъ ли вообще быть допустимы формы бравикъ, пракъ, плавина, глаледица....,какъ альтернанты /чередующіяся/ для боровикъ, порокъ, половина, гололедица.....?

Почему родъ, рокъ, ровъ, рота, ропотъ.... никогда не чередуются съ радъ, ракъ, разъ, рата, рапотъ...., а радъ, радъ, разъ, рана... никогда не че-

редуются съ родъ, рокъ, розъ, рона....?

Уже одно логическое мышленіе должно бы насъ навести на предположеніе /гипотезу/, что русскія -ra-, -la- съ одной стороны никогда не чередующіяся съ -oro-, -olo- въ томъ же русскомъ языковомъ мышленіи, съ другой же стороны повторяющіяся въ такомъ же видѣ, -ra-, -la-, въ другихъ славянскихъ языковыхъ областяхъ, должны имѣть другой историческій источникъ, нежели -ra-, -la-, хотя и русскія съ точки зрѣнія современнаго состоянія языка, но вошедшія въ русское языковое мышленіе со стороны, и чередующіяся /альтернирующія/ съ исконно-русскими -oro-, -olo-, которымъ въ другихъ славянскихъ языковыхъ областяхъ соотвѣтствуютъ /корреспондируютъ/ то -ra-, -la- /на югѣ/, то -ro-, -lo- /на сѣверозападѣ/.....

Это предположеніе вполнѣ подтверждается расширеніемъ круга сравниваемыхъ языковыхъ мышленій, т.е. привлеченіемъ къ сравненію очевидно родственныхъ исторически словъ и морфемъ въ другихъ, не славянскихъ, аріоевропейскихъ языковыхъ областяхъ. И въ языкахъ аистскихъ /литовскомъ, латышскомъ, древне-прусскомъ/, и въ языкахъ германскихъ, и въ языкахъ кельтскихъ, и въ языкахъ италійско-романскихъ, и въ языкахъ греческихъ, и въ языкахъ индійскихъ /санскритъ и др./ и т.д., вездѣ находимъ сочетанія въ родѣ -ra-, -la- /т.е. не только -ra-, -la-, но тоже -ro-, -lo-, -ru-.

-lu- и т.п., во всякомъ случаѣ съ фонемами r и l передъ гласными/ въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ [illegible] сочетаніямъ -ra-, -la-, повторяющимся более или менѣе одинаково, т.е. съ -ra-, -la-, [illegible] всѣхъ славянскихъ языковыхъ областяхъ /ср. напр., лит. broter-, brolis, нѣм. bruder, лат. frater, греч. φράτωρ, φρήτηρ, санскр. bhrātar- ... ; нѣм. glatt .... и т.п./.

За то случаямъ съ русскими -oro-, -olo-, чередующимися съ -ra-, -la- ....., соотвѣтствуютъ въ другихъ аріоевропейскихъ языкахъ сочетанія фонемъ, въ которыхъ гласная фонема предшествуетъ фонемѣ r или l. Напримѣръ, морфемамъ borod- и brad- /борода, брадобрей/ соотвѣтствуютъ: въ литовскомъ barzd-, въ нѣмецкомъ bart-, въ латинскомъ barb-; морфемамъ gorod- и grad- /городъ, градъ/: нѣм. gart-, garten-/; морфемамъ korot- и krat- /короткій, кратъ, краткій/: лит. kart-; морфемамъ poros- и pras- /поросенокъ.../: лит. parš-, лат. pork-/ porcus /, герм. farh-, farah- /нѣм. ferkel../; морфемамъ voron- и vran- /воронъ, ворона/: лит. varn- ...; морфемамъ golow- и glaw- /голова, глава/: лит. galv-; морфемамъ molot- и mlat- /молотъ/: лат. mall- malleus / изъ *malt-; морфемамъ solod- и slad- /солодъ, сладкій/: лит. sald- (saldus), нѣм. salz-; морфемамъ solom- и slam- /солома/: нѣм. halm -; морфемамъ sorom- и sram-

/соромъ, срамъ/: нѣм. harm- ; морфемамъ volod-/volos-/ и vlad-/vlas-/ /волость, владѣть, власть/: лит. vald-, нѣм. walt-/walten-/ и т.д..

§ 117. Психическимъ субстратомъ или реальнымъ носителемъ какъ альтернацій /чередованій/, такъ и корреспонденцій /разноязычныхъ соотвѣтствій/ можетъ быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только одна человѣческая голова. Прежде всего таковою является голова каждаго изслѣдователя, сопоставляющаго и сравнивающаго какъ факты одного однороднаго языкового мышленія, такъ и соотвѣтствующіе другъ другу факты въ разныхъ языковыхъ мышленіяхъ.

Кромѣ того носителемъ не только альтернацій, но и корреспонденцій можетъ быть, съ объективной точки зрѣнія, каждая человѣческая голова, насыщенная различнымъ языковымъ мышленіемъ. Разъ въ одну и ту же голову введены, напримѣръ, русское и польское языковое мышленіе, цѣлые ряды одинаковостей и фонетически-морфологическихъ соотвѣтствій создаютъ объективно живыя корреспонденціи и могутъ вызывать фонетически-морфологическія переложенія съ одного языкового мышленія на другое [Ср. напр. польскія furteczka, przestudzić, zębrzyć и т.п., созданныя по образцу русскихъ форточка, простудить, зубрить и т.п.]

Точно также могутъ образоваться подобныя связи и происходить подобныя фонетически-морфологическія переложенія въ головахъ, насыщенныхъ, напримѣръ,

литовскимъ языковымъ мышленіемъ и однимъ изъ славянскихъ языковыхъ мышленій /или даже не однимъ, а нѣсколькими/; въ головахъ, начиненныхъ языковымъ мышленіемъ нѣмецкимъ и однимъ изъ славянскихъ /напр. лужицкимъ, польскимъ, чешскимъ и т.п./ и т.д.

Благодаря насажденію въ однѣхъ и тѣхъ же головахъ двухъ и даже больше языковыхъ мышленій происходитъ такъ называемое смѣшеніе языковъ, т.е. ихъ взаимодѣйствіе и вліяніе другъ на друга. Надо же вѣдь согласиться, что какъ все языковое, какъ все, относящееся къ рѣчи человѣческой, такъ и смѣшеніе языковъ вершится не гдѣ-то въ воздухѣ, а только путемъ языкового общенія и въ отдѣльныхъ человѣческихъ головахъ.

Глава 10.

Транскрипція.

§ 118. Ср. прежде всего Б.-де-К. Зад. №№ 293, 132-135.

Приблизительная передача по принятому мною способу, нѣкоторыхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ В.-де-К. Зад.

240. Nåtó ščúkå v mórě, štop (štob) kåråś ńǝ dŕěmál.
243. Jăzĭmk (jězímk) b'ǝs kåst'éj.
245. Fśákǝj (vśákǝj) śvěŕčok znáj śvaj šěstók
247. P'ján xŕăbŕĭmčă, a pŕåśpímčă - i śvímnjĭm båjĭmčå.

249. Zə rěkoj nə gåré lěz (lěs) zělŏnəj hemit; pod gåró zə rěkoj xutårŏčəsk ståjimt. F (v) tom lěsú əslåvěj grómkå pěsnim påjŏt, məlɐdája vdåvá' əf (v) xutåročk' ... . Ср. Б.-це-я.Зад.№ I35.

250. Åbrǎstát' (əbrâstát') mim stánəm jérstjm i xǎt' əmóžəm rit råskrimt', no uš (už) ětəmu åtvěrstju nə primdóca gəvårimt'.

252. Mim pjóm ǐs čášim. bətija žakritəmim (z zakrimtəmim) čǎšamim, zlåtimjě əmåčimf (əmǎšimv) kråjá svåjimmimi žě slězámim. Kågda žě pəlět (pəréd) směrtju z glás (s gláz) påváska (påvázka) ǔpådást (ǔpådájst) i fsǒ (vsǒ) što əbål'ščálá nas, s påvåskəj (s påvázkəj) əščezást (imščezájst), tagda mim vidǎm, što pustá (što pustá) bimlá zlåtåja čáša, što v něj nåpitsk bimb mněta, i štó åná ne náša.

Еще примѣры „Транскрипціи": вьюга - vjúga, судья - sudjá, судя - súdå, гостя - góstå, гостья - góstja, съемка - sjómka, падежъ - pådiš /padéž/, падежъ - pådoš /pådož/. падёшь - pådóš, поетъ - påét, поётъ - påjót, пою - påjú, даю - dåjú, даёмъ - dåjóm, заёмъ - zåjóm, ель - jel, ёлка - jólka, ее, ея - jějó, съ нея - s nějó.

Глава II.

Семасіологизація и морфологизація.

§ 119. Съ точки зрѣнія языкового мышленія и основаннаго на немъ научнаго языковѣднаго /лингвистическаго/ мышленія, фонемы и вообще всѣ произносительно-слуховые элементы не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. Они становятся языковыми цѣнностями и могутъ быть разсматриваемы лингвистически только тогда, когда входятъ въ составъ всесторонне живыхъ языковыхъ элементовъ, каковыми являются морфемы, ассоціируемыя какъ съ семасіологическими, такъ и съ морфологическими представленіями.

Возьмемъ гомонимное, т.е. двояко-толкуемое, слово

вожу,

входящее въ составъ русскаго языкового мышленія. Можемъ ли мы фонемы и болѣе дробные произносительно-слуховые элементы, входящіе въ составъ первой морфемы этого гомонима, считать, съ точки зрѣнія ассоціацій съ семасіологическими и морфологическими представленіями, вполнѣ тожественными во всѣхъ случаяхъ возникновенія въ нашей психикѣ этого гомонима?

Одно только произнесеніе вожу не даетъ намъ полной опредѣленности. Правда, ассоціаціи съ представленіями морфологическими достаточно опредѣляются. Опредѣляются тоже семасіологическія представленія I-го лица „наст.вр." глагола; но все таки не

достаетъ главнаго, центральнаго семасіологическаго представленія. Это представленіе можетъ опредѣляться прежде всего ассоціацей по смежности, т.е. или контекстомъ, въ связи съ другими словами, или же на почвѣ взаимнаго общенія между участниками даннаго языкового коллектива, на почвѣ соціальнаго обмѣна съ помощью русскаго языка. Оно можетъ опредѣлятъся „переводомъ съ другого языка". Затѣмъ оно можетъ опредѣляться посредствомъ ассоціаціи по сходству: или произвольно, по внутреннему побужденію говорящаго, или же въ связи съ совокупностью рѣчи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это опредѣляется альтернаціями или чередованіями: vå̌ž-ú // vód'-i vód'-ut, vå d'-í- (вожу//води-, водятъ, води-) есть одно, а

vå̌ž-ú // vóz'-i-, vóz'-ut, våz'-í- (вожу//вози-, возятъ, вози -) есть другое.

Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія ассоціацій съ семасіологическими и морфологическими представленіями, съ точки зрѣнія семасіологизаціи и морфологизаціи, съ точки зрѣнія альтернацій, съ точки зрѣнія этимологіи въ области одного и того же языкового мышленія, въ русскомъ языковомъ мышленіи имѣются три фонемы :

ž // g (ж//г), напр. могу / може-
ž // z'i' (ж//зи), напр. вожу / вози-
ž // d'i (ж//ди), напр. вожу / води-

§ 120. Съ точки зрѣнія корреспонденцій или соотвѣтствій въ разныхъ славянскихъ языковыхъ мыш-

леніяхъ, съ точки зрѣнія многоязычнаго этимологическаго родства, но опять таки съ точки зрѣнія семасіологизаціи и морфологизаціи, имѣемъ въ русскомъ языковомъ мышленіи два ž и два č :

1/ Общеславянское ž , т.е. ž , альтернирующее въ русскомъ или съ g , или съ z

2/ спеціально русское ž , альтернирующее съ di и съ žd

ž // di // žd ...

1-му ž соотвѣтствуетъ во всѣхъ славянскихъ языковыхъ мышленіяхъ тоже ž или же его своеобразный вторичный замѣститель:

2-му ž соотвѣтствуютъ, смотря по отдѣльнымъ славянскимъ языковымъ мышленіямъ, въ др.-цсл. и въ болгарскомъ žd , въ сербо-хорватскомъ ģ / d' / или ǯ / dž / или j , въ словинскомъ j , въ польскомъ и словацкомъ ʒ / dz /, въ чешскомъ z и т.д.

1/ Общеслав. č , т.е. č , альтернирующее въ русскомъ съ k ,

č // k , (ч//к) , напр. пеку/печо-;

2/ спеціально русское č , альтернирующее съ t'i и съ šč .

č // t'i // šč , напр. свѣчу, свѣти-/-свѣщ-.

1-му __ соотвѣтствуетъ во всѣхъ славянскихъ языковыхъ мышленіяхъ тоже фонема č или же ея своеобразный вторичный замѣститель;

2-му č соотвѣтствуетъ, смотря по языковой области, въ дрцсл. и въ болг. št , въ сербо -

хорватскомъ ť /t'/ или ć /ts'/, въ словинскомъ č, въ польскомъ, словацкомъ, чешскомъ c и т.д..

См. §§ III, II2.

§ I2I. Фонема s славянскихъ языковыхъ мышленій /въ русскомъ s, s'/, смотря по ея наличности то въ тѣхъ, то въ другихъ морфемахъ, значитъ, съ точки зрѣнія ея морфологизаціи и семасіологизаціи, соотвѣтствуетъ двумъ разнымъ фонемамъ предполагаемаго прааріоевропейскаго состоянія:

I/ s /др.-индійское или санскритское s съ измѣненіями; греческое или s, или h, иначе „spiritus asper", или „нуль"; латинское s или r; германское s съ измѣненіями; литовское s/, напр.: сон, сын, сад, сидѣть, сухой.....;

2/ k /др.-инд. ç; греч. и лат. k; герм. h; лит. š/, напр.: срам / соромъ, солома, порося, десять ...

Вообще вся такъ называемая „сравнительная грамматика" и всякія этимологическія сближенія и предположенія были бы совершенно невозможны, если бы они не покоились на сознательномъ или хотя бы даже внѣсознательномъ предположеніи морфологизаціи и семасіологизаціи фонемъ и прочихъ болѣе дробныхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ.

Ср. Б.-де-К. Зад. 23I - 239.

§ I22. Въ русскомъ языковомъ мышленіи морфологизованы по преимуществу:

I/ различіе слоговыхъ фонемъ /гласныхъ и т.п../

по степени силы произношенія, т.е. по акценту-ударенію;

2/ различіе среднеязычности / „мягкости"/ и не-среднеязычности / „твердости"/ при согласныхъ.

Наличность подобной морфологизаціи въ ńes- // ńeś- (несу, несутъ / несё-, неси), v́ed- // v́ed'- (веду, ведутъ / ведё, веди), ẑåv- // žåv- (зову, зовутъ / зовё, зови) ....была когда то поводомъ замѣны прежнихъ ṕek- // ṕec- (пеку .../ пеци), śek- // śec- (сѣку.../ сѣци), pomog- // pomož- (помогу.../ помози) b́eŕeg- // b́eŕeź (берегу.../ берези)... новыми ṕek- // ṕ'ek- /пеки/, śek- // śek'- /сѣки/, pomog- // pomog'- /помоги/, b́eŕeg- // b́eŕeg' - /береги/...., и затѣмъ, въ болѣе позднее время, поводомъ появленія вм. ṕek- // ṕeč - /печо-/, śek - // śeč - /сѣчо-/, b́eŕeg- // b́eŕež - /бережо-/... новыхъ ṕek- // ṕek- /пекё-/, śek- // śek- /сѣкё-/, b́eŕeg- // b́eŕeg'- /берегё/ ....

Ср. §§ 62, 63, 64, ..., 109, 112, 115.

§ 123. П... се...іологическомъ различеніи такихъ словъ какъ са... / зад, там / цам, кора / гора, суд / зуд, пал / бал ... семасіологизовано представленіе различія разныхъ способовъ работы голосовыхъ связокъ: разъ раскрытіе связокъ и отсутствіе звонкости, другой разъ сближеніе и напряженіе голосовыхъ связокъ вмѣстѣ съ дрожаніемъ, производящимъ впечатлѣніе звонкости.

При семасіологическомъ различеніи словъ быть / мыть, баба / мама, дядя / няня, дам / нам.... семасіологизовано представленіе различія поднятія мягкаго неба, закрывающаго воздуху доступъ въ носъ, и опущенія мягкаго неба съ пропускомъ воздуха въ носъ.

При семасіологическомъ различеніи словъ том / там, дом / дам, нос / нас ..., сад / суд, зад / зуд..., пал / пыл, бал / был ... семасіологизовано представленіе различія разныхъ укладовъ полости рта, обусловливающихъ впечатлѣніе то того, то другого гласнаго звука и вмѣстѣ съ тѣмъ храненіе въ психическомъ вмѣстилищѣ всѣхъ нашихъ представленій двухъ различныхъ фонемъ, соотвѣтствующихъ ихъ произносительно-слуховымъ обнаруживаніямъ.

§ 124. И семасіологизація и морфологизація отражаются, само собою, тоже въ писанно-зрительномъ языкѣ или въ написаніяхъ словъ. Но въ связи съ различною дѣлимостью на дальше неразложимые элементы, ассоціаціи, связанныя съ семасіологизаціей и морфологизаціей, происходятъ въ писанно-зрительномъ языкѣ иначе, нежели въ языкѣ произносительно-слуховомъ: Въ написаніяхъ мы имѣемъ, при семасіологизаціи, различіе цѣльныхъ недѣлимыхъ графемъ (сад / зад, там / дам ...), и это именно различіе семасіологизуется. При морфологизаціи же или тоже имѣется различіе цѣльныхъ графемъ (ходить / хаживать, носить / нашивать..., ток / точить, тревога / тревожить..., рука / ручка, нога /ножка...)

или же сами данныя графемы, напримѣръ, въ русскомъ, сообразно съ свойствомъ русской графики /см.§ 93/, могутъ оставаться безъ измѣненія, такъ какъ морфологическое различіе опредѣляется слѣдующей графемой (несу / несет, веду / ведет, зову / зовет...).

Между тѣмъ въ произносительно-слуховомъ языкѣ семасіологизуются и морфологизуются не цѣльныя, недѣлимыя фонемы, а только ихъ болѣе дробные произносительно-слуховые элементы / кинемы, акусмы, кинакемы/, какъ ихъ составныя части.

§ 125. Произносительно-слуховые элементы для того, чтобы стать дѣйствительными цѣнностями произносительно-слухового языка, только семасіологизуются и морфологизуются. Между тѣмъ писанно-зрительные элементы, входя въ составъ языкового мышленія, должны не только семасіологизоваться и морфологизоваться, т.е. ассоціироваться съ представленіями семасіологическими и морфологическими, но первымъ долгомъ фонетизоваться, т.е. ассоціироваться съ представленіями произносительно-слуховыми.

Затѣмъ всѣ эти психическіе сцѣпленія, всѣ эти ассоціаціи, ведущія къ фонетизаціи, семасіологизаціи и морфологизаціи, какъ въ области письма или писанно-зрительнаго языка, такъ и въ области языка произносительно-слухового, являются частными представленіями общаго процесса соціализаціи или обобществленія. Ибо языкъ, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ, имѣетъ только тогда цѣну, когда служитъ цѣлямъ взаимнаго общенія между людьми.

§ 126. Алфавитъ и „графика" /см. §§ 40-42,56, 64,84,85-92,92-95/, какъ комплексы живыхъ составныхъ частей или элементовъ языкового мышленія, основываются на фонетизаціи писанно-зрительныхъ элементовъ и ихъ сочетаній. Правописаніе же или ореографія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова /см. §§ 40-42, 84,92/ связана тоже съ семасіологизаціей и морфологизаціей. Напр.:

род / рот, просьба.....

Передаваемое по традиціи различеніе е и ѣ поддерживается прежде всего ихъ морфологизаціей (въ морѣ / въ море ...) и семасіологизаціей (есть / ѣсть ...., ели / ѣли...., день / тѣнь ...).

Различіе написаній міръ и миръ основывается на семасіологизаціи въ данномъ случаѣ различія между і и и.

§ 127. Примѣненіе понятія морфологизаціи произносительно-слуховыхъ элементовъ и ихъ сочетаній позволяетъ намъ разобраться въ нѣкоторыхъ чисто фонетическихъ вопросахъ.

Такъ напр. имъ устраняется спорный вопросъ о различеніи фонемъ или „звуковъ" мгновенныхъ и длительныхъ. Внѣ языка, во внѣшнемъ мірѣ, въ области явленій природы, произносимое можетъ длиться безъ перерыва, длиться безформенно и не пропорціонально. Въ человѣческомъ же членораздѣльномъ языкѣ морфологизуемая временная длина фонемы колеблется между опредѣленнымъ минимумомъ и максимумомъ. Переходя за такой максимумъ, она становится чѣмъ-то внѣ-

языковымъ, чѣмъ-то могущимъ быть разсматриваемымъ въ механикѣ, въ акустикѣ и въ физикѣ, но чѣмъ-то совершенно чуждымъ психо-соціальной сущности языкового мышленія, ибо въ немъ уже не морфологизованнымъ.

Именно къ этой эторонѣ морфологизаціи произносительно слуховыхъ элементовъ я бы считалъ умѣстнымъ примѣнять термины „членораздѣльность" или „артикуляція".

Умѣлое примѣненіе понятія относительной семасіологизаціи и морфологизаціи, равно какъ и связанной съ ними соціализаціи крайне важно при надлежащемъ освѣщеніи вопроса т.наз. „звуковыхъ законовъ".

Въ области же писанно-зрительнаго языка необходимо принимать въ соображеніе дѣйствіе ассоціацій или психическихъ сцѣпленій, подходящихъ подъ понятіе фонетизаціи, семасіологизаціи, морфологизаціи и, конечно, соціализаціи, какъ при научномъ разборѣ отношеній между письмомъ и языкомъ, такъ и при практическомъ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся „реформы правописанія".

Глава 12.

Морфологическая ассимиляція / „аналогія"/ и семасіологическая ассимиляція /„народная этимологія", „народное словопроизводство", осмысленіе./

§ 128. Уже въ §§ 106-109, по поводу замѣны

формы din-e формою din-i и, затѣмъ, формою dń-e и dń-i формою dń-a, было указано на такія измѣненія „фонемъ", на которыя нельзя никакъ смотрѣть какъ на простые, совершающіеся въ исторіи племенного языка, фонетическіе или произносительно-слуховые переходы, но которыя надо объяснять тѣмъ, что данныя фонемы или составляютъ въ данномъ мѣстѣ особый морфологическій элементъ или цѣльную морфему /какъ, напримѣръ, - e, - i, - a въ названныхъ падежныхъ формахъ существительной основы din-, dn- // d'eń // d'on/, или же входятъ въ составъ многофонемной морфемы /въ родѣ, напримѣръ, морфемъ vod-, ńes ..., - ut, - ami, -ov и т.п./.

§ 129. Языковое мышленіе, равно какъ и его обнаруживаніе и восприниманіе, представляютъ изъ себя не простую репродукцію или воспроизведеніе усвоеннаго, въ родѣ того, какъ это имѣетъ мѣсто съ фонографомъ или грамофономъ, повторяющимъ съ безукоризненною точностью нанесенные на него слѣды акустическихъ „впечатлѣній", а, вмѣстѣ съ репродукціей, тоже продукцію или производство, состоящее въ новомъ, самостоятельномъ сочетаніи усвоенныхъ индивидуальною психикой элементовъ языкового мышленія. Это и есть постоянное, безпрерывное „творчество", свойственное мобилизаціи языковыхъ представленій въ ихъ совокупности, все равно, обнаруживаются ли они произносительнымъ способомъ и воспринимаются ли путемъ слуха /акустически/, или же

нѣтъ. Происходитъ же это творчество не только въ области синтаксиса, т. е. при сочетаніи готовыхъ словъ во фразы и предложенія, но тоже при сочетаніи морфемъ въ слова.

Есть, правда, отдѣльныя формы словъ или синтагмы только воспроизводимыя въ своемъ цѣльномъ составѣ, и именно благодаря частотѣ употребленія, чѣмъ онѣ врѣзываются въ память и повторяются чисто автоматически. Таковы, напримѣръ, формы „склоненія" личныхъ мѣстоименій (я/меня/мнѣ/мною и т. п.), формы склоненія часто употребительныхъ именъ вообще /названія родства, нѣкоторыхъ частей тѣла и т. п./, формы спряженія часто употребляемыхъ глаголовъ /въ родѣ ѣсть, дать, быть, хотѣть и т. п./. Однимъ словомъ, разныя т. наз. „неправильности" въ построеніи ассоціируемыхъ семасіологически языковыхъ цѣлыхъ.

Но за то громадное большинство формъ возникаетъ въ нашей психикѣ благодаря не только простому воспроизведенію усвоеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ производства, творчества, путемъ рѣшенія своеобразной пропорціи.

Получивъ, напримѣръ, образецъ типа спряженія глаголовъ въ родѣ веду/ведешь/ведетъ/ведемъ/ведете/ведутъ ....., намъ достаточно знать двѣ формы, напримѣръ, отъ глагола несу, несемъ, чтобы вполнѣ „правильно" дополнить творческимъ способомъ все остальное: несешь, несетъ, несете,

несутъ. [веду, ведемъ]: [ведешь, ведетъ, ведете, ведутъ] = [несу: несемъ]: X

X = несешь, несетъ, несете, несутъ.

Здѣсь ассоціація по сходству способствуетъ правильной ассоціаціи по смежности, а въ основѣ всего этого лежитъ, между прочимъ, наличность въ языковомъ мышленіи психофонетическихъ альтернацій или корреляцій.

На этомъ основываются встрѣчаемыя въ заурядныхъ грамматикахъ правила и предписанія объ образованіи однихъ формъ отъ другихъ. Обыкновенно, однакожъ, сочинители подобныхъ правилъ и предписаній совершенно не понимаютъ сущности языковыхъ ассоціацій.

§ 130. Итакъ мы видимъ, что „морфологическая ассимиляція" является безпрерывнымъ процессомъ, способствующимъ психической мобилизаціи /съ обнаруживаніемъ и восприниманіемъ или же безъ этихъ соціальныхъ процессовъ/ морфологическихъ цѣлыхъ или синтагмъ, свойственныхъ данному племенному языку или данному коллективно-индивидуальному мышленію.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ случается, что частное языковое творчество, называемое „морфологическою ассимиляціей", ведетъ не къ воспроизводству привычныхъ морфологическихъ цѣлыхъ, а къ созданію новыхъ, по другимъ, болѣе сильнымъ и преобладающимъ, морфологическимъ типамъ.

Доказательствомъ же реально-психическаго су-

ществованія и переносимости не только цѣльныхъ словъ, но и отдѣльныхъ морфемъ являются обмолвки, происходящія благодаря перестановкамъ или "неправильнымъ" сочетаніямъ по смежности. Примѣръ:

брык-ами ног-аетъ, морг-ами глаз-аетъ и верт-омъ хвост-итъ

вм. ногами брыкаетъ, глазами моргаетъ и хвостомъ вертитъ.

Вмѣсто свойственнаго такимъ "перестановкамъ" своеобразнаго психическаго сцѣпленія или ассоціаціи морфемъ по смежности, въ области морфологической ассоціаціи въ строгомъ смыслѣ этого слова мы замѣчаемъ проявленіе ассоціаціи по сходству и распространеніе болѣе сильныхъ по чему-либо, господствующихъ типовъ на типы менѣе сильные, пережиточные.

§ 131. Кромѣ морфемъ, состоящихъ изъ опредѣленной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непремѣнно тоже морфемы "нулевыя", т.е. лишенныя всякаго произносительно-слухового состава, и тѣмъ не менѣе ассоціируемыя съ извѣстными семасіологическими и морфологическими представленіями.

Такъ напримѣръ, слова домъ, столъ, возъ, прудъ, конь, край..., не смотря на ихъ видимую одноморфемность, надо непремѣнно считать двухморфемными, т.е. состоящими изъ основы опредѣленной произносительно-слуховой величины и изъ окончанія "нуль": dom-o, stol-o, voz-o, prud-o,

kon'-o, kraj-o ....,

где o символизуетъ собою морфему „нуль".

Въ морфемахъ dóm-a, stol-á, vóz-a, prud-á, kon'-á, kráj-a... представленіе „родительнаго" падежа ед.ч. ассоціируется съ морфемою á или á, въ выше названныхъ же формахъ dom, stol .... представленіе именит.пад.ед.ч.ассоціировано съ морфемою „нуль".

Въ формахъ vod-á, st'en-á, koz-á,... rыb-a, ńimv-a, š́ej-a ... съ морфемами á или a ассоціируется представленіе именит. пад. ед.ч. женскаго рода; представленіе же того же падежа и числа, но мужского рода, ассоціировано въ словахъ dom, stol .... съ морфемою „нуль".

Въ русскихъ глагольныхъ формахъ ńes-ó-t, v́ed'-ó-t, zov-ó-t..., v́el'-i-t..., xód'-i-t...,

въ украинскихъ /малорусскихъ/ xód-i-t', nósi-t'..., представленіе 3-го лица ед.ч. ассоціировано съ опредѣленнымъ произносительно-слуховымъ составомъ морфемы -t или -t'; въ польскомъ же ńeś-e (niesie), v́eź-e (wiedzie), zv́e (zwie) .... xoź-i-(chodzi) noś-i (nosi)., въ украинскихъ nes-é, ved-é.... то же представленіе ассоціировано съ морфемою „нуль".

Если вмѣсто прежнихъ русскихъ род.пад.ед.ч. ḿest - /мѣст/, d́el - /дѣл/.... появляются mest-ov /мѣстов/, d́el-óv /дѣлов/..., то нельзя утверждать, что раньше одночленное, одноморфем-

ное слово становится двучленнымъ, двуморфемнымъ, а только слѣдуетъ сказать, что морфема окончанія „нуль" замѣнена морфемою - *óv*, при сохраненіи прежней двучленности или двуморфемности.

§ 132. Укажемъ теперь нѣсколько случаевъ морфологической ассимиляціи, поведшей къ возникновенію новаго состава морфологическихъ цѣлыхъ или синтагмъ, благодаря подведенію ихъ подъ болѣе сильные, преобладающіе морфологическіе типы.

Въ прежнемъ русскомъ языкѣ дат. и мѣст.пад. ед.ч. отъ словъ жен.род.

струя, земля, свѣча, душа, межа, овца....., шея, воля, дача, лужа, ноша.... былъ: *struj-i'*, *zeml'-i'*, *sveč-i*, *duš-i'* *mež-i'*, *ovc-i'*...., *šéj-i*, *vól'-i*, *dáč-i*, *lúž-i*, *nóš-i*....,

мѣстн. же пад. ед.ч. отъ словъ муж.р.

конь, корабль, отецъ, конецъ, падежъ......, мѣсяцъ, мужъ, плачъ, край... былъ: *kon'-i'*, *korabl'-i'*, *otc-i'*, *konc-i'*, *padež-i'*...., *mésac-i*, *múž-i'*, *pláč-i*, *kráj-i*....

Это окончаніе *i* или *i'* /соотвѣтствующее праславянскому *ī*, т.е. *i* долгому, др.-цсл. И/, а не *e* или *e'* /соотвѣтст. праслав. *ē*, т.е. *e* долгому, др. цсл. Ѣ, „ять"/, находилось въ причинной связи съ послѣдними согласными основы, восходящими къ среднеязычнымъ /„мягкимъ"/.

Но затѣмъ и эти формы подверглись воздѣйствію болѣе частыхъ и, вслѣдствіе этого, въ своей совокупности болѣе сильныхъ и притягивающихъ формъ,

въ которыхъ основы оканчивались первоначально согласными, никогда не проходившими черезъ среднеязычность, въ родѣ

vod-é, stén-é,... ryb'-é (rimb'-e), nív-e...,
stol'-é, prud'-é..., vóz-é, nós-e.....

Такимъ образомъ вмѣсто выше названныхъ получились:

strуj-é, zeml'-é, sveč-é, duš-é, mež-é,
ovc-é...., šéj-e, vól'-e, dáč-e, lúž-e...nóš-e..
koń-é, korabl'-é, otc-é, konc-é, padež-é....,
mésac-e, múž-e, plač-e, kráj-e....

Здѣсь мы видимъ сохраненіе прежняго вида основы, но за то замѣну одного окончанія другимъ окончаніемъ.

Хотя, однакожъ, два прежде различныхъ типа склоненія уоднообразились теперь по окончанію, но они все таки не отожествились. Отношеніе между основами разныхъ падежей, съ точки зрѣнія морфологизованнаго различія среднеязычности и несреднеязычности, у нихъ неодинаковы:

Типъ склоненія, которому искони было свойственно окончаніе *e* или *é* /ѣ, „ять"/, представляетъ теперь психофонетическую альтернацію послѣднихъ согласныхъ основы. Съ окончаніемъ *e* связана среднеязычность этой послѣдней согласной основы; передъ всѣми же остальными окончаніями, со включеніемъ „нуля", мы замѣчаемъ несреднеязычность /„твердость"/ этой послѣдней согласной основы:

vod'-||vod-, st'en-||st'en-,
rúk'-||rúk-, núm'-||núm-....

Новому же типу, возникшему благодаря ассимиляціонному воздѣйствію того типа, т.е. благодаря замѣнѣ окончанія i или i' окончаніемъ e или e', чужда эти психофонетическая альтернація или корреляція со стороны среднеязычности. Послѣдняя согласная основы остается здѣсь во всѣхъ падежахъ одною и тою же:

j-, l'-, n-, r-, č-, š-, ž-, c-.....

§ 133. Другого рода исторію разсказываютъ намъ формы тѣхъ же падежей отъ словъ

рука, нога, соха..., скука, вьюга, утѣха...
волкъ, рогъ, духъ ....

Раньше были свойственны русскому языковому мышленію формы:

rúc-e /руцѣ/, noź-e /нозѣ/, soś-e /сосѣ/..
skúc-e /скуцѣ/, vjúz-e /вьюзѣ/, utéś-e /утѣсѣ/....

vólc-e /вольцѣ/, roź-e /розѣ/, dúś-e /дусѣ/....

Затѣмъ, подъ вліяніемъ господствующаго типа, въ которомъ послѣднимъ согласнымъ основы была свойственна морфологизація различія одного только произносительно-слухового элемента несреднеязычности /„твердости"/ или же среднеязычности /„мягкости"/, съ сохраненіемъ въ остальномъ все тѣхъ же произносительно-слуховыхъ элементовъ, т.е. подъ вліяніемъ типа съ послѣднимъ согласнымъ основы локализаціи

или губной, или же переднеязычной:

tolp- // tolp'- (толпа/толпѣ),
rimb- // rimb'- (рыба/рыбѣ),
sum- // sum'- (сума/сумѣ),
ńimv- // ńimv'- (нива/нивѣ),
plát- // plát'- (плата/платѣ),
vod- // vod'- (вода/водѣ),
žen- // žen'- (жена/женѣ),
kos- // kos'- (коса/косѣ),
koz- // koz'- (коза/козѣ),
smol- // smol'- (смола/смолѣ),
nor- // nor'- (нора/норѣ),

. . . .

pop- // pop'- (попъ / попа / попѣ),
dúb- // dúb'- (дубъ / дуба / дубѣ),
dimm- // dimm'- (дымъ / дыма / дымѣ),
ṕrimzimv- // ṕrimzimv'- (призывъ/призыва/призывѣ),
brát- // brát'- (братъ / брата / братѣ),
sud- // sud'- (судъ / суда / судѣ),
stán- // stán'- (станъ / стана / станѣ),
nós- // nós'- (носъ / носа / носѣ),
vóz- // vóz'- (возъ / воза / возѣ),
kol- // kol'- (колъ / кола / колѣ),
vór- // vór'- (воръ / вора / ворѣ)

. . . .

такая же морфологизація была проведена и въ основахъ, оканчивающихся заднеязычными согласными, съ устраненіемъ прежняго слишкомъ большого произносительно слухового разстоянія:

k- // c-, g- // z- x- // s-.

Такимъ образомъ вм. выше названныхъ появились формы, согласованныя съ общегосподствующимъ типомъ: ruk-e /рукѣ/ nog-e /ногѣ/, sox-e /сохѣ/..., skuk-e /скукѣ/, v'jug-e /вьюгѣ/, utex-e /утѣхѣ/... volk-e /волкѣ/, rog-e /рогѣ/, dux-e /духѣ/....

Въ отличіе отъ случая, разсмотрѣннаго въ § 132, здѣсь имѣемъ не замѣну одного окончанія другимъ окончаніемъ, а замѣну одного вида основы другимъ ея видомъ, подходящимъ подъ общегосподствующій типъ.

Кромѣ того, въ § 132 мы видѣли все таки сохраненіе различія типовъ, съ точки зрѣнія то мѣняемости, то немѣняемости согласной основы; здѣсь же констатируемъ полное отожествленіе морфологическихъ типовъ.

§ 134. Въ русскомъ языковомъ мышленіи прежнихъ временъ вмѣсто формъ повелительнаго /желательнаго/ наклоненія pec-i', sec-i', sterez-i'..., благодаря, съ одной стороны, тѣсной связи съ pek-u, pek-ut, sek-u, sek-ut, stereg-u, stereg-ut съ другой же, наличности типа психологическихъ отношеній nes-u/nes-i, ved-u/ved-i, zov-u/zov-i ..., появились формы pek-i /пеки/, sek-i /сѣки/, stereg-i /стереги/..., наслѣдуемыя по нынѣшнее время.

Точно такъ же по образцу отношеній nes-u/nes-o-, ved-u/ved-o-, zov-u/zov-o-..., гдѣ морфологизовано одно только различіе по дальше не-

разлагаемому произносительно-слуховому элементу среднеязычности /„мягкости"/ или несреднеязычности /„твердости"/, съ сохраненіемъ одинаковости всѣхъ остальныхъ элементовъ, появляются отношенія: ṕek-ú / ṕek-ó- (ṕek-o-š, ṕek-ó-t...) śek-ú / śek-ó-, b'eŕeg-ú- (b'eŕeg-ó-š, b'eŕeg-o-t....) вмѣсто отношеній ṕek-ú / ṕeč-ó- (печошь, печотъ)... śek-ú / śeč-ó- (сѣчошь, сѣчотъ ....) b'eŕeg-ú / b'eŕež-ó- (бережошь, бережотъ...)., гдѣ между фонемами k и č, g и ž слишкомъ большое разстояніе съ точки зрѣнія морфологизаціи, свойственной господствующему типу морфологическихъ отношеній въ этой частной области.

§ 135. Свойственныя „акающимъ" русскимъ говорамъ глагольныя формы ṕlåt'-i- (ṕlåt'-i-š, ṕlåt'-i-t....) śåd'-i-, på-dóŕ-i-.... вм. ṕlát'-i- (платишь, платитъ....) śád'-i- /садишь, садитъ.../, pådáŕ-i- /подаришь, подаритъ..../ обязаны своимъ происхожденіемъ какъ бы рѣшенію своеобразной пропорціи:

{xåd'-i'- : xåž-ú : xód-i- / nås'-i : nåš-ú : nós'-i-} =
....
= {ṕlåt'-i'- : ṕlåč-ú : x / śåd'-i'- : śåž-ú : x / dåŕ-i'- : dåŕ-ú : x}

x = plót'-i-, sód'-i-, dóż-i-.

Вмѣсто же tŕát'-i-, gád'-i-, lád'-i- /трати-, гади-, лади-/ нигдѣ не встрѣчаемъ tŕót'-i-, gód'-i-, lód'-i-.

Затѣмъ, подобнаго же рода рѣшеніемъ своеобразныхъ пропорцій:

ńes-ú : ńeś-ó- : ńeś-í : ńes-l-á : ńos- }
v́ez-ú : v́eź-ó- : v́eź-í : v́ez-l-á : v́oz } =

....

= t́ŕes-ú : t́ŕeś-ó- : t́ŕeś-í : t́ŕes-l-á : x;

{ ṕek-ú : ṕek-l-á .... : ṕok }
{ t́ek-ú : t́ek-l-á .... : t́ok } =

....

{ b́eg-ú : b́eg-l-á .... : x }
{ ṕŕeg-ú : ṕŕeg-l-á .... : x }

объясняется появленіе формъ

t́ŕas вм. t́ŕas /трясъ/,
-b́og вм. -b́eg /убѣгъ, убѣжалъ/,
-ṕŕog (za ṕŕóg) вм. -ṕŕag /zaṕŕag, запрягъ/.

§ 136. Всѣ подобнаго рода замѣны, - конечно, только въ тотъ моментъ, когда онѣ совершаются въ индивидуальныхъ психикахъ, - подводятся подъ понятіе „аналогіи" или морфологической ассимиляціи /морфологическаго уодноображенія/.

При этомъ не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ одного „звука" другимъ, одной фонемы другою. Здѣсь одинъ видъ цѣльной морфемы замѣняется другимъ ея

видомъ, болѣе подходящимъ подъ преобладающіе и господствующіе типы морфологическихъ отношеній. Все это, конечно, благодаря морфологизаціи извѣстныхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ.

§ 137. Нѣсколько другого рода процессъ представляетъ семасіологическая ассимиляція или т.н. „народная этимологія", „народное словопроизводство", т.е. осмысленіе словъ, неясныхъ въ своемъ морфологическомъ составѣ, лишенныхъ семасіологической ассоціаціи съ другими словами и вообще обособленныхъ, изолированныхъ. А между тѣмъ семасіологическая ассоціація или просто семасіологизація является насущною потребностью каждаго слова въ его цѣломъ и въ его морфологическихъ элементахъ.

Вслѣдствіе этого семасіологическая ассимиляція или семасіологическое уподобленіе задѣваетъ прежде всего слова, входящія въ данное языковое мышленіе со стороны, слова заимствуемыя, слова чужія. Но этотъ ассимиляціонный процессъ не ограничивается одними только заимствованными словами. Онъ касается всѣхъ безъ исключенія словъ непонятныхъ или мало понятныхъ, какого бы они происхожденія ни были съ точки зрѣнія объективной исторіи племенного языка. Здѣсь рѣшаетъ одно только субъективное отношеніе даннаго лица, для котораго то или другое слово лишено семасіологическихъ ассоціацій. Стало-быть, семасіологической ассимиляціи, съ измѣненіемъ ли произносительно-слухового состава, или же безъ таковаго измѣненія, под-

вергаются и слова иноязычнаго происхожденія или заимствуемыя, и слова исконно свои, но потерявшія семасіологическую связь съ другими словами, однимъ словомъ языковыя сироты, усыновляемыя тою или другою семасіологическою семьею.

§ 138. Непонятное въ своемъ составѣ слово ḿeb́el' /мебель/, благодаря прежде всего „мягкости" и вслѣдствіе этого ослабленію локализованной губной работы въ первой согласной фонемѣ, замѣняется словомъ ńeb́el' /небель/, разлагаемымъ морфологически на двѣ морфемы опредѣленнаго произносительно-слухового состава, ńe - b́el', ассоціируемыя семасіологически съ ńe /не/ и b́el // b́el' /бѣл-/, не говоря о третьей морфемѣ, морфемѣ „нуль" окончанія.

Нѣчто подобное происходитъ со словами:

řekrut /рекрутъ/ ⇒ ńe-krut,
egźekutor /экзекуторъ/ ⇒ śek-útor,
astronom /астрономъ/ ⇒ vastř-o-nóm
monopól'ja /монополья/, monopol'ka /монополька/ ⇒ nov-ŏ-pól'-j-a, nov-o-pol'-k-a,
или же vin-o-pól'-j-a, v́in-o-pól'-k-a;
řežim /режимъ/ ⇒ přim-žim...
d́iřižabl' /дирижабль/ ⇒ d́im-řim-žab-a
или d́eř-i-žáb-a...

§ 139. Сопоставляя слово муравей съ соотвѣтствующими ему словами другихъ славянскихъ языковыхъ мышленій и даже съ вошедшимъ въ русское языковое мышленіе церковнославянскимъ словомъ

мравіе , мы должны для этого слова предположить такой произносительно-слуховой составъ, писанно-зрительное изображеніе котораго, по правиламъ русскаго правописанія, было бы морове́й .

Ср. градъ / городъ, здоров- / здрав-, прах- / порохъ, ворот- / врат-..... [см. § 110] .

Но, по „законамъ" фонетическаго или произносительно-слухового построенія русскихъ словъ, со стороны ударенія и разныхъ уровней выразительности русскихъ гласныхъ /§ 79/, это слово должно было обнаружиться какъ

mərȧvéj,

съ совершенно ослабленнымъ, лишеннымъ всякой выразительности гласнымъ въ первомъ слогѣ.

Къ тому же это слово, со стороны семасіологическихъ ассоціацій, являлось вполнѣ обособленнымъ. Не было словъ ему „родственныхъ" съ яснымъ, ибо ударенпымъ, гласнымъ о въ первомъ слогѣ, въ родѣ того, какъ для vərȧtít /воротить/ имѣется vórət /воротъ/. Слѣдовательно, оно легко могло сдѣлаться семасіологической добычей словъ, близкихъ по произносительно-слуховому составу и не совсѣмъ чуждыхъ по семасіологическимъ ассоціаціямъ.

Такимъ ассимилирующимъ и притягивающимъ слово mərȧvéj словомъ явилось murȧvá /мурава/, въ первомъ слогѣ котораго имѣется самая устойчивая гласная фонема u , сохраняющая и на низшемъ уровнѣ свою обособленность. Посредствующимъ же семасіологическимъ звеномъ было смутное представленіе, что

муравей ходитъ по муравѣ.

§ I40. Произносительно-слуховую или фонетическую аналогію къ семасіологической ассимиляціи

məravʹéj ⇒ muravʹéj.

представляетъ въ области морфологической ассимиляціи замѣна морфемы 3 лица множ.числа -ət /-ят, -ат/ морфемою -ut:

stójət /стоятъ/, strójət /строятъ/,
kópʹət /копятъ/, xódʹət /ходятъ/,
nósʹət /носятъ/, vʹídʹət /видятъ/,
pómnʹət /помнятъ/.....

⇒ stój-ut, strój-ut, kópʹ-ut,
xódʹ-ut, nósʹ-ut, vʹídʹ-ut, pómnʹ-ut...

Вмѣсто же vʹelʹ-át /велятъ/, branʹ-át /бранятъ/, vʹisʹ-át /висятъ/, grǻz-át/грозятъ/, kʹríč-át /кричатъ/...... нигдѣ не встрѣчаемъ vʹelʹ-út, branʹ-út, vʹisʹ-út, grǻz-út, kʹríč-út...

§ I4I. При морфологической ассимиляціи /„аналогіи"/ расчлененіе слова на морфемы готово,по части ассоціацій съ представленіями семасіологическими или по части семасіологизаціи все въ порядкѣ,и только одна вполнѣ опредѣленная морфема /со включеніемъ морфемы „нуль"/ замѣняется другою:

sʹímn-u ⇒ sʹímn-a /сына/,
dʹel-óm ⇒ dʹel-ám /дѣламъ/,
góstʹ-i ⇒ góstʹ-a /гостя/,
dnʹ-e ⇒ dnʹ-i, dnʹ-e или dnʹ-i ⇒ dnʹ-a /дня/,
tʹétʹ-a ⇒ tʹótʹ-a /тетя/,

b́éŕéź-e ⇒ b́éŕóź-e /березѣ/,
ṕeć-í ⇒ ṕek-í /пеки/,
ṕeč-ó-t /печотъ/ ⇒ ṕek-ó-t
plát́-i-t /платитъ/ ⇒ plót́-i-t
tŕas /трясъ/ ⇒ tŕos.......

Народное же осмысленіе или семасіологическая ассимиляція оживляетъ малопонятное и непріуроченное къ наличнымъ группамъ словъ слово черезъ сообщеніе ему кое какъ осмысленной морфологической дѣлимости:

ḿéb́el' /мебель/ ⇒ ńé-b́el'
ŕékrut /рекрутъ/ ⇒ ńé-krut
egźekútor /экзекуторъ/ ⇒ śek-útor
ŕežím /режимъ/ ⇒ ṕri-žím
ŕevolv́ér /револьверъ/ ⇒ ŕebr-o-dór
d́emokrát /демократъ/ ⇒ dam-o-krád
morov́ej ⇒ mŕav́ej ⇒ muráv́ej /муравей/.

Глава 13.

Дополнительная.

§ 142. А. Различеніе понятій.

Необходимо строго различать понятія и не смѣшивать понятій изъ разныхъ областей нашего мышленія: мышленія языкового, мышленія языковѣднаго или лингвистическаго и мышленія вообще. М.пр.

Ассоціацію по смежности, по сосѣдству, по рядамъ отличать отъ ассоціаціи по сходству, по группамъ. Ср. §§ 43-46.

2. Письмо или писанно-зрительный языкъ отличать отъ языка произносительно-слухового или отъ языка /рѣчи человѣческой/ въ строгомъ смыслѣ этого го слова.

См. Б.-де-К. Отв.

3. Въ самомъ писанно-зрительномъ языкѣ отличать его элементы, основанные на ассоціаціяхъ съ представленіями произносительно-слуховыми, отъ элементовъ, опредѣляемыхъ ассоціаціей съ представленіями морфологическими и семасіологическими.

Письмо „звуковое" отличать отъ письма идеографическаго.

4. Произносительно-слуховую сторону языкового мышленія, языкового обнаруживанія и языкового восприниманія отличать отъ стороны морфологическаго расчлененія и отъ стороны ассоціацій семасіологическаго характера.

5. Реально-психическое существованіе и безпрерывную продолжаемость индивидуальнаго языкового мышленія отличать отъ проходящаго обнаруживанія языковыхъ представленій, отъ воспринимамія того, что при этомъ происходитъ во внѣшнемъ, внѣязыковомъ мірѣ и, наконецъ, отъ возбужденія этимъ путемъ соотвѣтственныхъ ассоціацій въ психикахъ воспринимающихъ.

6. Лично-психическую сторону языка отличать отъ его стороны соціальной, общественной.

7. Антропологическую сторону произносительно-

слухового языка, какъ характеристическій признакъ человѣческаго рода, въ отличіе отъ прочихъ животныхъ, отличать отъ его стороны, ассоціируемой съ семасіологическими и морфологическими представленіями.

§ 143. 8. Объективное языковое мышленіе, происходящее въ душевномъ, психическомъ мірѣ точно такъ же, какъ пищевареніе или же кровообращеніе происходитъ въ мірѣ физіологическомъ, отличать отъ научнаго языковѣднаго /лингвистическаго/мышленія, происходящаго, правда, тоже въ мірѣ психическомъ, но при непремѣнномъ условіи научнаго освѣщенія и научной цѣлесообразности.

„Введеніе въ языковѣдѣніе", какъ подготовительная дисциплина для занятій лингвистическими вопросами, должно преслѣдовать двѣ задачи:

I/ пріучить осознавать языковое мышленіе и наблюдать его обнаруживаніе и восприниманіе;

2/ ознакомить съ методами и задачами языковѣднаго /лингвистическаго/ мышленія и вообще насадить его основные элементы въ головахъ слушателей или же читателей.

9. Въ связи съ этимъ надо отличать причинность индивидуальную, психически-физіологическую, въ связи, съ одной стороны, съ постоянно происходящими соціальными процессами взаимнаго общенія, подражанія и преемственности, съ другой же стороны въ связи съ законами физическаго міра, отъ причинности исторической.

10. Въ связи съ этимъ надо различать въ общемъ двоякую морфологическую дѣлимость языкового мышленія /т.е. рѣчи человѣческой/ или его разложеніе на дальше недѣлимые морфологическіе элементы /морфемы/. Напримѣръ, русскія слова овца, самка, танецъ, человѣкъ, чинъ, читать, цѣна, острый, мудрый, пестрый, мѣна, обуть, взять, вынуть, общій, простой и т.д. иначе распадаются на морфемы съ точки зрѣнія простого языкового мышленія даннаго времени, а иначе при свѣтѣ лингвистическаго мышленія, основывающагося на сравненіи языковъ и на исторіи языка вообще.

11. Точно такъ же иначе укладываются альтернаціи морфемъ въ простомъ языковомъ мышленіи, а иначе въ умѣ человѣка, знакомаго съ исторіей языка и сравнивающаго какъ настоящее съ прошлымъ, такъ и разные „родственные" языки.

Въ русскихъ словахъ вожу / возить...., ражу / разить...., вожу / водить, хожу / ходить.... простое языковое мышленіе опредѣляетъ альтернаціи

ž // z , ž // d ,

лингвистическое же мышленіе:

z // zi , z // di .

§ 144. Б. Терминологія. Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ.

1. Термины, касающіеся отношенія между письмомъ и языкомъ или между языкомъ писанно-зрительнымъ и языкомъ произносительно-слуховымъ.

Фонема - соединеніе нѣсколькихъ дальше [illegible]

ложимыхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ /кинемъ, акусмъ, кинакемъ/ въ одно единое цѣлое благодаря одновременности всѣхъ соотвѣтствующихъ работъ и ихъ частныхъ результатовъ.

Кинема - съ точки зрѣнія языкового мышленія, дальше неразложимый произносительный или фонаціонный элементъ, напр. представленіе работы губъ, представленіе работы мягкаго неба, представленіе работу средней части языка и т.д..

Акусма - съ точки зрѣнія языкового мышленія, дальше неразложимый акустическій или слуховой /аудиціонный/ элементъ, напр. представленіе мгновеннаго шума, получаемаго отъ взрыва между сжатыми произносительными органами, представленіе акустическаго результата работы губъ вообще, представленіе носового резонанса и т.д.

Кинакема - соединенное представленіе кинемы и акусмы въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря кинемѣ получается и акусма. Напр.кинема губъ вмѣстѣ съ губнымъ акустическимъ оттѣнкомъ составляетъ кинакему губности; но кинема сжатія или смычки органовъ исключаетъ въ данный моментъ акусму, получаемую только въ моментъ взрыва, какъ прекращенія смычки. Стало-быть, въ первомъ случаѣ,при кинакемѣ, кинема и акусма находятся въ отношеніи совмѣстности, во второмъ же случаѣ онѣ другъ друга исключаютъ. Точно такъ же можно говорить о кинакемѣ дрожанія голосовыхъ связокъ гортани; но между кинемою работы мягкаго неба и акусмою носо-

вого резонанса мы констатируемъ отношенie взаимнаго исключенiя: когда мягкое небо работаетъ, т.е. поднимается и закрываетъ воздуху входъ въ носовыя полости, нѣтъ акусмы носового резонанса, и наоборотъ.÷/

Звукъ языка - акустическiй результатъ мгновеннаго, преходящаго обнаруживанiя существующей въ индивидуальной психикѣ фонемы.

„Мягкость" и „твердость" согласныхъ. См. §§ 59, 63, 70, 92, 93 - 95. Предостерегаю передъ соблазномъ смѣшивать „мягкость" согласныхъ и вообще „фонемъ" съ мягкимъ небомъ. Фактически существующее мягкое небо, мягкость котораго опредѣляется осязанiемъ, не имѣетъ никакого отношенiя къ переносному, метафорическому примѣненiю термина „мягкость" къ обозначенiю одного изъ составныхъ ныхъ элементовъ извѣстнаго рода фонемъ.

Графема - представленiе простѣйшаго, дальше недѣлимаго элемента письма или писанно-зрительнаго языка.

Буква - остающiйся во внѣшнемъ мiрѣ оптическiй результатъ обнаруживанiя существующей въ индивидуальной психикѣ графемы.

Морфема - дальше недѣлимый, дальше неразложимый морфологическiй элементъ языкового мышленiя. Этотъ терминъ является родовымъ, объединяю-

---

÷/ На термины „кинема", „акусма", „кинакема" можно пока не обращать вниманiя.

щимъ для частныхъ, видовыхъ понятій въ родѣ корень, префиксъ, суфиксъ, окончаніе и т.п.. Считать подобный терминъ лишнимъ это тоже самое, что считать лишнимъ объединяющій терминъ „дерево" и довольствоваться частными названіями: „дубъ", „береза", „ель", „ива" и т.д..

Хотя дальше неразложимымъ живымъ морфологическимъ элементомъ является морфема, ассоціируемая въ своемъ цѣломъ съ извѣстною группою морфологическихъ и семасіологическихъ представленій, но тѣмъ не менѣе, какъ указано въ §§ II9 - I27, и отдѣльные входящіе въ составъ произносительно-слухового цѣлаго недѣлимой морфемы произносительно-слуховые элементы /кинемы, акусмы, кинакемы/ /до нуля включительно/ и ихъ сочетанія могутъ семасіологизоваться и морфологизоваться.

Синтагма - слово, какъ морфологическій элементъ болѣе сложнаго морфологическаго цѣлаго, т.е. фразы или предложенія.

См. еще §§ 7, 8, II, I3, I6, 36, 39 и Б.-де-К. Отн. § I45.2.

Другіе термины.

Иннервація - нервное возбужденіе мускула, заставляющее его сокращаться и вообще двигаться.

Рифма - созвучіе произносительно-слуховыхъ концовъ словъ, начиная съ извѣстнаго мѣста, обыкновенно съ акцентованной /ударенной/ гласной фонемы.

Ритмъ - извѣстный распорядокъ произноситель-

но-слуховыхъ частей рѣчи /слоговъ, произносимыхъ словъ и т.п./, производящій впечатлѣніе правильно, періодически повторяющихся повышеній и пониженій, усиленій и ослабленій, удлиненій и сокращеній /долготъ и краткостей/.

Аллитерація - сочетаніе словъ, созвучныхъ не по своему произносительно-слуховому концу, какъ въ рифмѣ, а только по своему началу, т.е. словъ, начинающихся съ одинаковыхъ согласныхъ или съ однихъ только гласныхъ. Напр. поп Павелъ пытался...

Рифма, ритмъ и аллитерація подходятъ всѣ вмѣстѣ подъ понятіе ассонаціи или созвучности, обусловленной тѣмъ, что слова и выраженія ассоціируются, путемъ ассоціаціи по сходству, не только по одинаковымъ морфологическимъ элементамъ, но тоже по своему произносительно-слуховому составу.

§ 146. Гомонимы - одинаковыя по данному составу цѣлыя, подлежащія различному толкованію, т. е. ассоціируемыя съ различными группами инородныхъ представленій.

Такъ напр. произносимыя русскія слова dam, våžú, v́eĺi, plač, rot, mir .... гомонимы, ибо они, при ассоціаціи съ представленіями семасіологическими и морфологическими различно толкуются.

da-m (дамъ) / дать, дашь..... и
dam (дамъ) / дама женщина ....
våž-ú (вожу) : 1)/возить, 2) /водить;
v́eĺ-i' (вели) / велѣть, и
v́eĺ-i' (вели) / велъ, вести, веду .....
plač (плач) : 1) существ.плачъ; 2/ 2 л.

повелит. плачь;

rot : I) rot / rta (ротъ, рта) ;
2) rot (rod) / ró da (родъ, рода) .....

Какъ видимъ, различное семасіологическое толкованіе сопряжено очень часто съ различною морфологическою дѣлимостью: da-m / dam-; vél-i' / vé-l'-i' .....

Затѣмъ, это различное семасіологическое толкованіе можетъ отражаться въ написаніи: плачъ / плачь; ротъ / родъ ...., миръ / міръ ....

Гомонимныя написанія гости, полка, сучка, сестры, бороды, пугала ...., при ассоціаціи съ семасіологическими, морфологическими и, наконецъ, фонетическими /произносительно-слуховыми/ представленіями, толкуются различно: gós't'-i | gås't'-i', pól-k-a | pålk-á, súč-k-a | suč-k-á, sestr-ím | sóstr-im, bərâd-ím | bórəd-im, pug-ə-l-a | pug-å-l-á | pug-á-l-a.

Гомонимными являются русскія графемы или представленія буквъ, толкуемыя различно путемъ ассоціацій съ представленіями не только произносительно-слуховыми, но тоже семасіологическими и морфологическими. Напр.

г : гора, нога...., господь, бога, благо..., того, добраго .....

е : ель, елка, падежъ / падежъ (падёжъ), смерть, смертный, мертвый....,

вообще всѣ графемы гласныхъ, ввиду ихъ мѣны, сообразно съ ударяемостью слова, по разнымъ уров-

нямъ, да кромѣ того графемы согласныхъ /кромѣ ч, ш, ж, щ, ц/, благодаря тому, что онѣ не указываютъ всѣхъ свойствъ фонемы и опредѣляются окончательно, въ этомъ отношеніи, только слѣдующею графемою: ла / ля, бы / би, су / сю, то / те .... См. §§ 92, 93.

§ 147. Наоборотъ, синонимы это различныя по составу цѣлыя, черезъ ассоціацію съ инородными представленіями получающія сходное /но не вполнѣ одинаковое/ толкованіе. Таковы напр. слова лгать и врать, прыгать и скакать, говорить и болтать и сказывать, шалить и играть и веселиться и гулять, юноша и молодой человѣкъ, балъ и пиръ.....

Понятіе синонимности, примѣняемое къ различнымъ произношеніямъ, толкуемымъ черезъ написаніе, къ различнымъ написаніямъ, толкуемымъ черезъ произношеніе, къ различнымъ графемамъ, ассоціируемымъ съ одинаковыми произносительно-слуховыми представленіями, понятіе синонимности во всѣхъ такихъ случаяхъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что здѣсь уже имѣемъ дѣло не со сходствомъ, а съ одинаковостью, тожественностью толкованія. Такъ напр.

произносимыя pad'éš и pad'óš, ńébo и ńóbo ...... получаютъ въ написанію одинаковое толкованіе: падежъ, небо;

написанныя ротъ и родъ, есть и ѣсть, миръ и міръ.... получаютъ въ произношеніи одно толкованіе: rot, jést, ḿir.....

Въ этомъ смыслѣ синонимны графемы: ѳ и ф, и

и i, е и ѣ....

§ 148. Гаплологія /haplologia/ - означаетъ обнаруженіе только одинъ разъ того, что должно бы собственно повториться, т.е. обнаружиться подъ рядъ два раза, такъ какъ оно принадлежитъ одинаково и предшествующему и слѣдующему цѣлому. Такъ напр. въ дрцсл. ПРИТИ графема И перваго слога подходитъ подъ это понятіе: если закрыть, т.е. устранить съ поля сознанія, конечное ТИ, получится предлогъ ПРИ; если же закрыть начальное Пр, получится глаголъ ИТИ. Въ словѣ трагикомическій слогъ ко принадлежитъ одинаково двумъ частямъ этого сложнаго слова: закрывъ мическій, получаемъ трагико; закрывъ же траги, получаемъ комическій. Полный составъ этого слова долженъ бы быть: трагико-комическій.

Факультативность - возможность появиться, но не необходимость. Вообще человѣку, пріобщенному посредствомъ языка къ тому или другому человѣческому коллективу и носящему въ своей головѣ извѣстное языковое мышленіе, свойственна факультативность обнаруживанія этого языковаго мышленія: онъ можетъ говорить /а если грамотенъ, то и писать/, но онъ можетъ этого и не дѣлать.

То же самое касается отдѣльныхъ языковыхъ элементовъ. Окончанію творит. пад. ед. ч. жен. рода - oju - / -ою, -ею/ свойственна въ языковомъ мышленіи грамотнаго русскаго и конечная фонема - u, но она можетъ вовсе не обнаруживаться, такъ что вы-

ходитъ во внѣшній міръ и воспринимается только - oj (_женою_ / _женой_, _рыбою_ / _рыбой_)...., конечно, съ свойственнымъ ослабленіемъ на низшемъ уровнѣ произношенія, т.е. при неударяемости.

Слова _бабушка_, _здравствуйте_ ... мыслятся въ своемъ полномъ произносительно-слуховомъ составѣ; но нѣкоторые, слабѣе семасіологизованные и слабѣе морфологизованные элементы могутъ вовсе не обнаруживаться, такъ что обыкновенно воспринимается нѣчто такое, что, по свойственнымъ русскому языковому мышленію ассоціаціямъ произносительно-слуховыхъ представленій съ представленіями писанно-зрительными, должно получить въ написаніи обликъ: _баушка_, _здрасте_ ....

Факультативность констатируется и въ области письма, именно при сокращеніяхъ. Въ нашей психикѣ живетъ полный писанно-зрительный обликъ такихъ словъ и выраженій, какъ _можетъ быть_, _бывшій_, _такъ какъ_, _такъ называемый_, _сего года_ ...., а однакожъ ихъ полное написаніе является только факультативнымъ, и мы довольствуемся сокращеніями: _м.б._, _т.к._, _т.н._, _с.г._.

Этой факультативности обязаны своимъ происхожденіемъ т.н. „титлы", примѣняемые въ памятникахъ письма къ написанію словъ часто употребляемыхъ и легко воспроизводимыхъ даже при сокращенномъ написаніи.

Глава 14.

Объяснительная и дополнительная
/частью вмѣсто „Предисловія"/.

§ 149. Эти литографированныя лекціи были составлены первымъ изданіемъ еще въ 1908 г. на скорую руку и, такъ сказать, подъ давленіемъ со стороны слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Поэтому онѣ вышли весьма неудовлетворительными. Многое въ нихъ не досказано, не развито какъ слѣдуетъ; за то на другіе вопросы потрачено, можетъ быть, даже слишкомъ много времени.

Затѣмъ онѣ переиздавались нѣсколько разъ почти безъ всякихъ измѣненій. Я ихъ не хотѣлъ больше издавать, мечтая о составленіи книги по „введенію въ языковѣдѣніе", обработанной какъ слѣдуетъ и удовлетворяющей прежде всего меня самого. Къ сожалѣнію, обстоятельства и условія моей жизни таковы, что они парализуютъ мою научную дѣятельность и заставляютъ меня отказываться отъ такой роскоши, какъ составленіе и обнародованіе настоящихъ научныхъ сочиненій. Такъ я и ограничиваюсь до сихъ поръ одними только мечтами и благими намѣреніями.

Въ интересахъ сдающихъ экзаменъ по „введенію въ языковѣдѣніе", я долженъ переиздавать эти лекціи. Переиздаю же я ихъ, въ сравненіи съ первоначальной редакціей въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Съ 1-ой главы по 9-ую главу включительно /§§ 1-117/ я сохранилъ первоначальную редакцію, съ незначитель-

ными лишъ измѣненіями, сокращеніями и прибавленіями.

Но затѣмъ, начиная съ 4-го изданія, я прибавилъ нѣсколько новыхъ главъ, 10-13 /§§ 118-148/, считая ихъ желательными какъ для приготовляющихся къ экзамену по „введенію въ языковѣдѣніе", такъ и для желающихъ расширить свой кругозоръ въ области языковѣдѣнія вообще.

Глава 10-я /§ 118/ имѣетъ въ виду чисто практическую цѣль, дать образцы того, какъ слѣдуетъ справляться съ задачею „транскрипціи", требуемой отъ экзаменующихся.

Двѣ слѣдующія главы, 11-я /§§ 119-127/ и 12-я /§§ 128-141/, даютъ сжатое изложеніе лингвистическихъ вопросовъ первостепенной важности, вопросовъ, отвѣтовъ по которымъ можно требовать и отъ экзаменующихся по „введенію въ языковѣдѣніе".

Полагаю, что и 13-я глава /§§ 142-148/ окажется нелишней и поможетъ разбираться въ нѣкоторыхъ частностяхъ изложенія лекцій. Она является какъ бы извлеченіемъ изъ „Энциклопедическаго словаря" /но только не въ алфавитномъ порядкѣ/.

Конечно, и эти главы, и даже предшествующія слѣдуютъ другъ за другомъ не въ надлежащемъ порядкѣ. Если бы я составлялъ книгу по этому предмету, и порядокъ главъ и изложеніе многихъ частностей приняли бы другой видъ, болѣе соотвѣтствующій методологическимъ требованіямъ.

---

§ 150. Въ связи съ этимъ „курсомъ" находится и составленный мною:

<u>Сборникъ задачъ</u> по "введенію въ языковѣдѣніе", по преимуществу примѣнительно къ русскому языку. С.Петербургъ 1912.

„Сборникъ задачъ" является собственно главнымъ руководствомъ какъ при основательномъ изученіи предмета, такъ и при подготовленіи къ экзамену.

Въ „Сборникѣ задачъ" можно считать лишними или, по крайней мѣрѣ, не обязательными для экзамена слѣдующіе №№ /хотя, впрочемъ, они содержать въ себѣ большею частью общеобязательное/:

45 - 54, 56 - 58, 59 - 60, 65, 94, 95 - 96, 136 - 137, 142, 144, 166 /только послѣдній абзацъ/, 184, 215 /вторая половина/, 224, 229, 230, 231, 238; 293, 306, 307, 319, 326, 327, 334.

Затѣмъ, слѣдуетъ помнить, что въ „Сборникѣ задачъ" № 28 имѣетъ непосредственное отношеніе ко всѣмъ предшествующимъ №№-мъ, 1-27, равно какъ и къ слѣдующимъ №№-амъ того же отдѣла, 29 - 38, и тѣсно съ ними связанъ; №№ - 171 и 170 составляютъ одно цѣлое, равно какъ и №№ 189 и 190.

Кромѣ того надо имѣть въ виду то, что сказано въ самомъ „Сборникѣ задачъ", въ „Послѣсловіи" на стр. 91 - 93.

Необходимымъ пополненіемъ моего „Курса" и прежде всего главы 8-ой /§§ 84 - 95/, является моя книжка

Объ отношенiи русскаго письма къ русскому языку. Изд. журнала „Обновленiе школы" С.Петербургъ 1912.

§ 151. Само собою разумѣется, что можно пользоваться тоже общими сочиненiями по языковѣдѣнiю, поименованными въ „Объясненiи сокращенiй и знаковъ" /§ 154/, т.е. сочиненiями В. А. Богородицкаго, Н. В. Крушевскаго, Д. Н. Кудрявскаго, С. М. Кульбакина, В. К. Поржезинскаго, Э. Рихтеръ, А. И. Томсона, Д. Н. Ушакова, М. Р. Фасмера /только литографированный курсъ/. Существуетъ литографированный курсъ по „введенiю въ языковѣдѣнiе" С. К. Булича, но мнѣ не пришлось съ нимъ ознакомиться.

По нѣкоторымъ изъ этихъ сочиненiй можно пополнить отдѣлы общаго языковѣдѣнiя, пропущенные въ моемъ собственномъ курсѣ.

Указанiе, какъ пользоваться этими „лекцiями".

§ 152. Желательно, конечно, прочтенiе и сознательное, критическое усвоенiе всего здѣсь изложеннаго, и еще болѣе желательно умѣнiе примѣнять свое пониманiе къ рѣшенiю конкретныхъ задачъ, помѣщенныхъ м. пр. въ Б.-де-К. Зад.. Но, съ практической точки зрѣнiя, надо имѣть въ виду лицъ, смотрящихъ на эти „Лекцiи" только какъ на пособiе, облегчающее имъ отбытiе экзаменацiонной повинности. Для такихъ лицъ даются слѣдующiя указанiя:

Къ „историчкамъ", обязаннымъ сдавать „дополнительный экзаменъ" тоже по „веденiю въ языковѣдѣнiе",

предъявляются минимальныя требованія:

усвоить себѣ пониманіе отношенія между письмомъ и языкомъ, въ связи съ этимъ умѣніе пользоваться „научною транскрипціей" при письменной передачѣ произносимыхъ русскихъ словъ, затѣмъ умѣніе дѣлить слова на фонемы и морфемы, умѣніе разобраться въ таблицахъ русскихъ фонемъ согласныхъ и гласныхъ, умѣніе разлагать фонемы на далѣе недѣлимые произносительно-слуховые элементы, умѣніе рѣшать задачи изъ „Б.-де-К. Зад.", касающіяся ассоціаціонныхъ связей между русскими графемами и русскими фонемами, пониманіе ученія объ альтернаціяхъ или чередованіяхъ и рѣшеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ относящихся сюда задачъ.

Во всякомъ случаѣ и „историчкамъ" рекомендуется, въ дополненіе къ „курсу", проштудировать мою книжку „Б.-де-К. Отн.".

При полныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ „филологичкамъ" разныхъ толковъ, надо собственно прочесть, понять и усвоить основательно весь курсъ хотя, конечно, можно сосредоточиться лишь на нѣкоторыхъ отдѣлахъ, ограничиваясь относительно другихъ только общимъ пониманіемъ сущности содержащихся въ нихъ вопросовъ. У кого нѣтъ вовсе математическихъ способностей, тотъ освобождается отъ знакомства съ „формулой русской графики" /§§ 93-95/ и отъ рѣшенія № 122 въ „Б.-де-К. Зад.".

Совѣты, къ руководству для всѣхъ.

I/ Не осиливать себя, т.е. не гоняться за недостижимымъ, въ тѣхъ мѣстахъ курса, которыя должны быть недоступны пониманію уже по тому одному, что въ головѣ нѣтъ подходящаго матеріала, т.е. значенія не-русскаго языка /точнѣе, не-русскаго языкового мышленія/, изъ котораго приводятся примѣры /хотя я вообще не-русскими языками не злоупотребляю/. Такъ напримѣръ, въ § I4 можно оставить безъ вниманія примѣры изъ писанно-зрительнаго языкового мышленія польскаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, въ связи съ соотвѣтствующимъ мышленіемъ произносительно-слуховымъ, если изучающій не имѣетъ объ нихъ никакого понятія.

2/ Никогда не зубрить безсмысленно, не заучивать наизусть, а только стремиться къ пониманію, къ пониманію и еще разъ къ пониманію. Если чего либо не понимаете, оставьте безъ изученія до тѣхъ поръ, пока не получите объясненія или отъ понявшаго, или же отъ автора этихъ „Лекцій".

3/ Прежде чѣмъ приступить къ чтенію „Лекцій", надо исправить „описки" /опечатки/, если таковыя окажутся.

---

§ I53. Какъ уже сказано, чтеніе одного курса я считаю недостаточнымъ. Необходима провѣрка знанія и пониманія путемъ рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ Б.-де-К.Зад.

Для облегченія укажу, съ какими §§-ами курса

равно какъ и книжки „Б.-де-К.Отн." находятся въ связи отдѣльные №№ этого „Сборника задачъ".

Б.-де-К. Зад. Часть I. №№	Б.-де-К. Вв. §§	Б.-де-К.Отн. §§
А. I - 38.	5 - 30, 96	
Б. 39 - 44.	5, 6, 7.	
В. 45 - 58.	I6, 85, 87, 9I, I42.	I - 35.
Г. 59 - 62.	7, 8, 3I - 39,40 -42,43-44, 87, 88.	36, 84, 90 - 99.
Д. 63 - 94.	I7 - 26, 45-46, 47 - 53, 54 - 83, 89.	I3, 4I, 49, 67, 74 - 77, 85.
Е.I.95-II0.	9, I0,I5, I7, I8, 20, 29, 30, 33, 40 - 42, 56, 84, 85 - 92.	I - 35, 36 - 6I,I0I-I08.

Б.-де-К. Зад.	Б.-де-К. Вв.	Б.-де-К. Отв.
Часть I. №№	§§	§§
Е.II.III-I22.	64, 84, 92 - 95.	36, 62 - 73.
Е.III.I23-I3I.	40-42,84,92.	36, 74 - 89.
Е.IV.I32-I45.	35 - 38, 56, 59, II8.	66, 9I.
Е.V. I46-I48.	6.	92 - I00.
Ж. I49 - I69.	96 - II7.	22 - 27, 50, 99.
З. I70 - I84.	62, 63, 64, 79,I09,II2, II5,II6,II9-I27.	36.
И. I85 - I86.		
I. I87 - I88.		

Б.-де-К. Зад.	Б.-де-К. Вв.	Б.-де-К. Отн.
Часть I. №№	§§	§§.
К. I89 - 230.	I06,I07,I28-I4I.	
Л. 23I - 239.	II3-II7,I2I.	

Часть II. №№

293 - 302 - тѣ же §§, что для Д. 63 - 94.
Е. 95 - I45.

303 - 308 - тѣ же §§, что для Г. 59 - 62.
Е. 95 - I45.

309 - 3I0 - тѣ же §§, что для В. 45 - 58.

3II - 3I4 - тѣ же §§, что для Д. 63 - 94.
Е. 95 - II0, I23 - I3I.

3I5 - 320 - тѣ же §§, что для Г. 59 - 62.

32I - 326, 328 - тѣ же §§, что для Ж.I49 - I69.

327 - Б.-де-К. Вв. §§ I46 - I47.

329 - 332, - тѣ же §§, что для К.I89 - 230.

333 - тѣ же §§, что для Л. 23I - 239.

334 - тѣ же §§, что для Е. 95-I3I, I.45-58.

335 - тѣ же §§, что для З. 170 - 184.

336 - 337 - тѣ же §§, что для В.45-58.

§ 154. Объясненіе сокращеній и знаковъ. Заглавія книгъ, статей и литографированныхъ изданій.

Б.-де-К. Вв. = И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Введеніе въ языковѣдѣніе /этотъ литографированный курсъ/.

Б.-де-К. Отн.= И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Объ отношеніе русскаго письма къ русскому языку. Изд. журнала „Обновленіе школы". С.Петербургъ 1912 г.

Б.-де-К. Зад.= И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Сборникъ задачъ по „введенію въ языковѣдѣніе", по преимуществу примѣнительно къ русскому языку. С.Петербургъ 1912.

Б.-де-К. Яз. = И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: 1/ Языкознаніе. 2/ Языкъ и языки. /Энциклоп.Словарь Брокгауза и Ефрона. Спб.XLI. 1904/.

Бог. Гр.[3] = В. А. Богородицкій: Общій курсъ русской грамматики. Изд. 3-е, значит. дополн..Казань, 1911.

Бог. Л.[2] = В. А. Богородицкій: Лекціи по общему языковѣдѣнію. Изд. 2-ое. Казань. 1915.

Бог. Оч.[3] = В. А. Богородицкій: Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Изд.3-е, пересм.и испр. Казань. 1910.

Бул. Лек. = С. К. Буличъ: Лекціи по сравнительно-исторической фонетикѣ русскаго и старосла-

вянскаго языковъ. Выпускъ I и II. С.Петербургъ. 1903. На правахъ рукописи.

Бул. Энц. = Статьи С. К. Булича въ „Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Ефрона."

Круш. Оч. = Очеркъ науки о языкѣ. Н. Крушевскаго. Казань. 1883.

Кудр. Вв. = Д. Н. Кудрявскій: Введеніе въ языковѣдѣніе. Юрьевъ /Дерптъ/. 1912.

Кульб. Яз. = С. М. Кульбакинъ: Языкъ и языки. /Популярный очеркъ/. Москва. 1911.

Порж. Вв. = Введеніе въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ В. Поржезинскаго. Изд. 2-е. Москва. 1907.

Порж.Элем. = Проф. В. Поржезинскій: Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. Москва. 1910.

Рихт. = Э. Рихтеръ: Какъ мы говоримъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Л.В.Щербы. Спб. 1913. /Библіотека знанія/.

Томс. Яз.^{2} = А. И. Томсонъ: Общее языковѣдѣніе. Второе перераб.и дополн.изд.,Одесса.1910.

Уш. Вв. = Д. Н. Ушаковъ: Краткое введеніе въ науку о языкѣ. Москва. 1913.

Фасм. Яз. = Лекціи по Языкознанію чит. М.Р. Фасмеромъ въ 1912/13 г. на II к. сл.-ист.отд.Императ.Женск.Педагогич.Института /Литографированный курсъ/.

Другія сокращенія и условныя знаки.

* Звѣздочка - ставится передъ письменнымъ изображеніемъ возсозданной или предположенной /гипотетической/ формы.

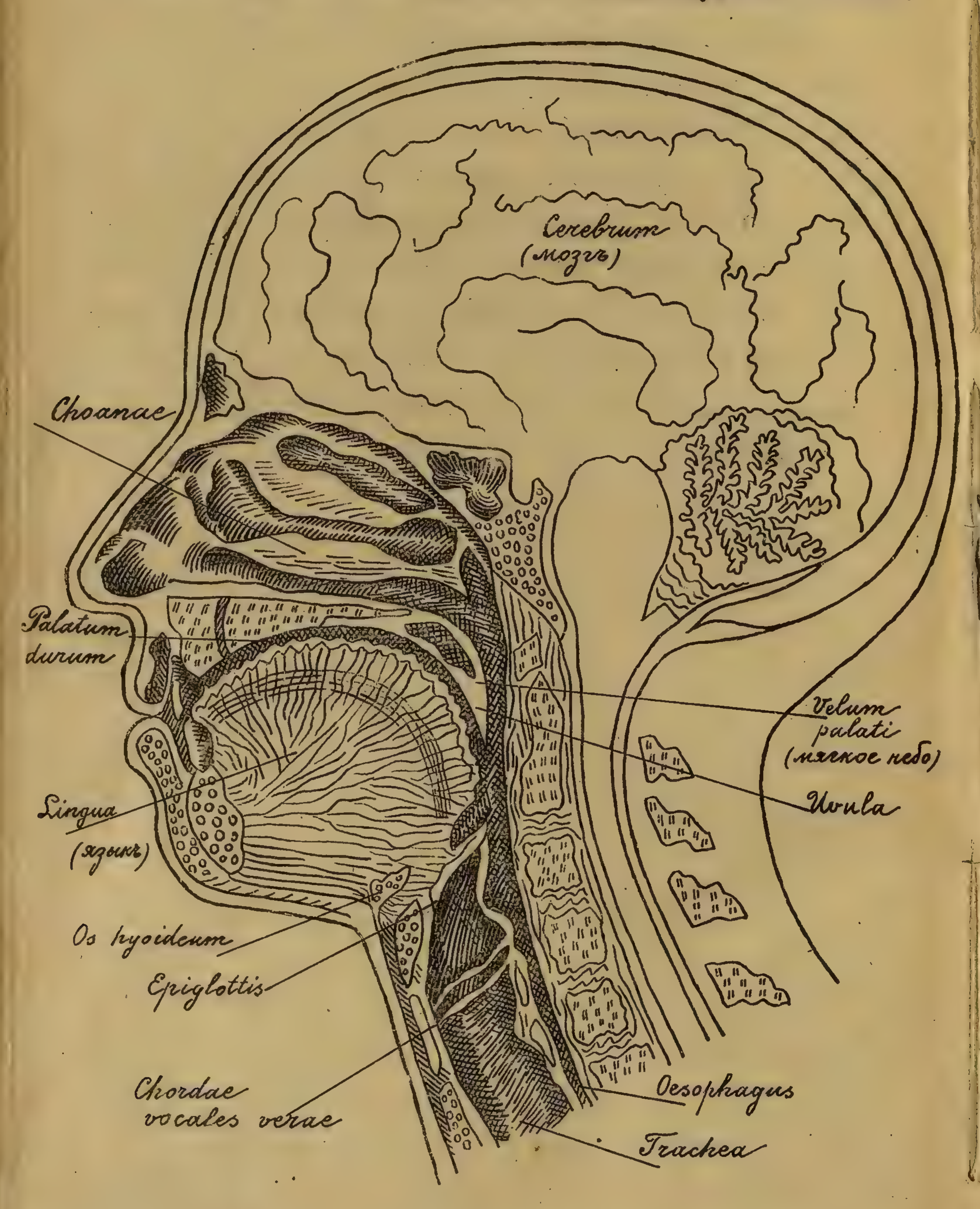
| - рядомъ.

|| - знакъ альтернаціи или чередованія.

╪ - знакъ корреспонденціи или соотвѣтствія въ двухъ языковыхъ мышленіяхъ.

⟹ - знакъ историческаго перехода: то, письменное изображеніе чего стоитъ передъ этимъ знакомъ, перешло исторически въ то, изображеніе чего поставлено послѣ этого знака.-

Вертикальный сагиттальный разрѣзъ головы и шеи.
Органы обнаруживанія произносительно-слухового языка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	строка.	вмѣсто:	должно быть:
5	6 сн.	быдто бы	будто бы
9	9 сн.	водáтахъ	водáтах
10	6 сн.	вод-ы́	вод-ы̀
"	5 сн.	вод-ы́	во̀д-ы̀
"	"	водѣ	водѣ́
11	13 сн.	... один	...., одинъ
13	2 сн.	существующимъ	существующимъ. А
		существуетъ	существуетъ
20	13 св.	Написаніе	Написанія
24	3 св.	je ('l)	je ('e)
"	6 сн.	сближенія (j)	сближенія (j,')
25	7 сн.	свѣдѣнія"	„свѣдѣнія"
30	14 св.	м, н являются	м, н, являются
"	15 св.	неносовые	неносовыми
40	10 св.	нашихъ,т.е.	нашихъ, - т.е.
"	"	а вообще	но и вообще
46	7 сн.	вызываемыхъ	называемыхъ
50	2 сн.	vyčwb'əš̌	v'yčwb'əš̌
57	10 сн.	того; не	того; не
58	10 св.	того съ г	того съ г
"	11 сн.	написано	написано
60	10 сн.	k-avo	k-ǎvó
68	9 сн.	м, н, при	м, н; при
70	10 сн.	языкъ, губы	языкъ, губы
71	5-6 св.	кончика языка	кончика языка

79	9 св.	языкъ	знакъ
82	I0 сн.	o, a, b	o, a, e
85	2 сн.	im мыслится	im :мыслится
87	9 св.	ср. § 6	ср. § 76.
90	I сн.	ʒ, ʒ'	ʒ, ǯ
92	II св.	слвдующемъ	слѣдующемъ
"	I6 св.	g g^h v	g, g^h ṽ
"	I7 св.	ʒ $ʒ^h$	ǯ $ǯ^h$
97	2 сн.	p > ^{b}p > $^{b'}$m	p > ^{b}p' > $^{b'}$m
I0I	I4 сн.	o ɑ e	o ɑ e
I02	II сн.	[ʒ']	[ǯ'],
I03	I0 св.	minimstr	mimnimstr
II2	7 св.	этиха фонемъ	этихъ фонемъ
"	I4 св.	согляда́тай и гляди́	согляда́тай и гляди́
II3	I св.	символомъ ∂	символомъ ∂ ,
II5	7 св.	фонема w	фонема u
II7	I5-I6 св.	ареографію	ореографію
II8	I сн.	элементовъ и	элементовъ/ и
I20	2 св.	"ижица"/	/ "ижица"/
"	II св.	ять"	"ять"
I26	5 св.	фонема	фонема p
"	6 св.	фонема	фонема p'
"	I3 сн.	ареографіи	ореографіи
I28	2 св.	элементы	эквиваленты
I39	I св.	/тихъ	/этихъ
"	I2 св.	тѣмъ	этимъ
I4I	9 сн.	/дня/Фонема a	/дня/.Фонема d

I44	9 сн.	фонемы, <u>x</u>	фонемы, <u>z</u>
I45	I3 сн.	Mien	chien
I46	I4-I3 сн.	⇒ dńe ⇒ dńa } ⇒ 0	⇒ dń-e ⇒ dń-i } ⇒ dń-a.
I47	8 сн.	dn-a	dń-a
"	I сн.	kámeń-a и	kámeń-a и kámń-a,
I49	8 сн.	внѣязыковыми се- масіологическими	внѣязыковыми, се- масіологическими
I50	4 сн.	//nóś..); /<u>k</u>// <u>č</u>	//nóś....); <u>k</u> // <u>č</u>
I5I	2-3 св.	//b'éréž-); уда- ряемость	//b'éréž-); ударяемость
"	4 св.	t'ŕáx́-im v-a-t'...)	t'ŕáx́-im v-a-t') и т.д.
I52	6 св.	<u>breg-</u>	<u>bŕeg-</u>
I53	4 св.	-ŕe - l'e	-ŕe-, -l'e-
"	6 св.	-ere-	-eŕe-
"	9 св.	церковно-слав,	церковно-слав.
"	I4 св.	rov	rov-
"	I5 св.	roz	roz-
"	2 сн.	<u>šd</u>	<u>žd</u>.
I54	9 сн.	voloč - (волочу	voroč- (ворочу
"	8 сн.	-uč-	-uč-
I56	5-6 св.	посредничавшія	посредничившія
"	I0-9 сн.	Maleur	chaleur
"	5 сн.	cambiare	cambiare),
"	I сн.	Métif	chétif
I60	I4 сн.	со своей	съ своей
"	I0 сн.	mož	mož-

I60	I сн.	/ищетъ/.	/ищетъ/......
I63	7 св.	ꝑꞩꞑꞇꞩꞑ	ꝑꞩꞑꞇꞩꞑ
I64	3-4 св.	walt-/wal-ten-	walt-/wal-ten
I65	6 сн.	stop	štop
"	2 сн.	P'jan	P'ján
"	I сн.	bå̆jimcā̊	bå̆jimcā̊
I66	2 св.	šuḿit	šuḿiḿt
"	4 св.	ṕéśnim	ṕéśńiḿ
"	I0 св.	ṕjom	ṕjóm
"	II св.	ăcå̆ḿim	åcåḿiḿ
"	I2 св.	krå̆ja	kråjá
"	I0 сн.	mėčta	ḿėčtá
"	7 сн.	g'ośta	góśt'a
"	3 сн.	påjot	påjót
I68	I4 сн.	v̆oź-i-, v̆oź-ut	v́áź-i-, v́óź-ut
"	5 сн.	z ‖ g	ž ‖ g
"	3 сн.	ź ‖ d'i,	ž ‖ d'i,
I69	7 св.	или съ zo	или съ zi ž ‖ źi
"	I3 св.	соотвѣтствуютъ смотря	соотвѣтствуютъ, смотря
I7I	7 св.	веде	ведё-
"	8 св.	žăv -	zăv́-
"	"	зовё	зовё-
"	I0 св.	/пеци	/пеци)
"	II сн.	śek-//śek-	śek-//śek-
I74	I св.	„графика"	„графика" /фонемо-графія/
"	5-6 св.	орөо графія	орөографія /мор-фемографія/

I75	6 св.	эторонѣ	сторонѣ
I76	I св.	формою	формъ
"	I4 св.	-ami	-ámi
I80	I3 сн.	v́el'-t	v́el'-i-t
"	2 сн.	mestoov	ḿest-óv
I8I	I4 св.	svěc-i	śvěč-i
I83	6 св.	эти	эта
I85	3 св.	типомъ,	типомъ
"	4 св.	/рукѣ/	/рукѣ/,
"	9 сн.	sek-u, seč-ut	śek-ú, śek-út
"	"	stéreg-ú stereǵut,	śtéreg-ú, śtéŕeg-út ...,
"	6 сн.	ṕek-i	ṕek-i
"	5 сн.	stéreg-i	śtéreg-i
I87	8 св.	hez-i	v́ez-i
I92	2 сн.	прочоходству	по сходству
I96	9 св.	работу	работы
I97	I3-I2 сн.	составныхъ ныхъ	составныхъ
I98	8 св.	элементовъ	элементомъ
"	9-8 сн.	§ I45.2 <u>Другіе термины</u>	§ I45. 2.<u>Другіе термины</u>.
I99	7 сн.	морфологическими	морфологически-ми,
"	2 сн.	вели	/вели/
"	I сн.	плач	/плач/
203	3 св.	свойственнымъ	свойственнымъ русскому языку
"	7 св.	самесіологическими	семасіологиче-скими

